

СЕМЬЯ И ШКОЛА

1 ЯНВАРЬ 1970

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

**ОХ, УЖ ЭТИ
СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ!—**
сердитые люди
произносят это
с осуждающей
интонацией,
подразумевая
**ВСЯЧЕСКОЕ
СВОЕВОЛИЕ
И ВЕРХОГЛЯДСТВО.**

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ? —
задумываются
педагоги и ученые.
— За этим понятием
**МНОГО СЕРЬЕЗНОГО
И ИНТЕРЕСНОГО...**

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА. Фото Б. Романова.

В ЭТОМ НОМЕРЕ

► **ВОСПОМИНАНИЯ В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА
О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ**

Э. Цюрупа:

Тридцать два года, целая жизнь, в которой и горе, и радость, работа, и книги, написанные или задуманные. И тысячи людей, встреч. Многое забылось. А две короткие встречи с Надеждой Константиновной Крупской, вернее — две половины одной встречи — вечер и утро, — со мной, в памяти сердца.

► **ВОЛЯ**

К. Гуревич:

Воспитание воли есть процесс прежде всего практический. Никакими благими рассуждениями волю воспитать нельзя. Она складывается и развивается в борьбе с трудностями, в приобретенном умении побеждать эти трудности.

► **ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ
АВТОБИОГРАФИЮ**

Расскажите о себе, о том, что примечательного было в вашей жизни. Какие вы извели радости, через какие вам пришлось пройти испытания? Какие встречались вам люди и какой оставили след в вашей памяти? Разделяете ли вы мнение, согласно которому все в человеке начинается с детства?

► **РАССКАЗ Т. СМЕРНОВОЙ «Ключ»**

► **СТЫДНО ИЛИ ТРУДНО?**

Л. Очаковская:

Мать тем и отличается от всякого другого человека, что она не свободна. Она вся подчинена своей любви к ребенку. Она не свободна от беспокойства, от хлопот, от обязанностей, от неприятностей, о которых ни один бездетный человек даже не подозревает.

► **ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ**

Ст. Рассадин:

Увлечение детективами может стать опасным для внутренней жизни лишь в том случае, если оно оттолкнет нас от истинного, высокого, большого искусства. Если начнет застилать свет.

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ В СЕМЬЕ

Когда мне приходилось бывать у Владимира Ильича дома, меня всегда поражало и трогало то изумительно товарищеское, глубокое и задушевно теплое отношение, которое проявлял он на каждом шагу и к Надежде Константиновне, и к ее матери, которая всегда жила с ними. Надежда Константиновна изо всех сил старалась ничем не обременять Владимира Ильича и дать ему возможность заниматься спокойно теми многими научными и политическими вопросами, которыми он всегда был перегружен. Но это ей удавалось нелегко. Владимир Ильич, когда был дома, — а он часто уходил на многие часы в библиотеки, — находясь в своей небольшой чистенькой, просто обставленной комнатке, чутко прислушивался к тому, что делается в соседней комнате и на кухне, где женская половина семьи в известные часы занималась хозяйством.

Нередко бывало, что, несмотря на весьма тихий разговор, Владимир Ильич улавливал, что к чаю нет хлеба или надо еще что-нибудь купить. Тут он вдруг появлялся в растворенной двери и решительно заявлял:

— Ну уж за хлебом это я пойду! Почему ты, Надя, мне раньше этого не сказала?.. Должен же я принимать участие в хозяйстве...

Перечить Владимиру Ильичу было нельзя: он мигом одевался и уходил в соседнюю булочную или лавочку и приносил все, что было надо.

— А это по моему личному выбору, — торжественно заявлял Владимир Ильич, вынимая то, что он купил са-

мостоятельно, быстро уходил к себе и продолжал прерванную работу.

Обедали они, пили чай и ужинали в строго установленные часы. Если в это время приходил кто-либо из товарищей, Владимир Ильич самым внимательным образом ухаживал за пришедшим, угощал всем, что было на столе.

Еще большее внимание постоянно оказывал Владимир Ильич матери Надежды Константиновны. Она нередко похварывала. Надо было видеть, как Владимир Ильич заботился о ней: ходил за доктором, покупал лекарства и ободрял больную.

— На время болезни главное, — говорил Владимир Ильич, — не падать духом.

Мы знаем, как он сам давал этому разительный пример, терпеливо вынося адскую боль при воспалении межреберных нервов — болезнь, которой он нередко болел и которой очень сильно мучился перед II съездом. Изумительную стойкость проявлял он во время женевского съезда Заграничной лиги социал-демократов, когда сильно расшибся и, несмотря на ужасную боль, не покинул заседания, сделав в этот же вечер большой доклад о работе II съезда партии и расколе, происшедшем на нем.

Известно также, какое мужество проявил он после, во время ранения 1918 г. Относясь так спокойно к собственным заболеваниям, он был особо внимателен и чуток ко всем, кто заболел рядом.

Его отношения с Надеждой Константиновной могут служить действительным образцом нашей социалистической семьи. Постоянное дружески-товарищеское внимание, стремление побыть вместе, поделиться ново-

стями и новыми мыслями, обсудить сообща все важное в политической жизни и после напряженной работы отправиться вдвоем на отдых — таковы были отношения в семье Ленина. Владимир Ильич очень любил прогулки, и, когда удавалось ему вырвать свободный часок, он сейчас же стремился за город с Надеждой Константиновной и с сестрами, когда они навещали его. Он очень дружил с ними, переписывался, расспрашивал о них товарищей, которые приезжали из России и которые видались с ними. Когда Надежда Константиновна заболела базедовой болезнью, Владимир Ильич самым внимательным образом заботился о ней, беря на себя многие домашние дела, и не позволял ей переутомляться и волноваться. Он перебивал с ней у лучших врачей. Когда он убедился, что операция неизбежна, он попросил произвести ее знаменитого бернского хирурга профессора Кохера, и сам присутствовал в клинике, где делали эту операцию. В течение долгой болезни Надежды Константиновны Владимир Ильич самым внимательным образом изучил литературу о базедовой болезни, способах ее лечения. Мне не раз приходилось слышать от докторов, что Владимир Ильич, говоря о болезни Надежды Константиновны, рассуждал, как заправский специалист. Такое особое внимание к Надежде Константиновне он проявлял всегда.

Долго живя за границей, Владимир Ильич внимательно следил за состоянием здоровья, настроением и всеми интересами своей матери, Марии Александровны, которую он нежно любил. Как бы он ни был занят, какие бы самые насущные дела ни отнимали у него все время, казалось, без малейшего остатка, он всегда находил возможность, урывая от сна и отдыха, обязательно написать ей заботливое, теплое письмо, рассказать и о себе, и о Надежде Константиновне, и о сестрах, если они были с ним.

И вот однажды, когда Владимир Ильич жил в Лозанне, собираясь отправиться в двухнедельное путешествие по Швейцарии, я приехал к нему, чтобы переговорить о многих делах и наших изданиях, а также условиться, куда пересылать экстренную почту и газеты. Встретил я Владимира Ильича весьма оживленным:

— Пойдемте-ка, — сказал он мне, — я покажу вам, какой замечательный подарок мама прислала нам с Надеждой! — и он быстро, увлекая меня, пошел к выходной двери. Мы спустились вниз во дворик дома. Здесь стояли только что распакованные новенькие прекрасные два велосипеда: один мужской, другой женский.

— Смотрите, какое великолепие! Все это Надя сделала. Написала как-то маме, что я люблю ездить на велосипеде, но что у нас своих нет. Мама приняла это к сердцу и коллективно, со всеми нашими сколотила изрядную сумму, а Марк Тимофеевич (это был Елизаров, муж Анны Ильиничны) заказал нам в Берлине два велосипеда через общество «Надежда», где он служил. И вот вдруг — уведомление из Транспортного общества: куда прикажете доставить посылку? Я подумал, что вернулась какая-либо нелегальщина, литература, а может быть, кто выслал книги? Приносят, и вот вам нелегальщина! Смотрите, пожалуйста, какие чудесные велосипеды! — говорил Владимир Ильич, осматривая их, подкачивая шины и подтягивая гайки на винтах. — Ай, да мамочка! Вот удружила! Мы теперь с Надеждой сами себе господа. Поедем не по железной дороге, а на велосипедах.

Надо было видеть, как радовался Владимир Ильич вниманию к нему и к Надежде Константиновне его матери и его домашних. Это особенно было ему приятно и трогало его.

Надежда Константиновна вся сияла и радовалась за Владимира Ильича.

— Я пойду писать письмо маме, а вы отправьте его заказным, — сказал он мне на ходу и быстро поднялся на второй этаж пансиона.

— Рад, как ребенок! — шепнула мне Надежда Константиновна. — Ужасно любит мать, но не ожидал такого внимания от всех наших и сейчас прямо в восторге...

Мы пошли наверх, где Надежда Константиновна укладывала все необходимое в дорожные мешки.

— Мы все это привяжем к моему велосипеду сзади. Теперь незачем таскать их за плечами. А вот вам письмо. Пожалуйста, отправьте сейчас же, да не забудьте! — подтвердил мне Владимир Ильич.

Обо всем переговорив и условившись об адресе для телеграмм и писем, мы спустились по парадной лестнице вниз.

— До свидания, товарищи! Надя, садись! — крикнул Владимир Ильич и быстро вскочил на велосипед. Надежда Константиновна, раскланиваясь с нами, уверенно выехала за ним, и они быстро скрылись за поворотом шоссе, утопающего в цветущей зелени.

РЕЖИМ ДНЯ И НОВЫЕ ПРОГРАММЫ

Идеи новых школьных программ все больше завоевывают признание и учителей, и широкой общественности. Но многих родителей беспокоит: посильна ли новая программа для самих учащихся, особенно начальных классов, не приведет ли она к перегрузке, как новое содержание и методы обучения влияют на режим дня, работоспособность и состояние здоровья детей?

Именно эти вопросы изучались в ходе двухлетнего исследования, проведенного Научно-исследовательским институтом возрастной физиологии и физического воспитания. Оно осуществлялось в 1—3-х классах школ

Москвы, Суздаля и Суздальского района, обучавшихся по экспериментальным и по действующим учебным планам и программам.

Что же обнаружило исследование?

Прежде всего, факты несомненной перегрузки учащихся домашними заданиями. Время, затрачиваемое дома на приготовление уроков, значительно превышает возрастную норму. Как можно предположить, основная причина здесь в том, что не все учителя школ, переведенных на трехлетнюю систему обучения, были достаточно подготовлены к этому.

Исследование выявило и другие нарушения режима дня: сокращение времени пребывания детей на воздухе и продолжительности их ночного сна. Однако эти факты не связаны с экспериментальным обучением. Они одинаково имеют место и в классах, обучающихся по прежним программам, к тому же они были уже известны раньше и порождены сложившимся укладом семьи. В частности, младшие учащиеся часто недосыпают из-за того, что засиживаются перед экраном телевизора.

Исследование не обнаружило ухудшения состояния здоровья детей. Уровень умственной работоспособности у учеников экспериментальных и контрольных классов был одинаков. А в ряде случаев у учащихся экспериментальных классов он был заметно выше, что объясняется активным методом преподавания. После четырех уроков у учащихся тех и других классов не наблюдалось никаких признаков резкого утомления. После полуторачасового отдыха внимание и силы детей полностью восстанавливались.

У учащихся всех начальных классов отмечены обычные годовые возрастные сдвиги, хороший уровень физического развития и содержания гемоглобина в крови, низкая общая и текущая заболеваемость.

Таковы кратко результаты исследования, сообщенные на Президиуме Академии педагогических наук СССР М. В. Антроповой — заведующей лабораторией врачебного контроля Института возрастной физиоло-

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ,

действительный член Академии педагогических наук СССР

Бесспорна акселерация физического развития — это факт, многократно подтвержденный исследованиями советских и зарубежных антропологов. А акселерация психического развития — столь ли она несомненна? Я думаю, что сегодня с уверенностью можно говорить, по крайней мере, об акселерации умственного развития. Причину тому видят в обилии информации, обрушивающейся на современного ребенка. Но я полагаю, что еще более существенный фактор — изменение характера информации. Под изменением характера информации я разумею возрастание меры ее абстрактности. Обратимся хотя бы к информации, передаваемой средствами языка. Здесь все более существенное место занимают не непосредственные речевые сообщения, а сообщения, опосредствованные техникой (радио, телевидение, магнитофонные ленты). Нет сомнения, что в этом случае информация имеет гораздо более абстрактный характер — хотя бы потому, что ваш собеседник или вовсе словно бы не существует (радио), или он, так сказать, всеобщий собеседник — «человек, передающий информацию», а не реальное лицо, с которым вы ведете разговор (телевидение). Вы — лишь слушатель. Иногда полагают, что такого рода односторонний контакт усиливает пассивность восприятия. Я придерживаюсь противоположного мнения: опосредствованная (и более абстрактная) информация требует и гораздо более активного восприятия и, следовательно, подстегивает его развитие.

Эта перемена касается не только языка. Создания техники, которые обступают ребенка с первых его шагов, абстрактны по своей сути. Движения лошади ребенок воспринимает и понимает непосредственно — хотя бы потому, что они похожи на его собственные движения, они «антропоморфны». Но сможете ли вы сколько-нибудь внятно объяснить ему принцип движения автомобиля, не прибегая к абстрактным понятиям, основываясь лишь на данных его непосредственного опыта?

И так всюду. Для того чтобы понять, как горит керосиновая лампа, ребенку достаточно просто внимательно рассмотреть ее. А лампа накаливания или газосветная — что здесь можно увидеть? «По проводам идет ток...» Но что такое ток, что такое вакуум? Это же понятия высокой степени абстрактности! И с такими понятиями сегодняшний ребенок встречается на каждом шагу, они входят в его умственный обиход.

Решительно никакой беды в этой ранней активизации познавательных процессов нет. Напротив, умственная акселерация свидетельствует о том, что старое представление о неизбежной конкретности детского мышления — не более чем предрассудок, созданный традиционной дидактикой. И строить на этом «незыблемом» представлении процесс обучения — значит, в сущности, задерживать развитие ребенка. Степень абстракции —

гии и физического воспитания. Они и стали предметом оживленного обсуждения, в котором приняли участие представители министерств просвещения и здравоохранения.

Хотя исследование не обнаружило прямого отрицательного влияния фактов нарушения режима на здоровье детей, мы, однако, не знаем, как эти факты могут сказаться на дальнейшем развитии молодого организма. Не носит ли их влияние до поры до времени скрытый характер? Вот почему, подчеркивали выступающие, нельзя мириться с нарушением режима.

Но как этого добиться? Отдельные товарищи предлагали уменьшить общую нагрузку в начальных классах, сократив число уроков в день с четырех до трех, длительность урока с 45 минут до 35, а также отказаться от домашних заданий. Однако большинство признало, что подобные предложения нереальны.

Конечно, было бы желательно сократить длительность урока в начальных классах, особенно в первом. Но пока что условия в большинстве школ не позволяют это сделать. Тем большее значение имеют минуты физической зарядки, которые предусматриваются в середине урока. Необходимо следить, чтобы они строго соблюдались и полноценно использовались для активного отдыха. Вряд ли правильно сокращать количество уроков с четырех до трех. Если б даже удалось сократить длительность урока до 35 минут, то освободившееся время лучше использовать для еще одного занятия, скажем, по искусству.

Точно так же трудно согласиться с предложением отказаться от домашних заданий в начальных классах. Нельзя противопоставлять задачи укрепления здоровья детей и развития их умственных сил. Надо искать способы их гармоничного сочетания. Домашние задания важны для воспитания умственной самостоятельности ребенка. Всякое развитие требует определенных усилий, определенного напряжения, а также последовательного повышения их длительности, их устойчивости. Освобождая ребенка от таких усилий, мы тем самым тормозим и его развитие. Не обернется ли это в конечном счете против самого здоровья детей? Ведь здоровье — не есть нечто готовое и пассивное, что надо лишь оберегать. Само здоровье растет и крепнет

в условиях деятельности, привычки к физическому и волевому усилию. Борясь против перегрузки, мы не должны впадать в другую крайность, пренебрегая развивающей, укрепляющей ролью самой нагрузки.

Проведенное исследование убедительно показывает: главное в борьбе с перегрузкой учащихся домашней работой — совершенствование методики обучения. Чем выше качество урока, чем совершеннее методы учителя и его педагогическое мастерство, тем успешнее дети справляются с домашними заданиями. Вместе с тем важнейшее значение имеет культура учебного труда самого школьника. Тут корень успешности и легкости всего будущего учения!

Выступающие справедливо указывали и на возрастающую роль хорошей подготовки детей к школе. Старшие группы детского сада сейчас гораздо лучше справляются с этой ролью, чем прежде. Вместе с тем надо, чтобы и сама школа стала ближе к детскому саду, смелее использовала, особенно в первом классе, игровые, творческие методы обучения и развития.

В подготовку детей к школьному обучению надо вовлечь и родителей. А для этого необходимо обеспечить их добротным пособием, разнообразным дидактическим материалом и т. д. Родители могут дать ребенку не только первые начатки грамоты, чтения, счета. Еще более важным является то общее — физическое и умственное, нравственное и эстетическое — развитие, которое семья может и должна обеспечить детям.

Выступавшие положительно оценили исследование, осуществленное Институтом возрастной физиологии и физического воспитания. Вместе с тем большинство единодушно высказалось за то, чтобы его продолжить и углубить. Установить не только затраты детских сил и времени в ходе обучения, но и их внутреннюю связь с особенностями самих психических процессов, с методами, применяемыми на уроке, с типами домашних заданий и т. д., найти наиболее оптимальное сочетание всех форм и видов учебной работы и их разумное место в общем рационально организованном распорядке дня ученика начальных классов.

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

реальный параметр оценки мышления, но это не возрастной параметр. Я вспоминаю шуточный эксперимент, который придумал в свое время один из моих коллег и который повторял и я: малышам-дошкольникам показывали чистый лист бумаги и просили рассказать, что здесь нарисовано. Смею вас уверить, рассказы были удивительно интересными!

Второе, что хотелось отметить, — это своеобразие «воспитательной ситуации», в которой находится современный ребенок. Развитие человека — процесс необходимый, длительный и медленный. Ребенок, родившийся сегодня, вступит в самостоятельную жизнь почти что в нанун XXI века. Сколь бы высоко мы ни оценивали темпы умственной акселерации, совершенно очевидно, что техника и наука будут двигаться во много раз быстрее. Человек, которому предстоит действовать на пороге третьего тысячелетия, встретится с перемнами, ни темп, ни характер которых мы не можем сколько-нибудь точно предвидеть. Это обязывает нас готовить ребенка к тому, чего еще нет. В прошлом можно было ориентироваться на наличные требования и наличные условия жизни, потому что общий темп изменений был невысоким и человек успевал приспособляться, адаптироваться к нему. Сегодня ресурсы естественной адаптации уже не хватает. И потому соотношение «сиюминутных» и перспективных требований в воспитании резко меняется в пользу будущего.

Я говорил пока об умственном развитии. А нравственное, социальное развитие ребенка? Нет секрета в том, что здесь намечается вроде бы противоположный аксе-

лерации процесс — зрелость личности, то есть социальная зрелость наступает позднее, заметна некоторая инфантильность в поведении и жизненных установках многих молодых людей. Связано ли это с акселерацией умственного развития? Думаю, что нет. Думаю, что это, скорее, явления соседствующие, а не взаимообусловленные. На жизненном пути современного ребенка во много раз меньше препятствий и во много раз больше возможностей, чем у его сверстника начала века. Нелепо было бы видеть в этом что-то плохое. Но когда постоянная опека, родительская сверхзабота оберегает ребенка, подорвана от самостоятельного преодоления трудностей и препятствий, то это мешает развитию личности и тут уж ничего хорошего нет. Тут рождаются лишь чрезмерные, ничем внутренне не подкрепленные требования подростка к окружающим, и обществу.

Не только в семье, но и в школе, как мне кажется, не созданы еще все условия для формирования социально зрелой личности. Я имею в виду, прежде всего, единообразие «социального статуса» ребенка. Его приводят за руку в первый класс, отныне он — учащийся, и таковым он останется до выхода из школы. Но ведь перемены, происходящие за эти годы, колоссальны! А характер воспитательных воздействий меняется, в сущности, весьма незначительно. У нас, например, существуют «единые правила для учащихся» — единые для семи- и семнадцатилетних!

В обучении мы уже начинаем ориентироваться на возросшие умственные возможности ребенка. Думаю, что ресурсы развития его личности не менее значительны.

ДВЕ ПОЛОВИНЫ ОДНОГО УРОКА

Э. ЦЮРУПА

Когда я была еще совсем молодым журналистом, мне довелось повстречаться с Надеждой Константиновной Крупской. В ее рабочий кабинет, в Народный Комиссариат просвещения на Чистых прудах в Москве, меня привело задание журнала «Колхозные ребята». Накануне ответственный редактор сказал мне:

— Вот тебе первое срочное и ответственное задание. Пойдешь в Наркомпрос, обратишься к секретарю товарища Крупской. Объяснишь, что редакция убедительно просит Надежду Константиновну написать несколько поздравительных слов нашим читателям к годовщине Октября. И постарайся достать фотографию. Хотя это очень трудно: Надежда Константиновна не любит публиковать свои портреты.

И я пошла в Наркомпрос.

Секретарь Надежды Константиновны внимательно меня выслушала, сказала: «Посидите одну минуту!» — и скрылась в высоких дверях кабинета. Я сидела и радостно думала: как все здорово получается. Вот сейчас она вынесет мне несколько слов, написанных рукой Крупской: «Поздравляю вас, читатели, и желаю вам...» — и я помчусь в редакцию, и там мне скажут: «Молодец! Быстро, оперативно выполнила задание».

Секретарь вернулась и, придерживая тяжелую створку двери, сказала:

— Пожалуйста. Надежда Константиновна просит

Рисунок Ю. Трусевича

вас войти. Она хочет познакомиться с представителем редакции.

Меня? Войти? Это я — представитель редакции! Я растерялась. О чем она будет меня спрашивать? Что я смогу ей ответить — я недавно в журнале.

— Входите, она хочет с вами поговорить, — твердо повторила секретарь.

И я переступила порог.

Надежда Константиновна сидела за большим столом, сложив руки поверх бумаг. Ее седые волосы были гладко зачесаны, над ушами выбились легкие пряди. Сквозь круглые стекла очков глаза глядели на меня с добрым интересом.

— Здравствуйте. Да вы, оказывается, совсем еще девочка, — сказала она и взяла меня за руку теплой мягкой рукой. И все, что было со мной за порогом, отступило куда-то, растаяло, и я осталась один на один с ее удивительной жизнью. Нет, я вовсе не вспоминала о ее высоких должностях, ни о том, что она избрана народом в верховный орган власти — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, ни о том, что она член Центрального Комитета партии. Я вообще ни о чем не успела подумать. А внезапно, как бывает с разбега, когда задохнешься от ветра, от шири, раскрывшейся тебе, так и я вдруг ощутила величие всей жизни этой скромной женщины.

Родной Ленину человек. Его товарищ. Его жена. Ее теплая рука держит мою руку. Я подняла глаза и увидела, что веки у нее отяжелевшие и губы усталые.

— Садитесь, дитя мое. Давно вы работаете в редакции?

Отвечаю, что работаю уже девятый день, и, чтобы утвердить авторитет представителя журнала, поспешно добавляю, что я не девочка, у меня сын скоро пойдет в школу.

— С кем же он, когда вы на работе? — живо поинтересовалась Надежда Константиновна.

— В детском саду.

— Ну, вот как хорошо, просто отлично, — удовлетворенно сказала Надежда Константиновна. — А вы всегда такая серьезная?

Из-под приспущенных век ее глаза смеялись, и я вмиг попала под власть этих доброжелательных, умных, так много видевших глаз.

— Ну, вот. А то, думаю, отчего человек такой неулыбчивый, когда столько хорошего на свете: и сын в детском саду, и мама на работе, и у колхозных ребят опять есть свой журнал. Это же все радостные, огромной важности события, как вы полагаете, а?

События... Для моего поколения все это было нормой жизни, но для Надежды Константиновны — ее государственным делом, ее революционной борьбой, трудным и радостным завоеванием Советской власти. Я слышала, что журнал, в который я пришла работать, несколько лет не выходил, что недавно его издание возобновилось, однако я ни разу не подумала о том, что это — событие.

— Что я должна сделать для читателей?

Я передала просьбу: всего несколько приветственных слов для октябрьского номера. И, если можно, фотографию. «Потому что, когда ребята читают, — объяснила я пылко, — и на них со страниц смотрит человек, им кажется, что он сам к ним обращается! Вот почему очень важно фотографию...»

Только бы Надежда Константиновна согласилась! Если ей некогда, пусть она просто продиктует мне несколько слов, я запишу, а она только поставит подпись...

— Зачем же диктовать, — улынулась Надежда Константиновна, — я и сама писать не разучилась. И почему только несколько слов? Для меня радость и большая честь подняться на трибуну, которую мне предоставляет ваш журнал, и сразу поговорить самое ма-

лое — с 75 тысячами колхозных ребят. Ведь таков ваш тираж, верно? А на самом деле журнал прочтут, а значит, и меня услышат раза в три, в четыре, в пять больше читателей. Потому что каждый номер непременно побывает в руках у нескольких мальчиков и девочек.

Я опять с волнением подумала, что только сейчас, в эту минуту, для меня ожила цифра, мелким шрифтом набранная на последней странице, — 75 000, обернулась шумом голосов, движением нетерпеливых рук, шелестом страниц.

Надежда Константиновна словно бы прислушивалась к тому, что происходило во мне.

— Девочка, — сказала она. — Не обижайтесь, что я вас так называю, по сравнению со мной вы еще девочка. Так вот, я хочу, чтобы вы хорошенько поняли меня.

Она говорила неторопливо. В ее скромном и строгом облике, в мягком, внимательном взгляде я ощутила твердую уверенность человека, который поступает единственно так, как поступать должно.

— Я не имею права сказать ребятам слова малозначимые. Все ребята знают, что я жена Ильича, его товарищ по революционной работе, его ученица. Он ненавидел пустые слова. У него мы учились уважать слово. Мы все, партийцы, пропагандисты и агитаторы, работники народного просвещения, знаем, что слово — оружие. Оно может стать другом, а может — и врагом. От того, что мы вложим в слово, зависит, станет ли оно делом, и каким — хорошим, нужным коммунистическому обществу или вредным. И раз уж журнал предоставил мне трибуну, я хочу поговорить с колхозными ребятами так, чтобы моя беседа не оказалась набором праздничных слов: чтобы она принесла ребятам пользу, открыла им что-то новое, важное, помогла им расти настоящими строителями социализма. Строить-то ведь не нам, старикам, а им!

— А как вы считаете, молодая мама, — из-за круглых стекол глаза ласково улыбались мне, — что главное нужно воспитывать в младшем поколении? Я полагаю (об этом Владимир Ильич нам неустанно напоминал) — хозяйское отношение к жизни. Для Ильича не было в жизни мелочей, недостойных внимания. Потому что ведь любая досадная мелочь портит большое дело, людям жизнь портит.

Бывало, Владимир Ильич, руководитель первого в мире социалистического государства, увидит — бумага под ногами валяется. Обязательно наклонится и поднимет. Заметит, свет зря горит, а электроэнергия необходима и людям и промышленности, зачем напрасно переводить народное добро? — непременно повернет выключатель, погасит. Или, например, увидит, кто-нибудь младшего обижает, сейчас же вступится. И думаете, он этим поможет только младшему? Нет. И старший поймет, до какой низости чуть было не докатился, слабого обижал, а заодно напомним, что слабый у нас не беззащитен, а обида не безнаказанна.

А для чего все это хочу рассказать ребятам, пионерам? Чтобы и они не проходили мимо непорядков, несправедливостей. Вот тогда они и вырастут настоящими хозяевами и строителями. Не правда ли, это им будет полезнее и интереснее, чем несколько поздравительных слов?

Ответ Надежда Константиновна прочла в моем смущенном и благодарном взгляде. Она засмеялась. Смех у нее был молодой, звонкий. И протянула мне руку:

— До завтра.

— ...Но, — сказала я робко. — Нам срочно...

— Понимаю, — ответила Надежда Константиновна, — но одну-то ночь для работы вы мне дадите, правда? Обдумаю, напишу, а завтра утром вручу.

— И фотографию, — попросила я.

— Не люблю выставлять свои изображения. Но вы мне убедительно разъяснили, что для ребят это важно.

И я сдаюсь, согласна. — Она вынула из ящика стола маленький снимок, поглядела на него критически: — Нет, знаете, неудачный.

Я тоже поглядела. Наверно, и правда, снимок был не очень удачный. Но все молодые, если дело касается людей пожилых, считают: какая разница? Похоже и все. Так и я подумала.

— А вот и не дам. — Надежда Константиновна отобрала у меня карточку и сунула в стол. — Завтра дру- гую принесу, есть у меня на примете одна.

И я ушла счастливая. Завтра!

А завтра пришел новый день и новые непредвиденные обстоятельства. Утром при входе в детский сад сыну, как всегда, велели открыть рот. И сказали: «Горло красное, без справки врача в группу не пустим». И мы побежали в поликлинику. Там ждали в очереди. В кабинете сын не захотел открывать рот. Потом мазали горло и выписывали справку. А когда я вырвалась из детского сада на волю, пассажиры на подножках трам- ваев висели гроздьями, и я пошла через весь город пеш- ком.

Шла и воздух мне казался прозрачным, и люди осо- бенно симпатичными. Шла гордая: суток не прошло, а я уже выполнила задание. И все в редакции мне ска- жут: «Молодец!»

Веселые шаги привели меня к старинному особняку на Чистых прудах.

Секретарь Надежды Константиновны встретила меня строго.

— Почему поздно? — спросила она. — Надежда Кон- стантиновна всю ночь работала, чтобы было готово к утру, а вы не явились к началу рабочего дня. Надежда Константиновна очень волновалась.

Все мои честолюбивые мечты сразу стали для меня ничтожными. Заставила Надежду Константиновну вол- новаться! Я вспомнила мягкое прикосновение руки, отя- желевшие веки и усталые губы. Она работала всю ночь, выбирая слова, самые нужные ребятам, торопилась, что- бы успеть выполнить обещание к утру, а я...

— Детский сад? Справка? Так надо же было позво- нить, предупредить. Мне пришлось позвонить в редак- цию, оттуда прислали человека, рукопись уже там. Так нельзя поступать, товарищ.

Я стояла, потупившись. Ноги словно приросли к пар- кету. И уйти не могу, и остаться не для чего.

Вдруг открылась дверь, на пороге показалась Надеж- да Константиновна. Она протягивала секретарю какое- то письмо, что-то объясняла. И вдруг заметила меня.

— А! Из «Колхозных ребят» пожаловали! Что же вы опаздываете, безобразница?

У меня перехватило горло. Мне тогда казалось — этого никто не заметил. Но вдруг я услышала, как секретарь Надежды Константиновны рассказывает ей про сына и справку.

— Значит, разрешили в группу? Здоров? Ну, это главное, — сказала Надежда Константиновна. — Войди- те ко мне на минуту. Я понимаю, что вам некогда, вы торопитесь в редакцию получить взбучку. Но все-таки войдите, тут у меня для вас кое-что есть.

И, зайдя за свой огромный стол, она вынула из ящи- ка и протянула мне маленькую, по-домашнему кругло обрезанную ножницами фотографию.

— На этом снимке, — лукавый взгляд блеснул мне из-под тяжелых век, — я тоже старушка. Но все-таки старушка симпатичная. И ребятам, наверно, гораздо приятнее, если со страницы с ними буду беседовать вот такая я. Как вы полагаете?

Она проводила меня до самой двери. Взяв мою руку ладонями, сказала на прощание:

— Есть такое выражение, его приписывают Людови- ку XVIII: «Точность — это вежливость королей». Для нас с вами короли не законодатели. Мы скажем на

свой лад: «Точность — это вежливость трудовых людей по отношению друг к другу». В это стоит вдуматься, не правда ли, девочка?..

...В зале Библиотеки имени Ленина сегодня я листаю подшивку старых номеров журнала. Вот он, номер, вы- шедший более тридцати лет назад. «Колхозные ребята». Ежемесячный журнал деревенских пионеров и школьни- ков. Орган ЦК ВЛКСМ. Год 1937, № 10.

Тридцать два года, целая жизнь, в которой война, по- тери, и горе, и радость, победа, работа, поднятая цели- на и книги, написанные или задуманные. И тысячи лю- дей, встреч. Многое забылось. А две короткие встречи с Надеждой Константиновной Крупской, вернее — две половины одной встречи — вечер и утро, — со мной, в памяти сердца. Дорогой урок. Урок? Конечно. Урок точности, вежливости трудовых людей друг к другу. Урок требовательности к себе, вдумчивого, инициатив- ного отношения к делу.

И еще это был урок человечности. Как чутко отнес- лась к молодому, еще неумелому и не слыхом ради- вому сотруднику редакции Надежда Константиновна, за всю жизнь не позволившая себе опоздать на заседа- ние — будь то встреча с детьми, с работниками или со- ществование государственной важности.

И все это вместе стало драгоценным уроком жизни.

Старый номер журнала. На его первой странице — кругло обрезанная ножницами маленькая фотография. Волосы, разделенные прямым пробором, знакомо выби- лись над ухом легкими прядями.

«...Более сильные, более знающие, более умелые дол- жны помогать тем, кто слабее, кто меньше знает. Надо также, чтобы была забота об общем имуществе. Видят ребята — забор завалился, надо поправить; видят — бу- мага грязная набросана, надо убрать; видят — огонь зря горит, надо потушить...»

Глаза из-под отяжелевших век смотрят живо, заин- тересованно. Брови слегка приподняты. Лоб высок. Под- пис под снимком, сделанная ее рукой: «Н. Крупская».

«...Надо учиться, надо вглядываться и вдумываться в жизнь... Надо крепкую волю иметь, уметь самим с собой справляться, быть выдержанными, стойкими, му- жественными, готовыми к труду и обороне».

Голос, прозвучавший с этих скромных страниц, кото- рые она назвала высокой трибуной, за десятилетия был подхвачен сотнями изданий. Живой, он звучит и для сегодняшних подростков:

«Привет вам, родные ребята!»

СЛАД- ЧАЙШЕЕ ВРЕМЯ НАШЕ

Рисунки В. Вострикова

ЛЮБОВЬ КАБО

МЫ НЕ ОДИН НА СВЕТЕ

Бот и настала пора решить главнейшее. «Ребенок наш — словно корабль в гавани, — говорили мы с вами. — Он весь заряжен движением. Еще немного — и он тронется собственным своим путем». Мы говорили: «Многoго на этом пути мы, родители, ни предвидеть, ни предугадать не можем». Правильно. Но главное, тем не менее, мы предвидеть должны: не КЕМ будет наш ребенок, но — КАКИМ, — в этом неуклонном своем движении.

Ежедневно, едва разлепляя сонные свои глаза, уже с младенческих, ясных своих лет ребенок наш вступает в громадную, разнообразную жизнь; встречается с огромным числом людей — и чем взрослее он будет, тем с большим, — решает ежедневно и ежечасно множество непредвиденных и непредсказуемых задач — и чем он старше, тем задачи сложнее. Что станет во всех его решениях главнейшим? Как будет он относиться к людям? Чему подчинит свою жизнь?

«Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» — кто из нас не знает этих слов Владимира Ильича! И главнейшее в облике нашего ребенка названо сейчас вовсе не произвольно: КАКИМ членом общества станет воспитанный нами человек? Будет он, образно выражаясь, «грести от себя» или будет «грести к себе», таить приобретенное или щедрейшим образом его отдавать? Будет он творцом и созидателем или потребителем и тунеядцем? Человеком «для себя» или человеком «для всех»? Включится он всем своим существованием в жизнь окружающих его людей или проживет на отшибе, глухой

и равнодушный ко всему, что не касается его лично?

Нельзя быть свободным от общества, в котором живешь. Мы не только сына или дочь на собственное утешение и на собственную радость воспитываем, мы воспитываем будущего члена большого человеческого сообщества. Так вот — кого же воспитаем мы: сосредоточенного на себе эгоиста или человека, соучастного всему, чем живут окружающие его люди? Воспитаем обывателя или воспитаем гражданина коммунистического общества? Все, о чем до сих пор мы говорили, выводилось нами не из холодной и несколько отвлеченной категории долга — вы, дескать, должны, должны, должны, и ребенок ваш в будущем должен, — выводилось только из понятия счастья. Что может быть дороже родителям, чем истинное (подчеркиваю: истинное!) счастье рожденного ими человека! Какие категории должностования и служения могут с этим сравниться!

Только вот одно: очень уж сложная это категория — «счастье». Диалектичная по самой природе своей.

Вспомним, вспомним труднейшие, несчастливейшие наши годы! Нарочито говорю о труднейших и несчастливейших. Вспомним войну. Сделаем известное душевное усилие, вернем мысленно назад все, что мы тогда пережили. От чего бы мы отозвались сейчас? От участия в общей беде, переживаемой всем народом? Что изменили бы, доведись нам жить «по второму разу»? Рассуждали бы: другие пусть как хотят, а я на этот раз и не шелохнусь? Отмолчусь, скроюсь, ни на что не отзовусь душевно... Так бы мы рассуждали? Разве отдали бы мы забвению хотя бы один день? Воен-

ные вдовы, подумаем вместе, разве предпочли бы мы, чтоб погибшие наши мужья в тот страшный час оказались трусами и дезертирами? Отдали бы затаенную печаль нашу и наше достоинство за позор отступничества? Доведись все сначала — спрятали бы возлюбленных наших по чуланам и чердакам, от всего уберегли бы, прокормили бы как-нибудь? Нет, ничего не изменили бы мы в нашем прошлом — те, к кому минувшая война приросла как кожа.

Есть великое и нелегкое счастье — соучастия всенародной судьбе. Помню, как захлебнулась я этим когда-то, береженная профессорская дочка, голодая и скитаясь по дорогам военных лет: пусть все, что угодно, но со всеми же! Все, что происходит сейчас в моей жизни, неотделимо от всех! И как громадно, как масштабно было то, что в ту пору с каждым из нас происходило!.. Что-то очень похожее на чувство, выраженное известным поэтом в знаменитых стихах тех лет: «Знаешь, Алеша, по-моему, родина — не дом городской, где я празднично жил...»

...Дорогой мой друг, я знаю, ты понял бы сейчас каждое мое слово, ведь и ты был счастлив: наконец-то сбылось, наконец-то ты идешь со всеми!.. Оторваться друг от друга невозможно было в последнем прощанье, и неверные улыбки дрожали на лицах, — помнишь? Ничего бы мы оба не отдали — из того, что было в тот день!..

Какая музыка была,
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая топтала...

Есть, повторяю, великое счастье — соучастия, причастности тому, что происходит с твоим народом, — чем бы ни грозило это личной твоей судьбе. Мы, взрослые, все его испытывали. Так или иначе — испытывали все.

Поймите меня правильно: мы, конечно, уже не о войне говорим. Ни за что — война, никогда — война!.. Довольно того, что мы пережили!.. Но пусть наши дети живут крупно, масштабно, пусть сизмальства почувствуют вкус человеческого общения. Пусть изготовятся душевно и собственной своей судьбе, и пусть это будет гражданственная судьба, а не жалкое мещанское существование.

Окончание. Начало см. № 8—12 «Семьи и школы» за 1969 год.

Помню, столкнулась я с таким — еще в ранней, беспечальной юности. Зашла с подружкой в один из переулков на Сретенке, в тесно заставленную вещами полуподвальную комнату. Сидела там молодая, лет двадцати, степенная женщина, преисполненная важности по случаю состоявшегося в положенный срок супружества. Замуж она вышла за пожилого повара. Рассуждала, помнится: очень удачно вышла, уж что-то, а без хлеба не насыжусь, сыта буду, муж принесет, муж накормит... Мовет, потому и запомнились эти самодовольные ее рассуждения, что были в тогдешнем, юношеском состоянии наших умов и представлений о жизни невероятны. Подумать только: молодая женщина, почти сверстница, сидит взаперти, без книг, без друзей, без какого бы то ни было намека на тетрадки и чернила, разговаривает целыми днями только с висцей в полутемном окне, почти хрестоматийною канарейкой!.. Подружку мою поучала, когда я отлучилась ненадолго: «Что ты делаешь? Тебе бы с нею, тебе бы с кем-нибудь покрасивше дружить, с такой, чтоб внимание на себя обращала, — глядишь, и сама ты подцепила бы себе кого-нибудь...» Озабочена была, чтоб и другие, как она, устроились — по выгоднее, попримичней. Добра желала.

Вы скажете: крайность! Конечно, крайность: ведь не того же хотим мы с вами, чтоб дети наши во что бы то ни стало и прежде всего были сыты! И все-таки... Все-таки — и чему стремятся иные родители, когда говорят: «Опять задержался в школе! Сколько можно — и так, слава богу, пять уроков!..» «Опять в поход! Зачем тебе этот поход? Мы в отпуск поедом и подальше...» «Кружок? Какой там еще кружок! У тебя уроки, отметки...» «Субботники? Только этого не хватало! Обойдутся без тебя на субботнике...» Что на это все возразить? Нехорошо заскиживаться в школе, да без отдыха, да без еды, — только ведь сами-то мы заскиживались! И в походы ходили, на всю жизнь их помним. И кружки да субботники у нас были...

Что возразить? Рассказать о том, какое это счастье, — когда все вместе, когда дружно, когда весело? Кто всего этого не знает!.. И нынешние отцы, и даже нынешние деды выросли в ус-

ловиях социалистического общежития, — знают они это все доподлинно. Так забывают почему-то!..

Сколько раз мне, учителю доводилось наблюдать: чем труднее, чем сложнее было какое-то дело, тем ребята мои становились счастливее. Хотя бы на эту вот фотографию взглянуть: восемь залпанных грязью, вымокших до нитки развеселых мальчишек — в подвернутых штанах, в широким позе. Это они только что из страшной размошей глины под проливным дождем выволокли походную нашу машину. Или вот еще — смеющиеся ребята на деревянном крыльце. Опять война! Только что спустились с окрестных гор, куда разослали летом школьников по опустевшим колхозам. Каждый вечер вот так спускались, бежали после тяжелой работы за несколько километров, сокращали время и без того коротенького летнего сна, чтоб хоть час, хоть полчаса посидеть вот так, всем вместе, на учительском крыльце, — и помянуть, и посмеяться вместе, и, может быть, погрустить...

Или еще фотографии — веселых ребят в стеганках и ушанках, — один к одному. Это уже совсем недавние снимки: выпускники одной из забайкальских школ всем классом уехали чабанами в далекую степь. Мороз в пятьдесят градусов, тяжкий и нечистый труд от зари до зари, оторванность от семьи, от всего на свете, — а посмотрите на эти лица: озорство, задор, молодость. Рады до смерти, что что-то такое с честью преодолевают — все вместе.

Человеку можно сколько угодно говорить, что вот это хорошо, вот это плохо, что вот так он счастлив, а вот так, представьте себе, несчастлив. Человека воспитывают не слова — человека воспитывает опыт счастья. Дело воспитателя — опыт этот организовать.

Опять и снова «счастье»! Ничего не поделаешь! Никакие домашние тихие вечера и домашний мир и покой не заменят молодому, подрастающему существу радости совместных со сверстниками переживаний и совместных преодолений, не заменят этого ощущения полноты и масштабности жизни.

Случилось мне писать книгу об удивительном человеке — Борисе Леонидовиче Беклешове. Не был он ни педагогом, ни профессионалом-воспитателем — был научным сотрудником в одном из институтов Академии наук. Но всю жизнь его неудержимо тянуло к детям. Вот и организовал он при одном из домов пионеров так называемую Мещерскую краеведческую экспедицию, краеведческий кружок, всерьез нацеленный на изучение Мещерского края. Несколько лет выезжали ребята 13—17 лет в Мещеру, обмеряли мещерские реки и исследовали мещерские леса, изучали, так сказать, местные ресурсы, приобретали полноту первоначальные навыки в труде геолога, гидролога, почвовед, географа. Что интересовало руководителя прежде всего — то, чтоб они приобрели эти навыки? Интересовал его прежде всего этот самый опыт счастья, о котором мы сейчас говорим. «Какая это удивительная жизнь! — записывал в своем дневнике один из ребят-мещерцев. — Какое это счастье, что я встретил в жизни таких людей!..»

Сколько нелегкого испытывали «мещерцы» все вместе — и сколько веселого! Вот и горе пережили вместе — безвременную гибель Бориса Леонидовича. Вот тогда я и познакомилась с ними. Все, как один, говорили эти повзрослевшие юноши и девушки о том, как участие в общих делах навсегда определило их жизнь, сделало

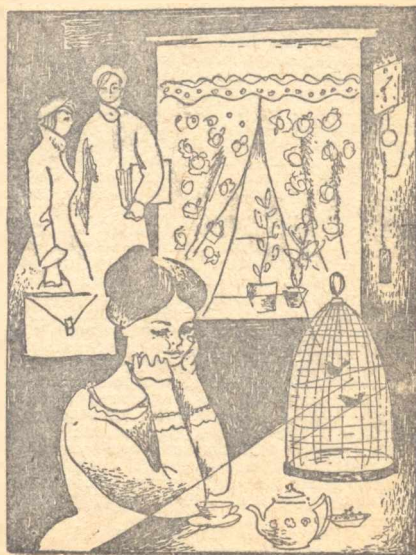
каждого из них умнее, духовно богаче, значительнее. Совместножитый опыт счастья — после него невозможно было жить иначе: только с людьми, только в общем, необходимейшем людям деле!..

Вот и с родителями этих ребят я говорила. Они вспоминали, как тревожило все это их вначале: бесконечные ночевки в лесу, недоедание, промокшие ноги... Опять экспедиция и опять, опять «к Борису Леонидовичу», опять «к кружковцам»! Обидно становилось: в конце концов, есть у ребят дом и семья — или уж нет их?.. Но чем дальше, тем больше понимали родители, какое великое счастье выпало на долю их детям: встретит человека, который самоотверженным образом сплачивает их и объединяет...

Каждый юный человек жаждет подобных впечатлений, изнемогает без них, — и сам подчас не в силах определить, что собственно ему нужно, почему испытывает он такую неудовлетворенность жизнью. Это очень тревожно и очень грустно — когда подобных впечатлений в жизни нашего ребенка нет.

Бывают такие люди — вот и замуж вышли или, предположим, женились, и всю жизнь вместе прожили, и даже ребят завели, — а что такое настоящая любовь, так, между прочим, и не знают: не было настоящей-то любви! Есть люди, которым так и не довелось испытать за всю жизнь, что за штука такая творчество, — прожили вполне. А есть люди, которые так и не испытывали никогда радости соучастия в общих интереснейших делах, радости товарищества, совместного с другими людьми преодоления препятствий; согласитесь, что жизнь подобного человека — особенно если это молодой, подрастающий человек — ущербна как-то.

Ну, а если уж раз испытаешь нечто подобное, если опыт подобного счастья хоть раз в твоей жизни прояснил — не променяешь его и впредь ни на какие привилегии и удобства. Знала я одного такого парня, художника. Попал он в армию, а там начальство с первых же дней распорядам сооружают — работа не на день и не на два, — а парень этот, благо художник, пусть оформляет армейский клуб. Парень ответил: «Нет! Что

товарищи делают, то и я буду делать». Скажете — жертва? Сидел бы в тепле — торчит на 30-градусном морозе, работал бы кистью — ворочает киркой и лопатой... Никакая это не жертва, а элементарный житейский расчет: вырос этот парень в очень не плохом коллективе, радость человеческого общения испытал полной мерой, а раз испытал, вовсе не желал менять ее так вот вдруг на уединение в тепле и покое. Вот и вынес из армии не сожаление о «потерянных» годах — мы уже, помнится, говорили об этом, — а привязанности на всю жизнь и крепкую дружбу.

Вы скажете: все это хорошо, конечно, но при чем здесь гражданственность? Начали, дескать, со всенародных судеб, а пишите о мальчишеском товариществе, о школярской суете. Да потому и пишем так, что с детства этого товарищества и начинается включенность человека в жизнь окружающих людей, причастность ко всему, что вокруг него происходит. А это все и есть начальная, элементарнейшая гражданственность. Легко научить человека говорить по любому поводу правильные слова, да только это еще не гражданственность, — труднее воспитать безошибочный инстинкт патриота и коллективиста. Все начинается здесь, в первом юношеском коллективе, — с заботы о заболевшем товарище, с взаимной выручки и взаимной поддержки, с общих интереснейших перспектив, с привычки ставить интересы целого коллектива выше собственных удобств и соображений. Именно о гражданственности А. С. Макаренко сказал: «Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути... Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, но надо возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза...» И еще он сказал — там же и о том же: «Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше».

Еще и еще раз о счастье! Потому что тем полноценнее, тем устойчивее и богаче будет жизнь вашего сына или вашей дочери, чем теснее сплетена она с жизнью окружающих. С младенческих своих лет, с первого, детского опыта, ребенок должен привыкать к тому, что он — не один на свете.

Какие черты присущи истинному гражданину — честность, мужество? Скажем так: гражданская честность, гражданское мужество. Вряд ли все это можно воспитать в камерных, в домашних условиях. Все это проявляется — или не проявляется — только в условиях коллектива, в общении с другими людьми. Гражданина только усилиями домашних не воспитать, нужны, если можно так выразиться, условия не «лабораторные» — сообщество сверстников, производственный, так сказать, коллектив.

Многое зависит от личной нашей позиции. Одни родители ворчат: «Опять школа, опять отряд! Опять какие-то там дела, совсем не бываешь дома...» Другие сами идут в школу, идут в пионерский отряд: делают, чем могут, содействуют, как умеют. Нет коллектива — помогают неопытному или неумелому руководителю его создать. Одни на родительском собрании спрашивают: «Как у моего сына идет математика? Как — иностранный язык?» Другие интересуются: «А каков мой сын с товарищами? Как ведет себя в коллективе?» Одни просят: «Мой сын нездоров, вы его, пожалуйста, зря не загружайте...» Другие советуются: «Мой сын нездоров. Как бы организовать его жизнь

таким образом, чтобы он ни в чем не оторвался от класса?..» В классе, где мне пришлось быть классным руководителем, родители, помнится, именно так говорили, если ребенок их был нездоров. Великолепные подобрались родители! Посмеивались, помню: «Еще неизвестно, какой коллектив воспитается из наших ребят, а у нас коллектив уже вот он, есть...»

«Лучшие люди на свете! Так говорили мы с вами о родителях. Лучшие, замечательнейшие люди на свете — в глазах собственных детей. Как хотят они нас видеть такими! Как горды, как счастливы бывают, когда родители, действительно, понимают все — понимают и эту потребность ребят друг в друге, эту глубокую тягу их к общим переживаниям и преодолениям, к совместному труду!..»

И еще об одном хочется сказать — в этой же связи. Если уж речь идет о нашем, родительском проникновении в мир детей.

Какая начинается в иных домах свистопляска, когда подрастающий человек с самоуверенностью, свойственной неискушенной юности, начинает высказывать свои первые суждения! Далеко не все родители могут похвастаться выдержкой и терпимостью, и элементарным тантом. И начинается: «Вы, молодые, всегда...» А в ответ зазорное: «Вы, старые, вообще...» И вот уж она возника, готова, материализовалась из воздуха, из ничего — пресловутая проблема «отцов» и «детей».

Все это имеет и сегодняшнему нашему разговору отношение непосредственное. Потому что можно сколько угодно исходить из общности и неизменности идеалов — все это будет и точно, и верно — и об эстафете поколений можно говорить — самые эти поколения, из рук в руки передающие эстафету, различны все-таки. Сравнить, например, комсомольцев двадцатых годов, пуританских нетерпимых и танцам и галстукам, и комсомольцев шестидесятых годов, смеющихся и нарядных, беззаботно танцующих на Красной площади в ночь после выпускного бала. При невероятных темпах, которые приняла современная наша жизнь, можно привести примеры, и не столь далеко отстоящие во времени.

Поэтому и хочется предостеречь всех тех, кто берется воспитывать с позиций прошлого: «А в наше время все было не так», «одевались скромнее», «вели себя иначе»... Или — «в наше время рассуждали поменьше — дело делали!» — иногда ребята наши слышат и такие упреки.

Молодежь не терпит самодовольства и чувства собственной непогрешимости — вне зависимости от того, говорится все это от себя лично или от лица целого поколения. Сама жизнь не терпит односестности взглядов. И ю молодежи должны быть обращены люди, идущие в ногу со временем, доброжелательные ко всему новому, желающие и умеющие его понять. Так нам это все представляется.

Слышат наши дети подчас и такие обвинения: «Вам все досталось слишком легко», — об этом, помнится, мы тоже уже говорили. Молодость «детей» действительно отличается от молодости «отцов» — детям все достается гораздо легче в сфере материальной... Но мы с вами ни слова не говорили о том, насколько трудней им достается что бы то ни было в сфере духовной! Эту потребность подростков во всем разобранном, до всего дойти самим нам, взрослым, необходимо понять в своих детях. И — уважать. Потому что это превосходнейшая потребность: все на свете додумать самим! Молодые люди наших

дней вовсе не беспечны — беспечны только молодые мечтатели.

Независимые мыслители, как нуждаются они тем не менее в нашей поддержке! Мы вовремя должны приходить им на помощь; не допускать, чтобы естественные сомнения юности перерастали в безнадежнейший скептицизм, а подчеркнутая самостоятельность суждений — в поверхностность их и в развязную хлесткость. Подрастающим гражданам должно помочь все: исторический опыт наш, и достижения, и даже наши ошибки. Быть терпеливыми, быть мудрыми, быть доказательными, — дорогие родители, а что можно нам пожелать еще!.. Научиться думать вместе с ними. И понимать главное: чем лучшими людьми будут наши дети, чем глубже будет проникновение их в жизнь окружающих — тем труднее им будет. Труднее — не легче! Потому что история делается лучшими. Но тем счастливей они будут, наши ребята. Потому что весь наш «взрослый» опыт говорит: счастлива и наполнена человеческая жизнь только тогда, когда теснейшим образом связана с жизнью всего народа. Никуда нам от этого опыта нашего не уйти.

Вот он лежит под стеклом на моем столе, — и, наверное, знаком каждому из нас, — портрет неизвестной матери, написанный гениальной рафаэлевской кистью. Сикстинская мадонна!.. Современные люди, конечно же, не воспринимают религиозный сюжет картины. Они видят Мать. Она идет прямо на нас легкой, царственной походкой итальянской крестьянки, теплый ветер откидывает с головы ее покрывало, и темные глаза ее смотрят на нас серьезно и грустно, с детским доверием и умудренной добротой. А на руках ее сидит ребенок. Он тоже смотрит на нас. Что знает он о себе? Что знает мать о дальнейшей его судьбе? Но посмотрите, с каким доверием и с каким бесстрашием несет она его в мир — вот сейчас, сейчас протянутся вперед ее руки... Вневременный идеал человечества, запечатленный художником, самое прекрасное, что есть на свете: мать, отдающая людям драгоценнейшее достояние свое. Отпускающая на подвиг. Не умеющая, не желающая поступить иначе.

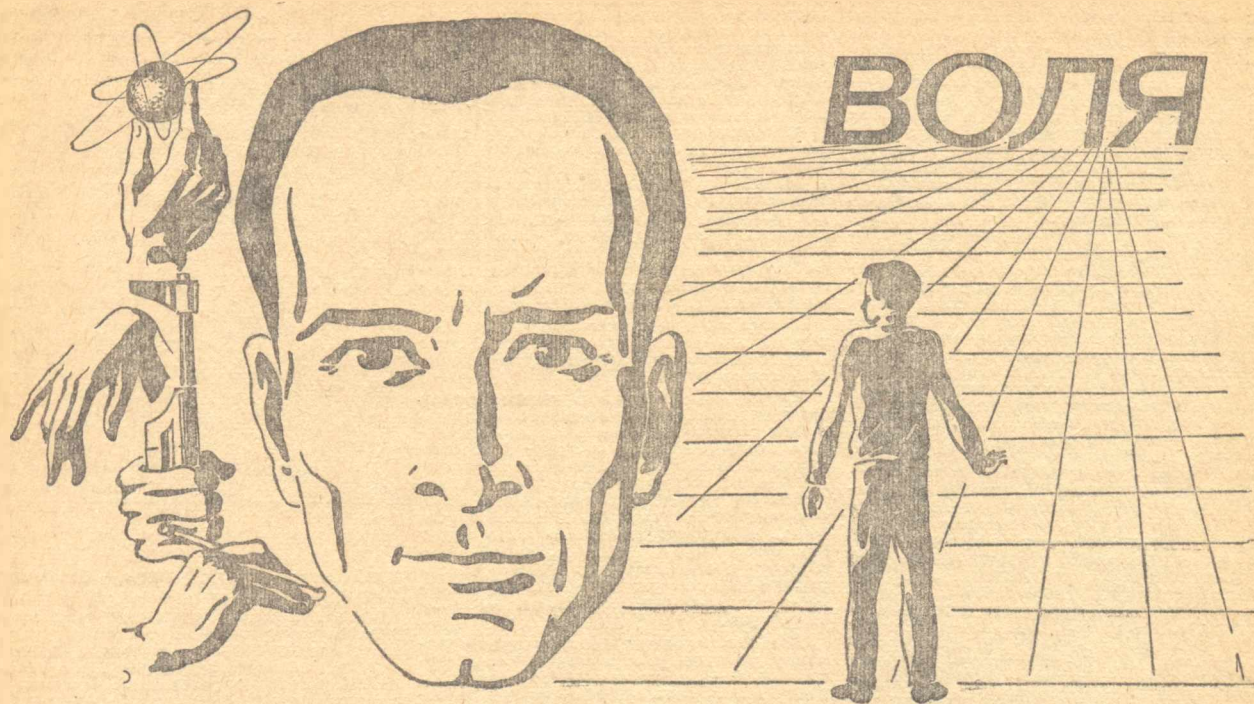

Рисунок В. Янова

К. ГУРЕВИЧ,
старший научный сотрудник
Института общей и педагогической психологии АПН СССР

Более ста лет назад один из величайших русских людей записал в своем дневнике: «24 марта (1847 г.) Я много переменялся; но все еще не достиг той степени совершенства (в занятиях), которого бы мне хотелось достигнуть. Я не исполняю того, что себе предписываю: что исполняю, то исполняю не хорошо, не изошряю памяти. Для этого пишу здесь некоторые правила, которые, как мне кажется, много мне помогут, ежели я буду им следовать. 1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что. 2) Что исполняешь, исполняй хорошо. 3) Никогда не справляйся в книге, ежели что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить. 4) Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силою. 5) Читай и думай всегда громко. 6) Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают; сначала дай почувствовать, а ежели он не понимает, то извинись и скажи ему это». Вероятно, многие узнали, чьи это записи: так писал в своем дневнике 18-летний студент Лев Толстой.

Правила 5 и 6 носят, видимо, временный, «локальный» характер. О правиле 5 можно сказать только то, что Толстой, возможно, подметил: он лучше работает, читая и размышляя вслух. В согласии с остальными правилами он и предписывает себе поступать именно так. Правило 6 явно возникло из условий его жизни того периода. Что касается остальных четырех, то, право же, они сохраняют свою действенность для многих наших молодых современников.

Никак нельзя думать, что вопрос о воспитании воли возник у молодого Толстого случайно. Нет, он настойчиво, многократно возвращается к нему, повторяя и со-

вершенствуя уже разработанные правила или формулируя новые.

Надо ли говорить о том, какие плоды дала эта неустанная, непрекращающаяся работа? Толстого можно с полной справедливостью назвать не только художественным гением, но и гением воли. Разница между этими, органически спаянными в одном человеке двумя видами гениальности в том, что для первого были необходимы какие-то природные предпосылки, а второй целиком был результатом собственной работы Толстого, работы, которая, кстати заметим, не ослабевала до самых преклонных лет, до последних дней его жизни.

Что же такое воля, что это за качество личности, в чем оно выражается? Первый и самый заметный признак человека, обладающего волей, — умение достичь цель, которую он перед собой поставил. Иной раз приходится слышать, как в похвалу человеку говорят: у него есть цель в жизни. Само по себе, разумеется, это неплохо. Но этого еще мало — нужно знать, как к этой цели прийти. Если цель серьезна, захватывает все интересы, будущее человека, то, наверняка, для ее достижения придется преодолеть какие-то препятствия, требующие от человека длительного напряжения его сил либо в других случаях кратковременного, но значительного усилия. Почему же не все способны на это? Потому, что такое умение, как и многие другие, приобретается опытом, практикой.

Цель, без которой не может возникнуть волевое действие, и умение преодолевать препятствия, если они обнаружатся при достижении этой цели, — вот два главных элемента формирования воли, тесно связанных между

с собой. Связь их легко обнаружить: если цель не настолько важна, чтобы за нее бороться, не жалея себя и своих сил, то, естественно, для такой цели и преодолевать препятствия не стоит, следовательно, она и не будет достигнута (разве что случайно).

Таким образом, вряд ли возможно рассматривать развитие воли «само по себе», независимо от других свойств человека, от его стремлений и жизненных планов. Воля — это черта личности. И, как и вся человеческая личность, качество это формируется постепенно, проходит в своем развитии ряд возрастных этапов.

Волевые возможности ребенка в первые годы его жизни, естественно, крайне ограничены. Малыш еще не может заранее планировать свою деятельность, его «цели» всегда «здесь» и «сейчас»; он только что из всех сил тянулся за любимой игрушкой, но вот его отвлекли — и желанная цель мгновенно забыта. Его поведением в значительной мере управляют взрослые: они решают и указывают малышу, какие «цели» заслуживают одобрения, а какие — запреты.

Но стремление ребенка к самостоятельности постоянно растет. И наступает время, когда оно проявляется прямо-таки с неудержимой силой. У психологов есть специальное понятие «кризис трех лет», обозначающее ряд резких перемен в поведении малыша. И одна из самых заметных перемен — неустanno повторяемое «я сам».

Ребенок, в пределах своего понимания, уже стремится заранее планировать свои действия, организовать их так, чтобы они привели его к поставленной цели. Причем цели эти уже не «сиюминутны»; не даром так часто дети говорят: «Вот когда я вырасту большой, то ...» — и намечают подчас самые невероятные замыслы на будущее и не менее фантастические способы их осуществления. У взрослых это обычно вызывает лишь снисходительную усмешку. А между тем, если вдуматься, здесь проявляется одна весьма существенная закономерность развития воли. В самом деле, чем определяется наше, взрослое, умение добиваться намеченной цели? Да тем, что мы знаем, какие пути к ней приведут, что надо обязательно сделать, а от чего — отказаться. Но откуда мы это знаем? Первый источник — личный опыт, собственная практика. Но понятно, что практика эта очень ограничена. На помощь приходит другой источник — общественная практика во всех ее видах, начиная от дружеских советов и кончая научным знанием. Понятно также, что сразу такие знания не приобретаются, на них нужно время, нужна и подготовка. Чем богаче личный опыт человека, чем обширнее и систематичнее его знания, тем яснее вырисовываются перед ним и сама цель, и пути к ней. Не будет преувеличением сказать, что знания — один из краеугольных камней по-настоящему воспитанной, развитой воли.

Вторая же ее существенная основа — это привычки. Как часто можно слышать: «Никакой у него воли нет — не может заставить себя и часа просидеть за учебником не отрываясь» или «Обещал сын следить за порядком в своем уголке, а сам по-прежнему все разбрасывает; видно, воли не хватает». Что можно ответить на это? Да только одно: право же, не стоит в подобных случаях вспоминать волю — здесь должна действовать просто-напросто привычка. И то сказать: если человеку приходится заставлять себя выполнять самые элементарные обязанности и дела, хватит ли ему волевых ресурсов для тех случаев, когда они действительно необходимы? Нет, конечно. Так и бывает, когда жизнь — ребенка или взрослого — не организована, расхлябана, когда в ней нет ни порядка, ни последовательности. Поэтому если говорить о развитии воли в дошкольные и первые школьные годы, то здесь важнейшая задача воспитателя — создать у ребенка широкий, прочный фундамент полезных привычек. Если это получится, ребенку уже не надо будет по любому случаю тратить свои, еще не столь

богатые, волевые ресурсы; многое будет делаться «само собой».

Обучение в школе с первых дней требует от ребенка еще одного важного волевого качества — умения управлять собой. Это касается и внешнего поведения, и (даже в первую очередь) собственно психической деятельности (памяти, мышления, внимания).

Ребенок запоминал стихи и в детском саду. Но как происходило это запоминание? Он сам этого не знает. В школе нужно научиться управлять своей памятью: запоминать нужно то, что задано, и в определенном сроку. А размышлять? Учительница говорит «подумай». А что это значит, что нужно сделать, как заставить себя подумать?

Умению управлять своими психическими процессами ребенка надо учить, терпеливо подсказывая ему, как лучше запоминать, что нужно сделать, чтобы «подумать» (вспомнить, что сказано в задаче, вспомнить, что нужно получить, попробовать так и этак прикинуть, как это можно получить, и т. д.).

Мало-помалу эти требования к поведению школьника и его интеллектуальной деятельности, идущие поначалу извне, становятся и его внутренними требованиями; он может поставить себе какую-то цель («вообще хорошо учиться», или достичь успехов по какому-то предмету, или еще что-то) и добиваться ее осуществления. В особенности это относится к подростковому возрасту. Такие стремления, если они замечены и поддержаны педагогом, могут оказаться чрезвычайно плодотворными. Все дело в том, есть ли они.

Как часто бывает? Воспитатель долго и обстоятельно объясняет воспитаннику, к чему он должен стремиться, какие цели должен перед собой ставить. Воспитанник слушает, иногда внимательно, иногда из вежливости, порой пытается возражать, но делает это так неумело, что его легко разбить. Разговор окончен, дело сделано. И что же? Да ровно ничего. Все идет по-прежнему. В таких случаях говорят: «как об стену горох».

Попробуем разобраться, в чем же причина воспитательной неудачи? Одна из возможных причин (все, разумеется, перечислять нет необходимости) в том, что воспитатель выдвигал цели, которые не стали, да и не могут стать, по нынешнему уровню развития личными целями воспитанника.

Если 6 подросток, которому преподносится педагогическое «наравучение», был бы посмелее и яснее отдавал себе отчет в своих стремлениях, то он должен был сказать своему воспитателю: «Все то, что вы мне говорите, возможно, и верно. Да беда в том, что не это меня интересует, я не к этому стремлюсь. Я не смогу так убедительно и последовательно рассказать вам, почему мне дорого то, к чему я стремлюсь, но та цель, которую вы передо мной ставите, это еще не моя цель». Вряд ли подросток скажет что-нибудь подобное. Но скажет он или не скажет, смысл дела от этого не меняется: человек может бороться только за свою цель, за ту цель, которая определена всей сутью его личности.

Теперь было бы уместно поставить вопрос: почему цели подростка и цели взрослого иногда не совпадают между собой? Это особая и большая тема. О ней здесь можно сказать только в самых общих словах. Цели человека, конечно, не возникают по его личному произволу и хотению, хотя ему кажется, что это именно так. Эти цели возникают у него как результат всего предшествующего жизненного пути, отраженного в структуре и потребностях личности. Учителя и родители, исходя из интересов самого подростка, внушают ему, что он должен усердно учиться, не шалить, хорошо себя вести. А друзья, с которыми связан подросток, имеют на этот счет другое мнение. Они полагают, что заслуживает уважения, напротив, тот, кто не боится пропускать занятия в школе и дерзить взрослым. Где-то, на каком-то

этапе взрослые «проглядели ребенка». Произошло печальное, а иногда и трагическое «рассогласование» целей; редко, очень редко удастся беседами поставить все на нужные места.

Говоря о том, что цель подростка должна быть его личной целью, мы никак не имеем в виду цель индивидуалистическую, эгоистическую. Но самая нравственно безупречная цель только тогда побудит человека к действию, когда она возникнет из его глубоких жизненных стремлений. Если этого нет, если школьник лишь по принуждению, из уважения к старшему или (что тоже бывает) просто из страха будет пытаться принять то, что внушают ему, собственную волю ему так воспитать не удастся. В лучшем случае, он станет исполнителем чужой воли.

Таким образом, перед взрослыми, воспитывающими волю ребенка, возникает более сложная задача — воспитание личности. Цели, на которых воспитывается воля, не могут быть случайными, их нельзя, как правило, выдвигать, имея в виду лишь «тренировку воли». В особенности необходимо учитывать это обстоятельство при воспитании подростка. В этом возрасте ребята охотно ставят перед собой задачу воспитания воли, размышляют, как стать волевым человеком, порой устраивают что-то вроде соревнований на выдержку, на терпение. К сожалению, часто все эти стремления ничего не дают лишь потому, что они лежат вне основного потока жизни. В этом же потоке воле, по мнению некоторых ребят, словно бы и не на чем проявляться.

Чем вызвано такое мнение? Чаще всего тем, что повседневный круг домашних и школьных обязанностей оказывается слишком легким (или неинтересен) для ребят, они не видят здесь «достойных себе» целей. Мы же не открываем им этих целей, или — что еще хуже — стараемся оградить их от трудностей и усилий, или — что не менее скверно — недоверием и пренебрежением встречаем попытки подростка взяться за дело, которое, на наш взгляд (а может быть, и на самом деле), ему «не по плечу». А между тем высота и бескомпромиссность (пусть и чрезмерная, и нереалистичная) замыслов и требований к себе — одна из самых драгоценных примет подросткового возраста. И для того чтобы поверить в себя, чтобы приобрести лучший опыт, научиться усваивать общественный опыт, подросток должен иметь право на ошибку. Недоверие взрослых, их неоправданная и излишне резкая критика подрывают его уверенность в себе и задерживают его волевое развитие или, что еще хуже, толкают, хоть и невольно, на поиски путей внешнего, показного самоутверждения.

Пока мы говорили только о цели. Но за достижение цели нужно бороться. Нужно, чтобы формирующийся человек умел преодолевать трудности, если они окажутся на пути к цели.

О каких же трудностях и препятствиях мы говорим? Эти препятствия часто делят на внешние и внутренние. Первые, внешние, — это препятствия, которые возникают и существуют независимо от нас, они вызваны условиями и обстоятельствами, в которых нам приходится действовать. Внутренние препятствия возникают в том случае, если какие-то собственные наши импульсы и побуждения мешают выполнить намеченное. Решил человек заниматься, сел за стол, а занятия не идут, «нет настроения», мысли переключаются на предметы, далекие от занятий. Извне никаких помех нет, они все зависят от самого себя.

Внешние и внутренние препятствия, в сущности, не так уж отличаются друг от друга. Преодоление того, что называют внешним препятствием, в конечном счете тоже зависит от самого человека, от его настойчивости и твердости. Но проявить настойчивость и твердость — это значит повлиять на людей, изменить обстановку. Для этого нужно выказать должное самообладание, не

побояться, может быть, вступить в конфликт. Нужно найти для этого силы. В конечном счете преодоление внешнего препятствия зависит от интенсивности тех побуждений, которые предопределили выбор цели. В этом смысле внешние препятствия не отличаются от внутренних.

Справиться с внутренними побуждениями, мешающими достижению цели, совсем нелегко. Допустим, я хочу сосредоточиться и заниматься, а незаметно для себя все время отвлекаюсь. Я хочу, чтобы мой ум действовал со всей возможной ему силой, а ум работает вяло и непродуктивно. Я заставляю себя думать об избранной цели, а вместо этого появляются мысли о том, что цель не так уж и нужна, что многие вообще обходятся без всяких целей, живут, как трава растет, и никто их за это особенно не упрекает. Иногда чисто внешние причины способствуют внутренней мобилизации. Например, имеет значение рабочая поза, подготовленность рабочего места, если дело идет о работе, соответствующий тон и выражение лица, когда дело касается влияния на других людей. Но одни лишь внешние приемы часто оказываются недостаточными. Нужно найти внутренние приемы самообладания.

Задача, которая стоит перед человеком, вознамерившимся воспитать у себя приемы внутреннего самообладания, состоит в том, чтобы затормозить и подавить все побуждения, мешающие волевому действию. Отметим еще раз, что это возможно в том случае, если цель, которую ставит перед собой человек, представляется ему важной и нужной. Но предположим, что такая цель есть: может быть, это какое-то личное качество, приобретение которого представляется ребенку или подростку чрезвычайно важным (смелость, физическая сила и т. п.), может быть, это знания или умение, от которых зависит будущее (будущая профессия и весь жизненный путь). Итак, значение цели ясно. Тем не менее добиться ее достижения непросто. Не хватает умения вести за нее борьбу с самим собой.

Техника внутреннего самообладания носит в значительной степени индивидуальный характер. Индивидуальные особенности человека сказываются на том, что ему сравнительно легко и что трудно. Но о некоторых общих предпосылках, способствующих самообладанию, можно говорить.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ. Каждый из нас в любую минуту может отказаться от той цели, которую перед собой поставил, и выбрать вместо нее другую. Воспитатели знают этот нехитрый прием, свойственный слабovolным детям и подросткам. Допустим, вы говорите вашему сыну, что, поскольку он решил стать летчиком, нужно заботиться о своем физическом развитии, о технических и математических знаниях. Как будто он был с вами согласен. Но на другой же день он под каким-то предлогом отказывается от физзарядки, а после прихода из школы, не выполнив заданий, убегает с товарищами в кино. Когда вы требуете от него объяснений, то слышите: он, поразмыслив, пришел к выводу, что профессия летчика не для него, он лучше станет учителем, тем более что вы сами говорили, насколько важна эта профессия. Поэтому физзарядка не так уж важна, а что касается кино, то там как раз шел фильм о школе.

Конечно, истинная причина слабоволия в том, что сама цель намечена случайно, не подкреплена глубокими внутренними побуждениями. Если даже подросток сам ее выдвинул, то сделал это безответственно, под влиянием минутного настроения. Настроение прошло, вместе с ним утратила свою привлекательность цель.

Допустим, однако, что желание стать летчиком по-настоящему захватило подростка. Все ли пойдет гладко? Далеко не так. Побуждения, мешающие цели, отнюдь не исчезнут сами собой. И ответственность за достижение

цели должна сыграть существенную роль. Нужно порекомендовать подростку, когда у него возникнут стремления и мысли, мешающие осуществлению его замысла, вызвать в своем воображении две возможные перспективы. Одна — достижение цели. Он — летчик, он летает на новейших современных самолетах, его успехи высоко оцениваются командованием. Он реализует некоторые свои особые замыслы. Кочере говоря — осуществилось все, о чем он мечтает. Другая перспектива: из-за глупой лени он вынужден отказаться от профессии летчика. Товарищи перестают уважать его. Дела, которое в той же степени интересовало бы его, у него нет. Серая, бессодержательная жизнь. При живом воображении сопоставление двух таких возможностей может оказать зачастую стимулирующее действие и подавить посторонние побуждения.

Немаловажное значение имеет мысль о том, как отнесутся к отказу от цели товарищи. В слаженном коллективе, где ребята знают друг друга, вовремя оказанная поддержка иногда оказывается решающей. Подросток начинает чувствовать, что он несет ответственность за достижение цели не только перед самим собой, но и перед своими товарищами. Легкомысленный отказ от цели означает потерю их уважения, которым нельзя не дорожить.

ЭТАПЫ НА ПУТИ К ДОСТИЖЕНИЮ ЦЕЛИ. Дети не вполне отчетливо понимают, что к большой жизненной цели нужно идти постепенно, от этапа к этапу. Каждый из промежуточных этапов сам по себе, может, и не имеет особой привлекательности. Его смысл в том, что он составляет необходимое звено на пути к цели. Прежде всего, это относится к знаниям, получаемым в школе. Зада-

ча взрослого, воспитателя состоит в том, чтобы показать растущему и развивающемуся человеку, какие ступени ведут к цели, приучить ребенка или подростка к мысли, что, только систематически добываясь хотя бы и сравнительно небольших результатов, можно достичь желаемого. Единичный же «рывок» далеко не всегда оправдывает себя, а в учебной деятельности вообще часто оказывается бесполезным.

С другой стороны, иногда самая цель кажется такой далекой, что и мысль о ее достижении представляется чем-то фантастическим и малореальным. Другое дело — отдельные этапы: это нечто «осязаемое», к чему можно стремиться, зная, что достигнешь. Что же, пусть так. Где-то в глубине сознания останется мысль о приближении к цели. А в реальности будет завоевываться одна за другой ведущие к ней ступени.

Остается еще раз повторить, что воспитание воли есть процесс прежде всего практический. Никакими благими рассуждениями волю воспитать нельзя. Она складывается и развивается в действии, в борьбе с трудностями, в приобретенном умении побеждать эти трудности.

СОВЕТУЕМ ПРОЧЕСТЬ:

- А. В. Веденов, Воспитание воли у ребенка в семье. М., Учпедгиз, 1953.
К. Н. Корнилов, Воля и ее воспитание. М., «Знание», 1957.
В. А. Крутецкий, Воспитание воли. М., Учпедгиз, 1957.
Ю. А. Самарин, Самовоспитание школьников. М., «Просвещение», 1967.

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

АНТОНИНА ГЕОРГИЕВНА ХРИПКОВА,
вице-президент Академии педагогических наук СССР,
доктор биологических наук

Социальный, научно-технический прогресс, огромный поток информации, повышение культурного уровня общества и многие другие факторы современной жизни сказываются на развитии детей. Например, по сравнению с 1923—1925 годами подростки и юноши Москвы, Ленинграда и Киева увеличились в росте на 10—13 сантиметров, в весе — на 9—11 килограммов, в окружности груди — на 4—7 сантиметров. В Свердловске, Харькове, Ташкенте, Ростове-на-Дону, Минске, Туле, Глухове, в Волоколамском районе Московской области — словом, везде, где проводились исследования, у подростков также отмечается увеличение роста и веса. Ускорилося и половое созревание. Девочки сейчас достигают половой зрелости к 14—15 годам, большинство мальчиков — к 16—17 годам.

Акселерация коснулась и умственного развития детей. Исследования позволяют утверждать, что дети сейчас значительно более развиты интеллектуально, чем полстолетия лет назад.

В связи с этим перед нами встают серьезные вопросы. Их много, но я назову некоторые — только в качестве примера.

Увеличился рост и вес ребят — надо менять стандарты школьной мебели, оборудования детских садов, гимнастического и спортивного инвентаря, чтобы избежать сутулости, нарушений осанки.

Интеллектуально ребята более развиты — надо все школьные программы привести в соответствие с возрастными умственными способностями детей — что сейчас и делается. Раздаются голоса: а не начинать ли школьное обучение с шести лет — ведь сейчас шестилетки не менее развиты, чем семилетние дети два-три десятка лет назад...

Общество стало богаче, научный багаж человечества тоже. Мы можем теперь учить детей дольше. А взрослеют они, как мы убеждаемся, быстрее. И в нашем обиходе узаконилось парадоксальное выражение — взрослые дети. То есть по всем умственным и физическим признакам люди вполне развитые, но еще не самостоятельные, не определившиеся в социальном смысле. В одном этом столько сложных загадок для семьи, для школы, для производства...

Проблемы современного подхода к детям стоят перед антропологами, педиатрами, психологами, юристами, спортсменами, работниками искусства. Уже сейчас намечается много интересных возможностей более эффективно обучать, воспитывать, закалять молодежь. Уже сейчас проясняется много новых путей для скорейшего гражданского возмужания юношества, для роста коммунистической сознательности. И снова проблема, хотя и старая, но по-новому звучащая: сочетание уважения к людям, сменяющим нас на жизненной вахте, с ревнивой родительской требовательностью к ним.

Напоследок одно сожаление: проблемы, касающиеся акселерации, сейчас никем не координируются. А такая необходимость вполне назрела. Раздробленность исследований и гипотез мешает скорейшей выработке практических рекомендаций.

Каждый человек — неповторимый мир. И не только потому, что нам выпадает на долю переживать разные события, оказываться в несхожих ситуациях. Ведь бывает, что живут люди в одном месте, в одинаковых условиях и в одно время, а возьмись они рассказывать о себе — у каждого выйдет своя особая повесть. Всяк по-своему, в соответствии со своим характером, со своими взглядами, представлениями и опытом воспримет и оценит происходящее вокруг и разные извлечет для себя уроки...

А откуда у нас берутся эти взгляды и представления? Что формирует, строит, складывает характер? Наверное, в свою очередь, среда, время, события, люди влияют на становление личности...

РАССКАЖИТЕ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ: расскажите о себе, о том, что примечательного было в вашей жизни. Какие вы извели радости, через какие вам пришлось пройти испытания? Какие встречались вам люди и какой оставили след в вашей памяти?

Разделяете ли вы мнение, согласно которому все в человеке начинается с детства?

МЫ ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ АВТОБИОГРАФИЮ. Конкурс проводится в течение 1970 года. Последний срок присылки рукописей 31 декабря 1970 года. Рукописи направляйте по адресу: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8, редакция журнала „Семья и школа“. На конверте непременно пишите: „На конкурс“.

Наш совет: не обязательно описывать все полностью и по порядку. Можно выбрать любой важный для вас жизненный этап или одно событие. Если окажется, что по каким-то причинам вам неловко называть людей, о которых придется упоминать, можно заменить настоящие имена вымышленными. Но во всем остальном ваше повествование должно быть правдивым. Не гонитесь за красотой описаний. С нашей точки зрения, основное достоинство текста автобиографии — простота и документальность.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА: рукопись, отпечатанная на машинке, не превышающая 20 страниц машинописного текста, должна быть подписана автором с указанием адреса и места работы.

Председатель жюри М. П. Прилежаева, заместитель председателя Л. М. Иванова.

Жюри определит лучшие работы и присудит премии.

По рекомендации жюри наиболее содержательные автобиографии будут публиковаться в журнале „Семья и школа“.

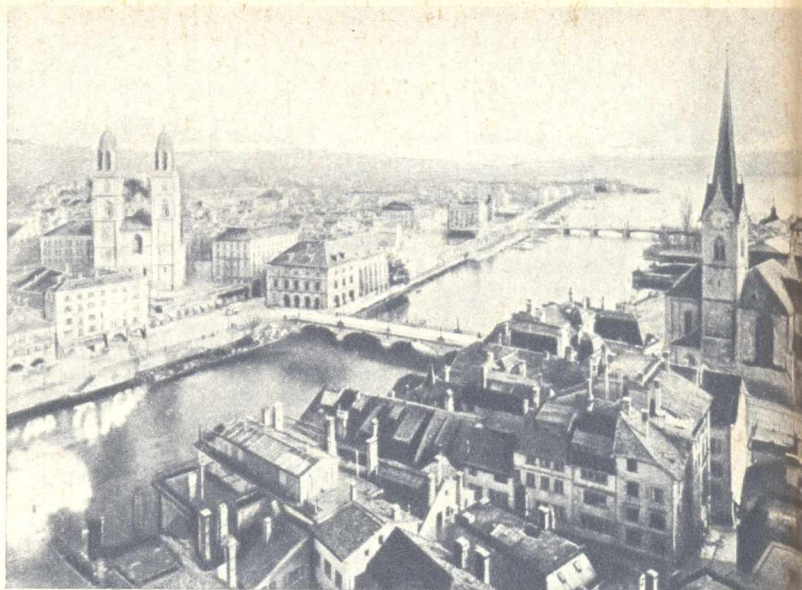
Рецензий и отзывов участникам конкурса жюри не дает. Рукописи не возвращаются.

Фотоэтюд Я. Метелицы.

ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ

ФОТО ТАСС

ЦЮРИХ. ВИД НА ГОРОД.

ШПИГЕЛЬГАССЕ, 14.
В ЭТОМ ДОМЕ ЖИЛИ В. И. ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ.

ДОМ ОТДЫХА „ЧУДИВИЗЕ“ ВО ФЛЮМСЕ —
ГОРНОМ МЕСТЕЧКЕ НЕДАЛЕКО ОТ ЦЮРИХА.
В. И. ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ
ОТДЫХАЛИ ЗДЕСЬ ЛЕТОМ 1916 ГОДА.

ЦЮРИХ

Е. ЖУКОВА

Вторая эмиграция В. И. Ленина продолжалась более девяти лет. Последний год ее он провел в Цюрихе — большом промышленном швейцарском городе. В феврале 1916 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна приехали туда из Берна. Дух мешанства, как писала Н. К. Крупская, в Цюрихе чувствовался меньше. Много было революционно настроенной молодежи, была рабочая публика, и вообще весь ритм жизни был позитивнее, чем в академическом Берне.

Вскоре Ульяновы устроились в семье сапожника Каммерера, на улице Шпигельгассе, дом 14. Прежде дом этот был очень мрачный. Сейчас перед ним снесено строение и сам он несколько прибран. Поэтому бывшая квартира сапожника не кажется такой темной. На фасаде дома висит мемориальная доска — одна из двух, имеющихся в Швейцарии, хотя адресов ленинских в этой стране известно десяти.

Несмотря на тесноту квартиры, Ленин не стал ее менять. «Семья была рабочей», — писала Н. К. Крупская о Каммерерах, — они были революционно настроены, осуждали империалистическую войну». Отношения у Владимира Ильича и Надежды Константиновны с хозяином сложились самые хорошие.

День Владимира Ильича был уплотнен, как всегда. Занятия в библиотеке, выступления в газете «Социал-Демократ», встречи с товарищами по эмиграции и непрерывная связь с большевиками России. Переписка с ними в годы первой мировой войны была крайне затруднена — она шла главным образом через скандинавские страны. Многих из соратников В. И. Ленина царское правительство заточило в тюрьмы, сослало в Сибирь. Достаточно вспомнить участь большевиков — депутатов IV Государственной думы, а также Я. М. Свердлов, Е. Д. Стасовой, Г. К. Орджоникидзе. В январе 1917 года Ленин последний раз выступал перед молодыми рабочими Швейцарии. Его речь была посвящена годовщине 9 января — началу первой русской революции. Выступление Ленина в цюрихском Народном доме было проникнуто непоколебимой

уверенностью в победе русского пролетариата.

Однажды мартовским днем дверь в комнату Ульяновых открылась и сияющий М. Бронский произнес:

— Вы ничего не знаете? В России революция!

Владимир Ильич и Надежда Константиновна, взволнованные сообщением товарища, бросились на берег Цюрихского озера, где обычно вывешивались свежие газеты. В немногословном тексте под рубрикой «Из России» сообщалось, что после трехдневных боев в Петрограде победила революция. Царские министры арестованы. У власти двенадцать членов Государственной думы.

До позднего вечера бродили Владимир Ильич и Надежда Константиновна 2(15) марта по улицам Цюриха. Мысленно они были там, в революционной столице России.

А через день В. И. Ленин направил «Набросок тезисов 4(17) марта 1917 года» в Христианию (Осло) А. М. Коллонтай. Тезисы предназначались для большевиков, отъезжающих в Россию. В этом документе происшедшая революция оценивается как первый этап, за которым должен последовать второй — завоевание власти революционным пролетариатом.

После известия о Февральской революции Владимира Ильича больше всего волновал вопрос о возвращении в Россию. Временное правительство объявило об амнистии политическим эмигрантам. Однако уехать в Питер было сложно. Заграничные консульства России не давали визы тем, кто выступал против империалистической войны, кто провозглашал лозунг «Война — войне». Интернационалисты были нежелательны для Временного правительства, решившего продолжать братоубийственную войну.

Для возвращения на родину составлялись многочисленные планы. Но ни один из них полностью не удовлетворял Владимира Ильича. Наконец на заседании политэмигрантов в Женеве возник план проезда через Германию в обмен на интернированных немцев. Ленин ухватился за это предложение.

«План сам по себе очень хорош и очень верен», — писал Владимир Ильич В. Карпинскому.

Пока швейцарские товарищи, сперва Роберт Гримм, а затем Фриц Платтен договаривались с немецкими властями об условиях проезда русских политических эмигрантов, Владимир Ильич продолжал работать. 5(18) марта в Петрограде начала выходить «Правда». Для нее он написал знаменитые «Письма из далека»: «Первый этап первой революции», «Новое правительство и пролетариат», «О пролетарской мидии», «Как добиться мира?», «Задачи революционного пролетарского государственного устройства». Уже сам перечень заголовков говорит о широте этих программных статей.

Затруднения отъезду отнимали у Владимира Ильича массу времени. Все задержки, пересуды, истерики меньшевиков страшно нервировали Ленина. По воспоминаниям С. Багоцкого, он с горечью говорил: «Ни один разумный человек не усомнится, что мы едем в Россию не по поручению немцев. Вся наша многолетняя работа служит доказательством этого, дальнейшая работа еще подтвердит это. Ведь просто преступно сидеть здесь сложа руки, когда мы так нужны пролетариату в России».

22 марта (4 апреля) германскому посланнику в Берне Ромбергу были вручены условия проезда русских политэмигрантов через Германию. Главными из них были: право экстерриториальности вагона, непрерывности поездки и гарантии, что без согласия Платтена никто в вагон не сможет войти.

Настали самые последние дни. Шел обмен телеграммами с Я. Ганецким, с большевиками, живущими в различных швейцарских городах и собирающимися выехать вместе с В. И. Лениным. Нужно было привести в порядок архив, взять необходимые партийные документы.

24 марта (6 апреля) немцы власти сообщили, что условия проезда большевиков приняты.

С первым же поездом, собравшись буквально за два часа, Надежда Константиновна и Владимир Ильич уехали в Берн. Здесь 26 марта (8 апреля) на собрании эмигрантов — членов РСДРП(б) был принят текст ленинского «Прощального письма к швейцарским рабочим» и утвержден протокол проезда через Германию.

27 марта (9 апреля) В. И. Ленин и Н. К. Крупская возвращаются в Цюрих. В этот же день к трем часам вся группа, состоящая из 31 человека, собралась на цюрихском вокзале. А. В. Луначарский впоследствии писал: «Мы торжественно проводили этот первый эшелон эмигрантов-большевиков, направлявшихся для выполнения своей всемирной исторической роли в страну, охваченную полуреволюцией... Ленин ехал спокойный и радостный».

Когда я смотрю на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, я чувствовал, что он внутренне полон такой мыслью: «Наконец, наконец пришло то, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной».

ОГЛЯНИСЬ

ВО ГНЕВЕ...

Напомним: под таким заголовком редакция опубликовала в № 4 за 1969 год ответ читателю Н. Быкову, который остался недоволен статьей „Ремень — плохой воспитатель“. Товарищ Быков настаивает: пороть детей полезно! Мы и напечатали его письмо вместе с ответной статьей А. Левшина.

Одновременно редакция предложила повести разговор о том, почему бьют детей, превращая воспитание в насилие? Как научиться выдержке и терпению в воспитании? Как сочетать требовательность к ребенку с уважением его личности?

Мы спросили читателей: что они обо всем этом думают? Отклики оказались весьма разнообразными. Тут и протесты против подавления личности ребенка. И наблюдения над последствиями „безобидных“ шлепков для детской психики. И мысли о связи характера наказаний с общим духом воспитания. И горестные воспоминания о собственном детстве. И ценный опыт подлинно человеческих отношений в семье, основанных на взаимном уважении больших и маленьких.

Часть писем и статей была опубликована в номерах журнала за прошлый год. Подведем же некоторый итог обсуждения.

ЕЩЕ НЕ ВСЕ ОТКРЫТО

Подавляющее большинство читателей безоговорочно осудили защитников «ременной педагогики». Но не скроем, нашлись и отдельные «единомышленники» тов. Быкова. Письмо одного из них — Н. Балковского «Нужно власть употребить» — редакция опубликовала в № 8, что вызвало новую волну читательских протестов. Все же факт остается фактом: еще встречаются люди, пытающиеся обосновать «законность» порки детей. Спорить с ними нелегко, и не потому, что их аргументы скольконибудь убедительны, а, наоборот, именно потому, что они выражают косную силу предрассудка.

В. Матюшкин из г. Куйбышева утверждает: «Есть дети, что от рождения имеют черствое сердце, которое не реагирует ни на радость, ни на горе. Такой тип, вырастая, удовлетворяется только острыми ощущениями. Труд в его понятии — занятие для «дурачков», не видящих легких методов наживы. В жизни, чтобы такой тип не повторял поступков, омрачающих человека, нужно его законной силой приводить к порядку. Природу человека не изменит никакой государственный строй, она подвластна только медицине».

Измывления тов. Матюшкина — плод беспочвенного умозрения. Между тем тысячи реальных фактов свидетельствуют о величайшей пластичности, податливости природы ребенка и в то же время — увы! — о том, как

нередко бездумность и слепая любовь взрослого усердно и повседневно портят, калечат эту природу.

Вот о чем нам, взрослым, надо честно и самокритично говорить!

Утверждение неизменности природы человека — безграмотное утверждение. Весь опыт человечества — доказательство способности личности изменяться, развиваться, обогащаться, облагораживаться. Красноречивее же всего тут свидетельствует широчайшая практика социалистического воспитания миллионов людей в нашей стране. А сколько замечательных фактов, когда доброе и умное педагогическое воздействие творит чудеса с самыми запущенными детьми.

Да знаем ли мы еще по-настоящему все возможности человеческой природы и воспитания? Вот что говорит ученый и писатель профессор И. А. Ефремов:

«Как только последние достижения науки позволили нам ближе познакомиться с устройством и работой человеческого мозга, нас сразу же поразила его гигантская резервная мощь. Человек в средних условиях своего труда и жизни использует лишь малую часть мощности своего мыслительного аппарата, развившегося в очень трудной, сложной и опасной жизни первобытного общества. Если б мы умели заставить наш мозг работать хотя бы в половину его возможностей, то для нас никакого труда не составляло бы выучить десяток четыре языков, запомнить «от корки до корки»

Большую советскую энциклопедию, пройти курс десяти-ка высших учебных заведений».

Почему же пока удается использовать лишь незначительную часть тающихся в нас возможностей? «Человечество за многие тысячелетия своего существования, — говорит профессор Ефремов, — еще не научилось учиться».

Не только наша память таит гигантские резервные

мощности. Человеческая натура в целом представляет поистине безграничные возможности развития. Этой деятельной гуманистической верой проникнуты все прогрессивные силы на земле. На вере в человека основывается и наша советская педагогика. Задача, таким образом, состоит в том, чтобы научиться искусству мобилизации всех добрых задатков людской природы, иначе говоря, научиться искусству терпеливого воспитания.

ПИСЬМО О СТРАХЕ

Соображения о «пользе» ремешка иной раз пытаются обосновать личным опытом. Так, В. Федоренко из г. Орска вспоминает, как в детстве он и его товарищи «спрятались в укромное место и начали курить и материться». Об этом узнал отец и так выпорол сына, что тот «несколько дней не мог сидеть». А потом провел с ним беседу о вреде курения и сквернословия. «И вот, — заключает автор письма, — порка, подкрепленная еще и беседой, сделала для меня дым табака противным, а нецензурные слова до того мерзкими, что вот уже сорок восемь лет я хорошо обхожусь без всего этого».

Что сказать о подобном «опыте»? Обычно он приводит к совершенно иному — ребята продолжают свое, только делают это более хитро и скрытно. Но поверим тов. Федоренко, что результат был хорошим. В чем, однако, его ценность?

Смотрите, что получается. Нецензурные слова мерзки для автора письма вовсе не потому, что они оскорбляют его достоинство как человека. Нет, они «мерзки» лишь в той мере, в какой связаны с воспоминаниями... о порке. Значит, все держится на неизжитом детском страхе! Но разве на этом воспитаешь настоящую личность?

Было время, когда воспитание действительно строилось на страхе. Родительская власть была деспотичной, и ребенок был перед ней ничто. Вот и выросал

из него послушный обыватель, знающий «свой шесток» и трепещущий перед каждым вышестоящим. Это вполне отвечало требованиям старого классово-сословного общества с его жестким закреплением человека за той социальной группой, в которой он родился.

Но ведь мы живем в совсем ином обществе. У нас уничтожены антагонистические классы и сословия, люди в полной мере могут реализовать свои задатки. Они — свободные труженики и коллективные хозяева своей социалистической страны. Новому коммунистическому обществу требуется совершенно другой тип человека. Высокая сознательность, культура, творческий дух определяют внутренние свободный и разумный характер его действий, поступков.

Тут никак не помогут старые методы воспитания. Но справедливо отвергая их, иные родители впадают в другую крайность. Они попросту меняются ролями с ребенком, превращая его во всевластного «божка» семьи, а себя — в послушных его служителей. На этой ошибке и играют защитники «ременной педагогики». «Мы за строгое воспитание, — утверждают они. — А вы хотите быть добренькими и сажаете детей себе на голову».

Упрек справедлив. Но он ни в какой мере не оправдывает любителей порки. Потому что истинное воспитание одинаково далеко как от грубого насилия, так и от заискивающего угодничества.

ССЫЛАЮТСЯ НА МАКАРЕНКО...

Н. Калошин из Казани с вызовом спрашивает: «А Макаренко разве не дал затрещину своему воспитаннику, когда того требовали обстоятельства?»

Да, был такой случай. О нем честно и мужественно рассказывает сам автор «Педагогической поэмы». Это было в первый, самый трудный, период жизни колонии, когда она, скорее, была похожа на воровскую «малину», а в отношении воспитанников к педагогам господствовал тон постоянного издевательства и хулиганства. Обстановка накалилась до предела — в любой момент мог произойти взрыв. И он произошел... После очередной грубости воспитанника, рассказывает Антон Семенович, «в состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке... Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня — я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов».

И свершилось «чудо». Все воспитанники беспрекословно отправились на работу в лес. А позже Задоров подошел к Макаренко и серьезно сказал: «Мы не такие плохие, Антон Семенович! Будет все хорошо. Мы понимаем...»

Сам Макаренко, однако, серьезно переживал то, что произошло. «Я ни одной минуты не считал, что нашел

в насилии какое-то всеисильное педагогическое средство. Случай с Задоровым достался мне дороже, чем самому Задорову. Я стал бояться, что могу броситься в сторону наименьшего сопротивления. Кроме того, другие воспитатели отрицательно отнеслись к поступку своего руководителя. А то, что его кулак произвел на ребят такое сильное впечатление, объясняли их «привычкой к рабству».

Но Антон Семенович, размышляя над случившимся, пришел к иному выводу.

«Нет, тут не в рабстве дело. Тут как-то иначе. Вы проанализируйте хорошенько: ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боится и Бурун и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог и не бить, мог бы возразить Задорова как несправедливого в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок. А колония им, очевидно, все-таки нужна. Тут сложнее. Кроме того, они видят, что мы много работаем для них. Все-таки они люди. Это важное обстоятельство».

Как прекрасно в этих словах раскрывается гуманизм выдающегося советского педагога. Гуманизм, который

может быть суровым, но и в своей суровости полный горячей любви к человеку, неугасимой веры в его добрую, творческую природу. И поистине обидно, когда

иные товарищи, не понимая и вульгаризируя сложную психологическую суть явления, с претензией заявляют: «Макаренко дал затрещину, а почему нам нельзя?»

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУТЬ «ВЗРЫВА»

В воспитании нередко возникают ситуации, для которых не подберешь никакого педагогического рецепта. А решать надо мгновенно, интуитивно, и не всегда избранный форма воздействия оказывается подходящей. Но если нравственно-человеческая суть этого воздействия верна, то оно даст благотворный эффект даже наперекор его внешней форме.

Вот случай, близкий к тому, о чем говорилось выше, — его описала в своем отклике Г. Воронихина из Саратовской области.

Живут они в треугольнике, образуемом скрещением железнодорожных линий, поэтому ребятам постоянно внушали: нельзя играть на железнодорожном полотне и даже близко подходить к нему. Дети как будто хорошо это усвоили. Но однажды...

«Что я увидела, — рассказывает мать, — у меня до сих пор не укладывается в голове. Состав медленно двинулся, а ребята, в том числе мои двое, цепляются за подножки цистерн и, проехав немного, отцепляются. Пока я бежала, поезд постепенно набирал скорость. Последнее, что я увидела, это один из моих (даже не поняла который, ростом и одеждой они почти одинаковые) прицепился к подножке, но прыгнул ли он или нет — я не видела. А вижу на поляне среди ребят только один мой, второго нет. В голове все пролетело в один миг: и что зарезало, и что утащило его и он уже не может прыгнуть, я же видела, что он зацепился. Я даже не узнала своего голоса, когда спросила, где второй. И тут он выскакивает из-за кустов, метров 50 впереди (успел все-таки, прыгнул!). Я истошным голосом стала ругать всех ребятшек на поляне, а своих избила. Избила потому, что была вне себя от страха, что одного уже нет...

Если б я не видела своими глазами этого, может быть, продолжала, как прежде, внушать и объяснять, чего нельзя делать. А теперь уже била, чтобы запомнили раз и навсегда. Раньше я их не била, и значит, уже был предел всяким убеждениям и разговорам.

Пришли домой, я заставила обоих мыться, запретив плакать, потому что получили что заработали, а плачут от обиды за несправедливость. Сама же, немного оправившись от нервного потрясения, не могла не разрыдаться. Видимо, расслабившись после всего случившегося — и то, что пережила, и что отколотила (нико-

гда ведь не била), — я закрылась в своей комнате и не могла вздохнуть от рыданий, даже воздуха не хватало, думала задохнусь.

И не знаю, ответите вы мне что-нибудь, но я в данном случае не нашла для себя каких-нибудь убеждений и уговоров им. Что сделать, чтобы они запомнили, что это уже ЧП, а не просто шалость? Если подскажете, буду очень благодарна, потому что двое мальчишек мне еще, наверно, и не такое могут в дальнейшем преподнести».

Что же ответить матери? Может, еще раз авторитетно разъяснить: бить детей — недопустимо, надо было как прежде, воздействовать внушением, убеждением? Такой ответ был бы насмешкой — и над матерью, и над педагогикой.

Мы думаем, поведение матери в целом было правильным и, несомненно, явилось для детей хорошим воспитательным уроком. «Ага! — воскликнут защитники ремня. — Значит, вы признаете, пусть в отдельных случаях, воспитательную роль порки?»

Нет, решительно нет! — отвечаем мы. Надо просто педагогически правильно понять — что же произошло. Не сомневаемся: детей потрясло поведение матери после их опасной шалости. Но меньше всего — физическая сторона наказания! На них подействовали и странный, чужой голос матери, когда она спросила «где второй?». И опаляющая волна материнского гнева. И неожиданный (но психологически удивительно точный!) запрет плакать (потому что плачут от обиды за несправедливость, а они получили что заработали!). И, может быть, больше всего доносящиеся из-за закрытых дверей глухие рыдания матери.

Это был один из тех случаев воздействия «взрывом», сущность которого так глубоко и впервые в педагогике раскрыл А. С. Макаренко. И надо, чтобы его правильно поняла сама-мать, которую больше всего беспокоит, что она поколотила детей. Не в этом суть! Главным было ее собственное человеческое потрясение, которое, несомненно, «дошло» до детей и потрясло их самих.

Вместе с тем нельзя забывать, что такие случаи — исключение!

Нельзя ни инсценировать потрясение, ни давать воли гневу. В противном случае от частого повторения все это будет выглядеть как обычная истерика и лишь оттолкнет, озлобит ребенка.

РЯДОМ И ДАЛЕКО

Воспитание есть воздействие человека на человека. Однако близорукий взгляд замечает лишь его внешнюю сторону и в ней видит всю силу. Между тем действительно воспитывают идущие от воспитателя живые проявления его разума, воли, культуры, которые воплощаются в этом воздействии и находят ответный душевный отклик в ребенке.

Как важна именно эта суть дела, хорошо показывает письмо А. Косарева из Вильнюса. Размышляя над трудностями воспитания сына, он пишет: «Частенько задумываюсь: ну чего ему не хватает? Сыт, одет, обут, мы с ним всегда ласковы, ни в чем не отказываем (для его

возраста). За двойки ругаем, наказываем, но не физически, в учебе оказываем помощь. Забот у него — кроме учебы — никаких. Бери себе книжку в руки и учись. Так нет же...»

Сопоставляя жизнь сына со своей собственной детской жизнью, отец удивляется: у него самого условия были в десятки раз хуже, а учился он на одни пятерки. «Не было ни радио, ни телевизора, в кино ходил я раз в год. Хотелось и кораблик сделать, и лыжи-самodelки. Надо было убрать квартиру, проверить уроки у сестры, сварить обед, отвезти и привезти младшего брата в ясли, налить дров, истопить печь, хотелось еще

и погулять. Помочь мне было некому, в семье я был самый старший (а этому старшему не было и 12 лет), мать работала допоздна, отец воевал. И несмотря на все эти трудности, я успевал все сделать, приготовить уроки, нагуляться. Мне было стыдно получить плохую оценку в школе. Стыдно перед матерью, я доставлял ей радость, она меня горячо любила».

Вот действительно интереснейшая проблема, над которой стоит задуматься! К сожалению, отец нашел более «простой» выход: «Мы с женой против физического воздействия. Но человеческому терпению есть предел. Я его выдрал пару раз и сейчас вижу: есть толк, он знает, что хорошо, а что плохо, что делать можно, а чего нельзя».

«Толк», которого добились с помощью ремня, гроша ломаного не стоит. Разве мальчик и до «выдирки» не знал, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя? Прекрасно знал. Но у него с малых лет, очевидно, не были воспитаны качества трудолюбия, заботливости, ответственности, которые как раз превращают нравственное знание в живое нравственное действие. А теперь эту пустоту пытаются заполнить страхом перед болью, перед насилием — как побудителем правильного поведения. Но побудитель этот сугубо временный, поверхностный, потому что он не имеет и не может иметь никакой опоры в детской душе, в ее собственных стремлениях, потребностях, мечтах. Поэтому, очевидно, снова и снова придется подкреплять его очередной поркой, а это — опасный путь. Страх ломает

формирующийся характер ребенка, делает его безвольным или упрямо-злым, приучает его к лжи.

«Что же делать?» — спросит тов. Косарев. А ведь ответ заключен в его собственном письме. Надо поразмыслить над фактами жизни — своей и сына.

Почему ваше детство, при всех его трудностях, было нравственно богатым, духовно интенсивным, практически содержательным? Нам думается, главное здесь было в той глубокой душевной связи, которая соединяла вас с отцом-фронтовиком и с матерью-труженицей. Это была не просто узкосемейная, но и глубоко народная связь, потому что миллионы отцов и матерей сражались на фронте, самоотверженно трудились в тылу во имя победы. Через такую связь вы и себя — сознательно или бессознательно — ощущали участником общенародной борьбы. И это давало вам силу, чтобы учиться и преодолевать всякие житейские трудности.

В эти суровые годы сама жизнь поставила вас с родными, с окружающими, со временем в такие отношения, которые оказались наиболее благоприятными для воспитания.

Детство вашего сына совсем иное. Но общий закон семейного воспитания, требующий человеческого единства семьи и ее — с народом, с общественной жизнью, остается в силе для любого детства. Только раньше именно жизненная обстановка создавала для этого нужные условия, а ныне вы лично и сознательно должны их творить.

ГОНИ ПРИРОДУ В ДВЕРЬ...

Жалуюсь на сына, вы восклицаете: «Ну чего ему не хватает?» А ведь ему не хватает основного: опыта духовной, нравственной близости с родителями и любовной заботы о близких. Опыта трудового напряжения и преодоления препятствий. Опыта побед над самим собой. Иначе говоря, всего, что было в вашем собственном детстве. Мы понимаем, вы скажете: «Прежнего моего детства не вернешь. Да и вряд ли это было бы разумно». Верно. Но речь идет совсем о другом.

Раньше, чтобы приготовить, скажем, чай для вернувшейся с работы матери, надо было наколоть дровишек, растопить плиту, сходить с ведрами на водопроводную колонку. А теперь достаточно отвернуть кухонный кран и, налив чайник, поставить на газ. Разница, конечно, огромная. Но ведь в самой душевной потребности — проявить заботу о матери, проявить ее как надо — разницы нет! И такую потребность надо специально формировать.

А вы радуетесь: «Забот у него — кроме учебы — никаких». Между тем сыну надо еще учиться и на человеке. Как же этому научишься без привычки к живой нравственно-трудовой заботе с первых детских лет?

Тут и открывается истинная причина живучести в иных семьях всяких криков и угроз, шлепков и порки. Все начинается с... бедности детской жизни. Вероятно, эта мысль многих удивит или даже возмутит. «Какая тут бедность, когда у нашего ребенка есть все, о чем мы и сами не мечтали!» Но ведь речь идет не только о вещах, о пище, о развлечениях. Речь идет о тех деятельно-творческих отношениях — трудовых, познавательных, нравственных, эстетических, — которые должны складываться между взрослыми и ребенком и творить в нем опыт человечности. А вот их-то порой очень и очень не хватает.

Почему так получается? Не только и не столько из-за занятости родителей. Дело ведь не просто в количестве времени, которое мы можем уделить детям, а еще в том, как мы его реализуем. Нам иногда легче

истратить на ребенка несколько рублей, чем израсходовать на него несколько крупниц своей творческой мысли. Для нас проще, чем вникать в истинные учебные заботы сына, ограничиться информацией о полученной отметке и — соответственно реагировать. Нам удобнее порой отправить ребят на улицу, в кино, чем затеять с ними какое-нибудь интересное дело.

Но как мы близоруки в своих расчетах! Говорят: гони природу в дверь, она влезет в окно. И позже приходится тратить гораздо больше времени на «природу» своих детей, однако уже в более худших условиях, когда она «встает на дыбы».

Самое характерное для многих в такие минуты — это раздраженное нежелание вникнуть в действительные причины случившегося. А вместо обдумывания дальнейшей терпеливой стратегии страстная мечта получить готовую «педагогическую отмычку», чтобы единым махом все разрешить. Один из таких родителей сердито и незамедлительно требует от редакции ответа: «Как перевоспитать ребенка, если его испортили с самого его рождения потаканием и угождением, без ремня, конечно? Наперед могу сообщить: демагогию разводить не надо о подходах, увлечениях и тому подобной чепухе. Все это я и без вас знаю, потому что это уже на него не действует, ему не 3, а 10 лет, на уговоры он не обращает никакого внимания. И я хотел бы получить конкретный ответ».

Увы, мы не можем ничего «конкретного» предложить автору письма. Ведь тут надо радикально изменить весь дух воспитания, а это значит первым делом решительно измениться самому воспитателю. Но именно себя-то — такого, какой он есть со своим ребенком, — он и не замечает...

Вопросы, поднятые в статье «Оглянись во гневе...», не простые для решения. Мы вновь и вновь будем возвращаться к ним.

Редакция благодарит всех читателей, которые приняли участие в обсуждении.

Рисунок Е. Соколовой

ЛЮБУЙТЕСЬ ЦВЕТАМИ

Т. ЧЕРНЫХ

Цветоводом я стала случайно — и не случайно. То, что моя профессия связана с землей, не случайно. Тут сказало влияние матери, которая провела детство в Белоруссии среди яблоневых садов. От нее услышала я рассказ о летних ночах, когда от навеса тянет ни с чем не сравнимым ароматом ржаной соломы и яблок. Кругом тишина, ветра нет, нагретый за день воздух ласкает, нежит, и слышно, как падает на землю созревшее яблоко... Нежные, сочные яблоки на деревьях, спелые, душистые под навесом. У них, как в пушкинской сказке, «видны семечки насквозь». Кто ни придет — бери сколько хочешь. Эта картина щедрой земли, представленная матерью, отрывала мне, городской девчонке, нечто новое, необычное.

Училась я в 201-й московской школе. В той самой, которая носит имя лучшей своей ученицы — Зои Космодемьянской. Это была школа-сад. Ничуть не преувеличиваю: нашу школу так и называли — школа-сад. Сад для нас был так же привычен, как класс.

Зимой глядишь, глядишь на фруктовые деревья и не дождешься, когда же к ним? И вот оно, весеннее солнце! Все звонкое, радостное. Берешь лопату и копаешь, а земля пахнет так, что надышаться невозможно. И вот однажды, прибежав перед уроками в сад, видишь над темной землей тоненькие, беспомощные, такие трогательные первые листочки или зеленые ростки всходов. Все они так слабы, им так нужны уход и забота! И мы старались им помочь, кормили, полили, укрывали от холодов.

Цветение плодового сада — это таинство. В цветущем саду напряженная, прекрасная, как музыка, жизнь. Ровное гудение работающих пчел, и каждый цветочек весь

раскрывается и благоухает в томительном и сладостном ожидании.

К осени наливаются яблоки, в которых спрятано самое дорогое — семена — эстафета жизни.

Заканчивая десятый класс, я твердо решила, что буду учиться в Тимирязевской академии на плодоовощном факультете. Но вышла осечка: на экзаменах я получила по сочинению «4» — и не прошла по конкурсу.

Что делать? Подала заявление на заочное отделение. Думала устроиться работать на плодовой станции при академии, но там закончился сезон, рабочие не были нужны, и меня направили к соседям — на станцию цветоводства.

Весьма возможно, что, не будь этих обстоятельств, специальностью моей были бы не цветы, а сады. Вот поэтому я написала, что стала цветоводом отчасти случайно. Понятно, не полюби я землю, этого бы не случилось. Жалею ли я об этом? Нет. Одно стоит другого.

Работа моя началась в старой заброшенной оранжерее, нуда прятали от заморозков хризантемы. Холод, осенняя сырость, сквозняк и цементный пол. Кому-то представляется цветоводство как сплошная красота, а все работы, связанные с землей, нелегки. Частые рыхления, прополки, ежедневные поливки, жара и дождь летом, холод при сборе семян осенью. На холодном ветру трескаются губы, мерзнут руки, очень устаешь, работая согнувшись.

...Поливали рассаду раствором коровьего навоза. Наливали шлангом в большую бочку воду, кляли туда навоз, размешивали и черпали лейками. Работа шла слаженно. Одна я стояла у бочки с лейкой в руках и мучилась, не в силах преодолеть брезгливость: туда — ру-

ями!!! Подле меня остановилась пожилая работница.

— Ты не думай о коровяке, — сказала она, — думай, как зацветут левкой после такой подкормки.

И — раз! — опустила мои руки с лейкой в бочку. Я ахнула от неожиданности, но лейка была полна, и мне не оставалось ничего другого, как пойти и опорожнить ее на грядке.

После того я долго в шутку звала Марию Петровну «крестная».

Делая любую черную работу, надо представлять себе ее конечный результат — перспективу. Эту перспективу мне раскрывали в детстве рассказы матери, потом школьный сад и, конечно, Ольга Дмитриевна Соскина.

Ольга Дмитриевна была замечательным цветоводом. Проработав всю жизнь на воздухе, она до старости сохранила бодрость, здоровье и неизменно ровное, спокойное настроение.

Осенью я заметила на делянке, занятой лучистой белой астрой «Уникум», совсем немахровый ярко-красный куст. Я уже знала, что на плантации тщательно следят за тем, чтобы на чистосортных участках не попадались растения, не типичные для данного сорта, и удивилась, почему среди белоснежных красавиц оставили такую «плебейку».

— Обрати внимание на ее лепестки, — сказала Ольга Дмитриевна, — они не простые, они такие же, как у «Уникума». Над этим «гадным утенком» стоит поработать.

Забегая вперед, скажу, что весной высеели мы семена «плебейки» на отдельной делянке. Среди ста немахровых красных астр появились два куста с намечающейся махровостью. Их семена взяли за исходный материал. Четыре года «колдовала» Ольга Дмитриевна, высевая весной и отбирая осенью перспективные экземпляры, создавая нужные для них условия. И в результате на ВДНХ был показан новый чудесный сорт астр «Огни Москвы». Слово языки пламени вырывались из золотистой середины огненные лепестки.

Никогда не забуду, как пришли мы с Ольгой Дмитриевной на цветочную плантацию. Открыли калитку, и я

остановилась пораженная. На фоне лесозащитной полосы под ярко-синим небом расстиралось разноцветное море. Я пошла вглубь по дорожке, а море выкатывало все новые и новые волны всех оттенков: от черных и темно-красных до самых светлых, нежнейших тонов.

Много различных сортов вывела за свою жизнь Ольга Дмитриевна. Сейчас она уже не работает, но созданные ею цветы долго будут радовать людей.

Когда смотришь на совершенный по форме и окраске цветок и знаешь, что это чудо создано твоими руками и умением, забываешь все трудности. И все же конечный результат нашей работы — не цветущий рай опытной плантации. Наши цветы должны быть везде, и поэтому основное — элитные семена. Мы являемся как бы хранителями чистоты сортов и выводим новые сорта. Эти чистосортные семена расходятся по всей стране. В парках, скверах, возле заводов, домов цветут наши астры, розы, гвоздики, петунии. Если бы не стало вдруг цветов, грустно стало бы жить на земле!

У нас, цветоводов, еще много нерешенных проблем. Например, мы не знаем, чем объяснить, что из одноклассовых по виду семян левкоев получаются разные растения, махровые и простые. Следовательно, высевая весной семена левкоев, мы не можем сказать точно, какие получатся у нас цветы. Нужны новые и новые знания. Все время надо быть в курсе новейших достижений науки: ботаники, химии, биологии... Я заочно окончила институт, но этого оказалось мало. Многие из нужных мне работ были написаны на английском языке — пришлось изучать этот язык, потом стала подумывать об аспирантуре. Готовлюсь защищать кандидатскую диссертацию.

Работаю я цветоводом больше 20 лет, но каждую весну встречаю с волнением. Как только сойдет снег, иду на делянки проверять, как перезимовали многолетники. Чудесно пахнет подсыхающая земля, пробиваются стрелки тюльпанов, нарциссов и синенького подснежника — сциллы...

Чудесная пора, все впереди!

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ КОВАЛЕВ,
заместитель директора профтехучилища № 4 Москвы

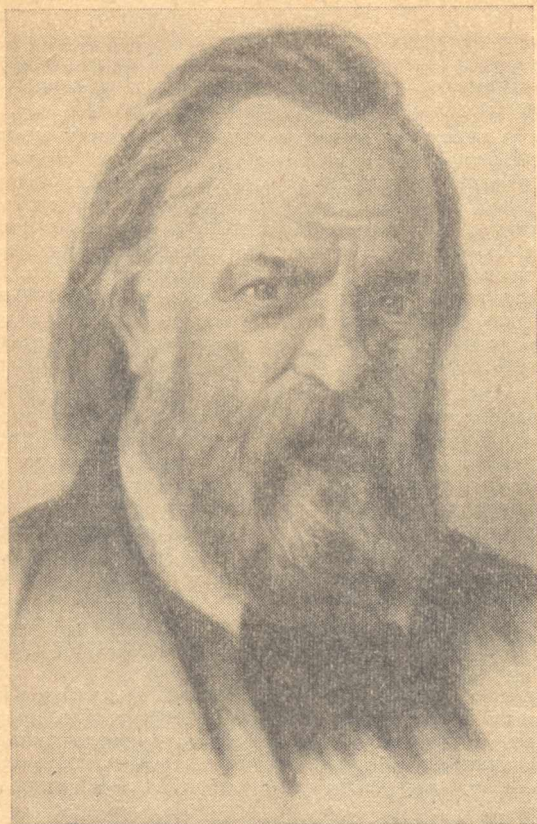
Я завидую нынешним молодым. То, о чем мы лет двадцать назад имели весьма смутное представление — электроника, кибернетика, полупроводники, — для них просто и естественно.

На Всемирной выставке в Монреале демонстрировался макет космической станции будущего — его сделали наши ребята. Москвичи тоже могли видеть этот макет — он экспонировался в прошлом году в Манеже, на выставке технического творчества учащихся профтехучилищ. Я был на ней, и не раз. Все, что там представлено, — модели сложных станков, действующие телевизионные станции, электронные музыкальные инструменты и многое другое — сделано руками пятнадцатилетних. В наше время на такое были способны разве что талантливые инженеры. К тому же ребята изготавливали эти уникальные экспонаты в часы, свободные от учения, между делом.

Я вот сказал — «между делом». Само дело они тоже усваивают быстрее, чем мы когда-то. Бывало, до седых волос доживет токарь или слесарь, пока высшую квалификацию приобретет. А многие наши «пэтзушники» лет через пять после окончания уже работают по самым высоким разрядам.

Правда, профессия сама тоже на месте не стоит. Раньше токаря и четырех классов хватало. Сейчас на современных станках с электронным оборудованием даже десятилетки маловато становятся. Мы даем нашим выпускникам вместе с профессией среднее образование, но, напутствуя их в самостоятельную трудовую жизнь, наказываем на этом не останавливаться. Я не удивлюсь, если в ближайшем будущем увижу объявление: «Требуется инженер для работы на токарном станке».

Но из проблемы более способных и более развитых детей сама собой вытекает проблема более квалифицированных учителей и в области общих наук и в области специальности. По-моему, все беды проистекают от часто наблюдающегося разрыва между растущей энергией молодости и нашим неумением дать этой энергии рабочий, творческий ход.

Двадцать седьмое января 1870 года, парижское кладбище Пер-Лашез... В разноплеменной, разноязыкой толпе собравшихся — французские литераторы, и русские эмигранты, и блузники из рабочих предместий. Над гробом, засыпанным букетами красных иммортелей, не произносилось речей — таково было одно из последних желаний умершего. Лишь минутой торжественного молчания почтили собравшиеся память одного из самых выдающихся людей эпохи, «Вольтера XIX века». А в России, задыхавшейся в тисках полицейского произвола и цензурного гнета, и вовсе невозможно было помянуть тогда прилюдно и вслух великого ее сына — Александра Ивановича Герцена.

Сегодня книги Герцена — на столе у каждого образованного человека. Их изучает историк; над ними раздумывает философ; волшебством и блеском их слога восхищается литератор. А педагог? Оставлено ли ему что-нибудь «в память и поучение»?

В обширном литературном наследии Герцена нет, пожалуй, ни одной специально педагогической работы. Но среди его сочинений, во всяком случае главнейших, трудно назвать и такое, где не было бы речи о воспитании. В авторских отступлениях в «Кто виноват?», в размышлениях о личной своей судьбе на страницах «Былого и дум», в бесчисленных статьях и письмах — всюду есть на чем остановиться вниманию человека, интересующегося вопросами воспитания, всюду обнаружит он мысли и суждения, порой неожиданные, порой спорные, но неизменно глубокие и блестящие. Их фрагментарность, их беглость вовсе не означают случайности или непоследовательности; с полным основанием сегодняшние историки русской педагогики пишут о *системе педагогических взглядов Герцена*. Мы не будем сейчас подробно говорить о ней, мы лишь предлагаем перечитать некоторые из герценовских страниц, поразмыслить над ними. Наверное, раздумье это будет плодотворным.

МЫСЛИ О ВОСПИТАНИИ

..Мы смелы в отрицании и всегда готовы толкнуть всякого перуна в воду — но перуны домашней и семейной жизни как-то *water-proof**, они все «выдыбаются». Может, в них и не осталось смысла, — но жизнь осталась; видно, орудия, употребляемые против них, только скользнули по их зменой чешуе, уронили их, оглушили... но не убили.

Ревность... Верность... Измена... Чистота... Темные силы, грозные слова, по милости которых текли реки слез, реки крови, — слова, заставляющие содрогаться нас, как воспоминание об инквизиции, пытке, чуме... и притом слова, под которыми, как под дамокловым мечом, жила и живет семья.

Их не выгонишь за дверь ни бранью, ни отрицанием. Они остаются за углом и дремлют, готовые при малейшем поводе все губить: близкое и дальное, губить нас самих...

Видно, надобно оставить благое намерение тушить дотла такие тлеющие пожары и скромно ограничиться только тем, чтоб разрушительный огонь человечески направить и укротить. Логикой страстей обуздать нельзя, так, как судом нельзя их оправдать. Страсти — факты, а не догматы.

..Радикально уничтожить ревность значит уничтожить любовь к лицу, заменяя ее любовью к женщине или к мужчине, вообще любовью к полу. Но именно только *личное, индивидуальное* и нравится, оно-то и дает колорит, *topos*, страстность всей нашей жизни.

* Водонепроницаемы (англ.).

Наш лиризм — *личный*, наше счастье и несчастье — *личное* счастье и несчастье. Доктринаризм со всей своей логикой так же мало утешает в личном горе, как и римские консоляции с своей риторикой. Ни слез о потере, ни слез ревности вытереть нельзя и не должно, но можно и должно достигнуть, чтоб они лились *человечески*... и чтоб в них равно не было ни монашеского яда, ни дикости зверя, ни вопля уязвленного собственника («*Былое и думы*», часть V).

...Внутреннее венчание любовью, истинные отношения мужчины к женщине, обоих к детям не улаживаются так легко словом «общественное воспитание». Напротив, при совершенной свободе отношений вся ответственность падает на самого человека. Брака не будет — любовь останется, наследства не будет — дети будут. Отстранить мать от воспитания детей можно только тогда, когда она хочет этого. Но та мать, которая этого хочет, и в теперешнем устройстве не много страдает от детей, — речь не о ней, речь о матери любящей. Силой отнять детей — варварство и противуречие с системой, дающей всякой страсти развитие. И жизнь снова утянута в жизнь детей, истощена ими, и она, исходя любовью, исходит силами. Но такое несчастное положение не лучше ли довольства? Но среди этих борений не являются ли минуты, о свете которых другие и понятия иметь не могут?

(Дневник, 1844 г.)

...Дружба и любовь должны бежать холодной, юридической справедливости. Любовь с основания пристрастна, лицепрятна, в этом ее характер. Такт, уважение, деликатность на всех степенях сношения людей друг с другом; близость, пренебрегающая этим, близка к шероховатости. Уважение, вера — вот база истинной симпатии.

(Дневник, 1843 г.)

...Важнейшее дело воспитания состоит в приспособлении молодого ума к окружающему, ...воспитание должно быть климатологическое, ...для каждой эпохи, — ...для каждой страны, еще более для каждого соловия, а может быть, и для каждой семьи должно быть свое воспитание.

(«Кто виноват?»)

...Воспитание делит судьбу медицины и философии: все на свете имеют об них определенные и резкие мнения, кроме тех, которые серьезно и долго ими занимались. Спросите о постройке моста, об осушении болота, человек откровенно скажет, что он не инженер, не агроном. Заговорите о водяной или чахотке, он предложит лекарство по памяти, понаслышке, по опыту своего дяди, но в воспитании он идет далее. «У меня, говорит, такое правило, и я от него никогда не отступаю, что касается до воспитания, я шутить не люблю... Это предмет слишком близкий к сердцу».

Какие понятия о воспитании должен был иметь Кетчер*, можно вывести до последней крайности из того

очерка его характера, который мы сделали. Тут он был последователен себе — обыкновенно толкующие о воспитании и этого не имеют. Кетчер имел эмилевские* понятия и твердо веровал, что ниспровержение всего, что теперь делается с детьми, было бы само по себе отличным воспитание. Ему хотелось исторгнуть ребенка из *искусственной* жизни и сознательно возратить его в дикое состояние, в ту первобытную независимость, в которой равенство простирается так далеко, что различие между людьми и обезьянами снова стерлось бы.

Мы сами были не очень далеки от этого взгляда, но у него он делался, как все, однажды усвоенное им, фанатизмом, не терпящим ни сомнения, ни возражения. В противудействии старинному, богословскому, схоластическому, аристократическому воспитанию с его догматизмом, доктринаризмом, натянутым педантским классицизмом и наружной выправкой, поставленной выше нравственной, выразилась действительная и справедливая потребность. По несчастью, в деле воспитания, как во всем, крутой и революционный путь, зря ломая старое, ничего не давал в замену. Дикий предрасудок нормального человека, к которому стремились последователи Жан-Жака, отрешал ребенка от исторической среды, делал его в ней иностранцем, как будто воспитание не есть привитие родовой жизни лицу.

(«*Былое и думы*», часть IV).

Талант воспитания, талант терпеливой любви, полной преданности, преданности хронической, реже встречается, чем все другие. Его не может заменить ни одна страстная любовь матери, ни одна сильная доводами диалектика.

Уж не оттого ли люди истязают детей, а иногда и больших, что их так трудно воспитывать — а сечь так легко? Не мстим ли мы наказанием за нашу неспособность?

(«*Былое и думы*», часть IV).

...Люди обыкновенно вспоминают о первой молодости, о тогдашних печалях и радостях немного с улыбкой снисхождения, как будто они хотя, жеманясь, как Софья Павловна в «Горе от ума», сказать: «Ребячество!» Слово они стали лучше после, сильнее чувствуют или больше. Дети года через три стыдятся своих игрушек, — пусть их, им хочется быть большими, они так быстро растут, меняются, они это видят по курточке и по страницам учебных книг; а, кажется, совершенно-летним можно бы было понять, что «ребячество» с двумя-тремя годами юности — самая полная, самая изящная, самая *наша* часть жизни, да и чуть ли не самая важная, она незаметно определяет все будущее.

Пока человек идет скорым шагом вперед, не останавливаясь, не задумываясь, пока не пришел к оврагу или не сломал себе шею, он все полагает, что его жизнь впереди, свысока смотрит на прошедшее и не умеет ценить настоящего. Но когда опыт прибил весенние цветы и остудил летний румянец, когда он догадывается, что жизнь, собственно, прошла, а осталось ее продолжение, тогда он иначе возвращается к светлым, к теплым, к прекрасным воспоминаниям первой молодости.

Природа с своими вечными уловками и экономиче-

* Имеется в виду роман французского философа и писателя Ж.-Ж. Руссо «Эмиль», в котором излагается теория так называемого естественного воспитания.

* Н. Х. Кетчер — переводчик, друг Герцена.

скими хитростями *дает* юность человеку, но человека сложившегося *берет* для себя, она его втягивает, впускает в ткань общественных и семейных отношений, в три четверти не зависящих от него, он, разумеется, дает своим действиям свой личный характер, но он гораздо меньше принадлежит себе, лирический элемент личности ослаблен, а потому и чувства и наслаждение — все слабее, кроме ума и воли.

(«Былое и думы», часть I).

ПИСЬМА К СЫНУ

12 июня 1851 г.

Любезный Саша*, в ожидании твоего рапорта о твоих занятиях за прошлую неделю, я хочу написать тебе несколько слов.

Ты входишь теперь в тот возраст, когда дети бедных людей начинают уже работать и серьезно заниматься, а потому я тебе расскажу не о Цюрихе, не о ипподроме, а о том, что здесь было в суде.

Ты слышал о знаменитом французском мыслителе Викторе Гюго; вчера судили его сына за то, что он написал в журнале статью, в которой говорил, что казнить людей отвратительно.

Отец его сам стал защищать сына и, предвидя, что его сына все же обвинят и посадят в тюрьму, вот чем он кончил свою речь.

«Сын мой, тебе делают сегодня великую честь, тебя считают достойным страдать за правду. С сегодняшнего дня ты вступаешь в действительную жизнь. Ты можешь гордиться, что в твоих летах ты уже на той скамье, на которой сидели Беранже и Шатобриан, — будь тверд и незыблем в своих убеждениях, ты их принес в крови, ты им научился у твоего отца».

Сына Гюго осудили на шесть месяцев. Когда они с отцом вышли из суда, народ, ожидавший их, окружил карету и кричал: «Да здравствует Гюго!» Гюго отвечал: «Да здравствует республика!»

Ты видишь, дружок Саша, что как ни больно отцу, что он должен сына отдать в тюрьму, но что для него этот день останется, как один из лучших в жизни. Вспомни маленького Грибуля: и он пострадал за правду и за желание, чтобы всем было хорошо. Те, которые гонят, осуждают за это, те хотят, чтоб только им было хорошо...

...Так-то и я хочу со временем видеть тебя идущего по дороге, по которой я шел 25 лет. Не думай, чтоб нужно было наткнуться самому на беды — нет, надобно быть готовому на всякую борьбу. Не придет она, — можно другое делать. Но если придет, — что бы ни было, стой за свою истину, за то, что ты любишь, а там, что бы ни вышло.

Целую тебя крепко.

...Занимайся, как можно больше, русским языком. Ты никогда не забывай, что ты должен быть русским,

22 июня 1859 г.

...Вероятно, любезный Саша, ты получишь это письмо в самый день твоего рождения. Двадцать лет! И первое рождение вне дома! Мне это страннее, чем тебе.

...Треть, или почти треть жизни прошла для тебя; через год — гражданское совершеннолетие. Еще года два, — и настанет время деятельности... а для нее надобно быть сильно вооруженным или вперед знать, что останешься в задних рядах. Я не считаю, чтоб раннее развитие было особенно необходимо; человек может много приобрести после школьного учения, но основания и занятий и всего умственного быта складываются в юности.

Из твоих писем я никак не вижу, чтоб ты, сверх занятий по физиологии и пр., особенно читал что-нибудь дельное. Ог допс* без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть ни вкуса, ни слога, ни многосторонней шири, понимания: Гёте и Шекспир равняются целому университету. Чтением человек переживает века не так, как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги.

Чтение газет и журналов очень хорошо, но я говорю о книгах, о нескольких книгах, без которых человек не есть полный человек,

14 июля 1862 г.

...Я твоим письмом, как оно ни грустно, очень доволен. Ты, наконец, дошел до недовольства собой; это — первый шаг для выхода из праздной неопределенности; у тебя начинается страх перед будущим и почти раскаяние в прошедшем. Если ты серьезно вызовешь силу воли, если ты имеешь то, что называется характер, *persévérance***, ты начнешь совершеннолетнюю жизнь — ученым или артистом, политическим человеком или чем хочешь, но человеком, твердо идущим, на твердых нравственных основах, гласным, а не согласным,

* А между тем (фр.).

** Упорство (фр.).

* А. А. Герцен (1839—1906) — старший сын А. И. Герцена, впоследствии ученый-естественник.

Рисунок С. Волохова

СТЫДНО ИЛИ ТРУДНО?

Л. ОЧАКОВСКАЯ

Где-то в своем городе или поселке, в своих обстоятельствах живет и думает о жизни человек. И на основании своего опыта приходит к своим, для него четким выводам. А в другом месте, в других обстоятельствах другой человек всей своей жизнью опровергает и эти выводы, и эту уверенность.

Так столкнулись эти два письма. Одно пришло из... впрочем, это неважно.

Ей двадцать лет. Жизнь с самого начала не задалась: детство, в котором детский дом был лучом света, ранний брак и через полгода развод, так как у мужа обнаружили еще три супруги в разных городах, отчаяние, ненависть и, наконец, любовь. Взаимная. Без громких слов и клятв. И без... гарантий. Вот письмо:

«Я должна стать матерью. Правда, еще не поздно избежать этого. Но я не могу. Я очень хочу ребенка: ведь он будет единственный близкий мне человек. Вся моя любовь будет ему, я это чувствую и знаю.

Но в то же время боюсь за него. Во-первых, еще не родившись, он лишен отца, который даже не знает, что этот, третий, уже есть. Да и не узнает...

Понимаю, будет тяжело материально. Но это еще не все. Сумею ли я воспитать его? А главное, поймет ли он меня, когда подрастет? Будет ли уважать меня, когда узнает правду? А обманывать ведь тоже нельзя. Вот что меня мучает. Думаю уехать отсюда: хоть ребенок и не позор, но здесь так не считают, а городок наш маленький, все друг друга знают. А мой малыш незаконный. Ведь так? А любовь? В таких случаях люди ее не видят, а видят только разврат. Но это чепуха, любовь есть и будет».

Второе письмо из Саратова. Оно длинное и очень ругательное и заканчивается такими словами: «А с женщиной, которая имеет детей без мужа, мне и разговаривать противно!»

Так столкнулись лоб в лоб две жизненные позиции. Одна — неуверенность одинокого, обостренно чув-

ствующего свою огромную ответственность человека, другая — презрение ко всем, кто не укладывается в привычные, правильные, что ли, рамки.

Что ж, презрение к безмужней матери — чувство не новое. Только деве Марии человечество простило незаконного сына. К простым смертным оно гораздо строже.

Я знаю одну прекрасную женщину. В семнадцать лет она была связистой под Ленинградом, в восемнадцать ее тяжело ранило и контузило, в девятнадцать ее демобилизовали. Она награждена несколькими орденами. В двадцать лет она стала матерью. Матерью, но не женой. Так получилось. Она была хорошей матерью. Сын ее рос в тепле и в холе: его мама работала в две смены, чтобы мальчик не знал нужды. Ребенок вырос, кончил институт, женился. И перестал бывать у матери: его молодая жена считает, что стыдно поддерживать отношения с женщиной, не имевшей мужа, какой пример для их годовалой дочки! Вот такая история.

Но есть и другая. В минский дом младенца привезли трех новорожденных, которых их мамы, все три — студентки, отказались признать, бросили за ненадобностью, как побочный продукт любви.

Случаев можно привести еще сотни, и все самые разные. Но дело ведь не в случаях, а в самой проблеме. А проблема — безмужнее материнство — серьезнее всяких случаев.

История семьи за многие века складывалась так, что семья держалась двумя взрослыми. Даже у птиц и зверей это принято — один летает или рыщет по лесам за кормом, другой высиживает, согревает, охраняет. Это естественно. И, я думаю, ни одна женщина сознательно, в силу некоей испорченности, которую в ней явно подозревают многие, в том числе и мой корреспондент из Саратова, не рвется к тому, чтобы одной растить ребенка. Но так случается. Случается, что в самый ответственный момент своей жизни женщина остается одна.

Если вообще матерью быть трудно, то кто измерит самоотверженность одинокой матери? И дело не только в том, что от сплетников не отобьешься, и не только в том, как ответить на пресловутый вопрос ребенка: почему у меня нет папы? Трудность в другом.

Тут пора бы и оговориться. Я пишу не в защиту свободного, безматерного порхания, которым бравадуют иные современные девушки. Я не собираюсь обсуждать вопрос, имеет ли право девушка скользить по жизни, не задумываясь над последствиями. Не собираюсь потому, что тут нет вопроса, тут все ясно: не имеет, не должна. Равные права в общественной и экономической жизни не дают права (кстати, не только девушкам, но и юношам) на бесшабашную неразборчивость в связях.

Но давайте договоримся: как наличие пьяных все-таки не есть свидетельство поголовного пьянства, так и наличие девиц дурного поведения не есть свидетельство падения нравов всех девушек. И особенно печально, когда отношение к подобным девицам механически переносится на женщину, в одиночестве растящую ребенка. А это совершенно разные явления.

Бывает, конечно, и так. Родит женщина ребенка, доведет его до круглосуточных яслей, а там из ясель — в сад, потом в интернат. И этот путь возможен: если мать одна, вырастить ребенка трудно. Но иные, наладив сына в этот государственный сектор воспитания, снимают с себя все заботы и лишь в случае успехов

сына гордятся: мой! А сами продолжают — дело молодое — свободную жизнь. Бывает и так (и у замужних тоже бывает!). Но в такой женщине мать не проснулася. Потому что само понятие «свободный» к матери, к ее сознанию просто не подходит. Мать тем и отличается от всякого другого человека, что она не свободна. Она вся подчинена своей любви к ребенку. Она не свободна от беспокойства, от хлопот, от обязанностей, от неприятностей, о которых ни один бездетный человек даже не подозревает. И только они — радость материнской любви и вечный страх за ребенка, забота об его пище и одежде, обязанности по воспитанию и почти непрерывно бьющие в сердце удары то от непослушания, то от непонимания, то от его успехов или от того, что его не понимают окружающие, — только они и делают женщину матерью. Женой может стать каждая, матерью — нет.

Поэтому, как бы ни складывалась судьба женщины, что бы там ни было, но если она стала матерью, заботливой и самоотверженной, счастливой и несчастливой, как всякая нормальная мать, — одиночество не позор ее, а ее тяжелая ноша, расплата, может быть, но только не позор.

Конечно, все мы и для себя и для своих детей особенно желаем нормальной семьи. Конечно, дочь, сделавшая вас бабушкой, не сделав тещей, могла бы так не поступать. Но так все же бывает. И всегда ли мы вправе осуждать девушку, женщину, казнить ее и особенно ее ребенка своим презрением удачливых людей?

Замуж хотят выйти все. Но ведь бывает и несчастливая, безответная любовь, и разочарование, и обман. Бывает и легкомыслие. Разве мы вправе презирать человека за то, что, полюбив всей душой, он оказался непонятым, или за то, что увидел в любимом такие качества, что боялся связать с ним жизнь, или что попал в умело расставленные сети? Такой может вызвать только жалость или уважение. А если уже все, что должно быть после, было раньше и появляется ребенок, так он-то во всяком случае не виноват. Мне скажут, что презрение окружающих к матери переходит на детей, что им задают вопросы. Так не презирайте, черт возьми, и не задавайте дурацких вопросов.

Кстати о вопросах. Проработав около двадцати лет в школе, я так и не поняла, зачем на предпоследней странице классного журнала на каждого ученика заполняется анкета, посложнее тех, что предлагают отделы кадров. Тут и фамилия, имя,

отчество, и пол, и год, число и месяц рождения, и национальность, и принадлежность к детской организации, и ф.и.о. матери и отца, и место работы матери и отца, и, наконец, домашний адрес. Малыши сами не могут ответить на вопросы анкеты, приносят домой. Я была свидетельницей такого разговора между мамой и сыном-первоклассником. Мама только что заполнила такую анкету и отдала ее мальчику. Он прочел и обнаружил, что мать, переписав вопросы на другой листок, не записала ничего, что относится к отцу. Сын с укором посмотрел на мать: «Ты что, стесняешься написать, что у меня нет отца? Все равно напишут». Зачем? Кому нужна эта анкета, в которой ничего, кроме телефона и домашнего адреса ребенка, никому практически не нужно и в которую никто (говорю это со всей ответственностью), кроме учеников же, не заглядывает. А именно детям знать друг о друге интимные подробности и не обязательно.

Неужели Герцен стал в ваших глазах хуже от того, что его мать не была законной женой его отца, когда он родился? И чем завиднее судьба ребенка под рукой отца-пьяницы судьбы его друга-соседа, где одна мать работает, а дома тихо и чисто? Наш долг — и семье и школе — сделать все для того, чтобы все дети наши жили чисто, светло и счастливо, чтобы наши дети выросли целомудренными, с сознанием ответственности, с развитым чувством долга. И в семье и в школе надо учить девушку уважению и строгости к себе. Учить разумно, спокойно. Пресловутое предупреждение: смотри, не принеси в подол — еще никого не остановило. И это не случайно. Ведь внебрачный ребенок — результат либо трагедии, либо крайнего легкомыслия. Ни то, ни другое «на испуг» не возьмешь. Трагические обстоятельства бывают, их трудно заранее предугадать и предотвратить. Легкомыслие же... Ну как его преодолеть? Каждый человек, особенно молодой, считает, что он принадлежит сам себе, то есть полновластный хозяин в своих личных делах. Оно, конечно, так, но и не совсем. Значит, долг наш, и не в критическую минуту, а сызмальства, состоит в том, чтобы внушать сыновьям и дочерям их ответственность перед людьми, с которыми он так или иначе связан.

Да, каждый из нас столькими нитями связан с самыми разными людьми, что, если вдуматься, наша жизнь никогда полностью нам лично не принадлежит: наши неудачи огорчают друзей и радуют врагов, стоит

нам заболеть, как мы лишаем покоя наших близких, горе одного из членов семьи так или иначе сказывается на всех остальных. Трудность в том, как прививать это понимание взаимосвязанности в семье нашим детям, понимание того, что, если дочь поздно гуляет — мать не спит, сын пришел навеселе — у отца появилась еще одна морщина.

Хочу рассказать один не совсем привычный случай. Юноша вырос в добропорядочной, крепкой семье, окончил школу, отслужил в армии, вернувшись, поступил на завод. Там познакомился с девушкой. Не особенно показавшись она его близким: уж очень несамостоятельна, смотрит на парня влюбленными глазами и улыбается любой его выходке, ждет часами, если он опаздывает на свидание. Однако молодые люди продолжали встречаться и никто в их дела не вмешивался. До тех пор, пока мать юноши не узнала случайно, что девушка ждет ребенка. — Как так? Почему не женитесь? — Да так вот. Не женюсь и все. — Почему? — Да несамостоятельная она, все прощает, в глаза заглядывает, часами ждет. — А раньше ты этого не замечал? — Так ведь раньше-то о женитьбе и мыслей не бы-

ло. — А теперь? — И теперь нет. Зачем мне такая жена?

Заставить парня жениться трудно, хоть и возможно. Он, верно, и женится, чтобы потом разойтись. Но горе не от того. Мать и отец вдруг обнаружили, что рядом с ними живет легкомысленный, но в то же время расчетливый, черствый человек. Чужой человек, с которым неприятно быть вместе. А сын тем временем упрямо считает, что это касается лишь его и ее. Она молчит, он принял решение, люди они взрослые, какого черта надо старикам? Тут вам и трагедия, и легкомыслие. Пусть даже, припугнув его, можно слепить какое-то подобие семьи, но что это будет за семья? Горе одно, проштампованное загсовскими печатями. Поэтому, зная, что все бывает независимо от нашего желания даже и в очень добропорядочных семьях, если уж случилась беда, вернее, когда уж она случилась, бесполезно ругать девчонку за раннее материнство. Заметьте, я не говорю не нужно, но бес-по-лез-но. Если не смогли уберечь, не смогли воспитать девичью гордость, теперь-то что ж позорить дочь или там соседку? Теперь уж надобно поскорее воспитывать в ней материнские качества: ответственность, самоотрече-

ние. А то ведь позорить-то просто, даже научить девушку презирать себя и своего ребенка можно. Но кому, подумайте, от этого хуже? Ребенку — во-вторых, матери — в-третьих. А во-первых? Во-первых — обществу, нам с вами, потому, что в мир войдет еще один озлобленный человек, который, как известно, ни в чем не виноват.

Взгляните еще раз на эти два письма в начале. Посмотрите, что мучает женщину, с которой иным противно разговаривать: благородное чувство ответственности. Высокое, но и горькое — ведь если все у малыша сложится плохо, виновата будет только она, мать, давшая ему жизнь. В ее силах было решить все иначе. Подумайте о ее нелегком будущем, о той ноше, которую она на себя абсолютно сознательно взваливает. И бросьте, если сможете, в нее камень.

Не всякому такое по плечу. Как не всякому дано понять, почему женщина решается стать матерью, хотя могла бы жить-поживать без хлопот.

Эгоисты вообще многого понять не могут. Они, вздумавшись, и живы-то своим презрением ко всем, кто на них не похож.

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ МАРКУШЕВИЧ,
вице-президент Академии педагогических наук СССР,
доктор физико-математических наук

С незапамятных времен пожилые люди сетуют на молодежь. На глиняных табличках, составленных в Шумере за 3700 лет до нашего времени, отец уговаривает сына не болтаться по улицам, слушаться своего наставника, ходить в школу, изучать опыт прошлого. Любопытно, однако, что в таких советованиях чаще всего речь идет о порче нравов, а отнюдь не об упадке умственных способностей. Нам трудно судить сейчас о способностях детей былых времен. Легче сравнивать их умственную пищу с тем, что входит в рацион современного ребенка. Около двухсот лет назад в России пользовалась большим успехом переводная книга для детей «Краткое понятие о всех науках». Автором ее был академик Берлинской и Петербургской академий наук Формей. Все знания сообщались в ней в форме вопросов (В) и ответов (О). Например: В. Из чего сотворен свет? — О. Из ничего; В. Из чего состоит человек? — О. Из смертного тела и души бессмертной; В. Какое свойство имеет огонь? — О. Теплоту и сухость; В. Кто ж именно имеет такую власть (повелевать другими)? — О. Законы предписывают государю своим поданным; родители детям и помещики своим крестьянам (в оригинале — хозяин дома — слугам).

Сам Формей был человеком просвещенным, недаром он активно сотрудничал во Французской энциклопедии. Но ему и в голову не приходило, что детей может интересовать то, что волновало его взрослых современников: опыты с электростатической машиной, прохождение Венеры через диск Солнца, размышления Руссо о происхождении неравенства между людьми.

Книжка Формей предназначалась для детей от 6 до 12 лет. Чтобы видеть, что даже от выпускников Университетской гимназии в ту пору не требовалось больших знаний, достаточно вспомнить «Чистосердечные признания» Фонвизина. Он рассказывает, что никто из его выпуска на экзамене не мог ответить, куда впадает Волга.

Много позднее, уже в сороковых годах XIX века, знаток русских старины, художник и издатель К. Я. Тромонин уверял, что грамота «почитается (детьми). — А. М.) делом трудным и непостижимым, значение буня выше их понятий, они не могут учиться без употребления насилий, и притом учатся без прилежания и не могут удержать в памяти слова, повторенного несколько десятков раз».

Насколько все это не похоже на умственные запросы наших детей! И дело не в том, что они сделаны из другого теста. Просто становится все труднее держать их вдали от запретного древа познания. В заключение — один пример. Многие читатели, наверное, слышали о модернизации преподавания математики с начальных классов школы. У нас этот процесс осуществляется в весьма умеренных размерах. Но во Франции организуют уже специальные курсы для того, чтобы родители — нередко со средним и высшим образованием — смогли сами усвоить то, чему обучают их 6-летних детей...

Может быть, вопрос, который меня волнует, не такой уж значительный и важный, но мне все же хочется получить от вас какой-то совет. Никак я не могу отучить своего сына-второклассника от дурной привычки болтать ногами во время занятий. Я понимаю, что это мелочь, но все же она и окружающих раздражает и самого мальчика отвлекает.

Волгоградская область

А. Артемьев

Уважаемый товарищ Артемьев!

Жалобы, подобные вашей, приходится часто слышать от родителей. И действительно, на борьбу с «мелкими» досадными привычками нередко уходит больше родительских усилий, чем на что-то гораздо более существенное, а результаты оказываются невелики. В чем тут дело? Чтобы разобраться, вспомним некоторые сведения из психологии: что такое привычка, как она возникает, как исчезает.

Привычка — автоматизированное (бессознательное, незаметное для человека) или частично автоматизированное действие, иногда несколько действий, комплекс их. Это могут быть жесты, а могут быть и слова — например, всем известные «слова-паразиты», повторяемые человеком к месту и не к месту. Привычкой может быть и поза, принимаемая в задумчивости: иногда такие позы для окружающих нелепы, вычурны, и старшие начинают видеть в них дурную привычку, стремятся бороться с ними.

Как возникают привычки? Обычно тремя путями. Первый — самый частый — путь образования условного рефлекса. Сидя за столом, ребенок несколько раз со скуки болтал ногами, старшие не обратили на это внимания, и вот движение усвоилось, вошло в привычку. Одним словом, после нескольких повторений движения в определенной ситуации оно закрепляется, и стоит повториться ситуации, как повторяется и движение.

Второй путь образования привычки — подражание. Жесты или слова взрослых (или сверстников) легко «прилипают» к ребенку; он повторяет их, порою даже не понимая их смысла. Стоит это сделать несколько раз, как привычка готова.

Третий путь, сравнительно редкий и своеобразный, — возникновение привычного движения «с ходу», в результате сильного переживания. Например, ребенок рассердился, случайно топнул ногой (впервые в жизни, а до того ему «в голову не приходило» это движение). В дальнейшем, стоит появиться чувству гнева или обиды — ноги словно сами топают. Это бывает и у взрослых; «движение-паразит» возникает в минуту волнения и потом выскакивает каждый раз, когда повторяется такое же волнение...

Это обычные пути возникновения мелких нежелательных привычек. Необходимо только знать, что иногда нелепые позы, телодвижения, словечки представляют собой не просто мелкую привычку, а сим-

птом нервной болезни. В этих случаях, такие мелкие нелепости не бывают одиночными: можно отметить несколько разных подобных «привычек» (слишком вычурная поза, слишком частое монотонное повторение одного движения или слова). Тут уж не мешает посоветоваться с невропатологом.

Кроме того, иногда безобидная мелкая привычка становится для ребенка средством самоутверждения: папа и мама требуют отказаться от нее, а ребенок «назло», нарочно старается сохранить эту привычку и демонстрирует ее каждый раз в виде протеста, каприза и т. п. Тут, конечно, уже не сама привычка приобретает значение, а характер отношений между старшими и младшими: «война за привычки» возникает при недостаточном такте старших, неумении мягко и тактично настоять на своем. Наконец, такая «война» может быть просто признаком частой несправедливости, неправоты родителей, злоупотребления приказаниями и понуканиями.

Если же нет огрехов в семье, тогда нужно прикинуть, откуда могла появиться привычка. Вероятнее всего первый путь — установление рефлекса после многократных повторений. Это самый вредный путь, потому что именно здесь создаются наиболее прочные «привычки-паразиты». Всякого рода действия «по подражанию» почти всегда можно устранить простым словесным внушением, насмешкой (ребенок подражает бессознательно: стоит указать ему на подражание, высмеять это — и привычка довольно быстро исчезает). А вот рефлексорные движения и действия, укоренившиеся от долгого повторения, убрать нелегко.

Как можно добиться их уничтожения? Общий рецепт здесь — «капля камень точит»: надо разными способами стараться создавать условия, препятствующие проявлению привычки: то наказывать, то отвлечь, то сделать выговор, но не переоценивать возможности одних словесных внушений. Если привычка закрепилась рефлексорно, то и взрослый не сможет избавиться от нее усилием воли, а ребенок и подавно: потребуется более или менее долгая борьба с самим собой.

Очень важно здесь единство требований в семье. Точно так же необходимо соблюдать принцип «постоянного давления» — не пропускать запрещенную мелочь при хорошем настроении, не карать слишком сурово за то же самое при плохом. Очень важно внушить стыд за глупое, некрасивое и смешное движение, словцо. И уж конечно — нельзя ни на минуту выражать отчаяние или недоумение. (Что это за ребенок, хоть кол у него на голове теши! Сколько раз говорили, наказывали, все равно продолжает!). Лучше без излишнего пафоса вразумлять дитя каждый раз, когда он оказывается во власти дурной привычки. Это и есть «постоянное давление», и если ребенок не болен — рано или поздно нежелательная привычка будет изжита.

Ф. ИПОЛИТОВ,
кандидат педагогических наук

Как выработать у ребенка правильную осанку? Нужны ли для этого какие-то специальные упражнения?

Н. Голубева

г. Архангельск

Уважаемая товарищ Голубева!

Первое, что необходимо для того, чтобы осанка ребенка никогда не вызывала у вас беспокойства, — это строгое соблюдение гигиенических правил труда, отдыха, спортивных занятий. Если ваш ребенок готовится пойти в школу, то на первые годы ему лучше завести не портфель, а ранец: для малыша и несколько книг и тетрадей — тяжесть немалая, а если он постоянно будет носить портфель в одной руке, это может привести к искривлению позвоночника. Постель ребенка не должна быть слишком мягкой, а подушка чересчур высокой. Стул и стол не по росту, плохое освещение рабочего места школьника — все это также может привести к нарушению осанки.

Малышу приходится проводить немало времени за уроками. Между тем организм его еще не приспособлен к длительным статическим напряжениям — через час-полтора работы ребенок устает, начинает сутулиться, наваливается грудью на стол. Поэтому после каждого часа домашних занятий необходим перерыв на 5—10 минут для физических упражнений — они снимут утомление, выпрямят позвоночник и вернут силу мышцам.

Замечено, что нарушение осанки в подавляющем большинстве случаев бывает у детей со слабыми мышцами. Это вполне понятно — ибо мышцы, и только мышцы, удерживают позвоночник, плечи и другие части тела в правильном положении. Поэтому укрепление мышц — основное в предупреждении (да и лечении) дефектов осанки.

Необходимо добиваться равномерного развития мышц. Нередко и люди с прекрасно развитой мускулатурой сутулятся или одно плечо держат выше другого. Это связано с тем, что одни мышечные группы «сильнее». Например, сутулость нередко объясняется тем, что развиты лучше грудные мышцы, чем мышцы спины.

Хорошо и пропорционально развитая мускулатура — основа правильной осанки. Спорт, игры, школьные уроки физкультуры дают немало для физического развития ребят. Однако есть упражнения, специально предназначенные для формирования осанки. Мы предлагаем комплекс таких упражнений.

Такие занятия лучше всего проводить ежедневно и уж во всяком случае не реже 3—4 раз в неделю — либо в утренние часы (если школьник занимается во вторую смену), либо во второй половине дня (после уроков). Все упражнения выполняются в медленном темпе.

В первые дни число повторений каждого упражнения минимальное, в последующие дни нагрузку повышается (минимальное и максимальное число повторений каждого упражнения мы указали).

КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ

1. **Исходное положение:** ноги вместе, руки опущены. На счет 1—2 — руки в стороны ладонями вверх — вдох; 3—4 — руки опустить — выдох. Повторить 4—6 раз.

2. **И. п.:** ноги на ширине плеч, руки опущены. На счет 1 — руки к плечам ладонями вперед; 2 — полунаклон вперед, не опуская голову; 3 — держать; 4 — и. п. Повторить 4—6 раз.

3. **И. п.:** ноги вместе, руки к плечам. На счет 1 — выпрямить руки вверх — вдох; 2 — и. п. — выдох. Повторить 4—6 раз.

4. **И. п.:** ноги вместе, руки опущены. На счет 1 — руки через стороны за голову; 2 — присесть на носках, колени в стороны; 3 — держать; 4 — и. п. Повторить 4—7 раз.

5. **И. п.:** ноги на ширине плеч, руки в стороны. На счет 1—4 — круговые движения руками вперед; 5—8 — круговые движения руками назад. Повторить 2—4 раза.

6. **И. п.:** ноги вместе, руки опущены. На счет 1—4 — руки вперед — в стороны, правую ногу назад («ласточка»); 5—6 — держать; 7—8 — и. п. Поочередно на каждой ноге по 2—4 раза.

7. **И. п.:** лежа на спине, руки вдоль туловища, ноги вместе. На счет 1 — руки выпрямить за головой; 2—3 потянуться руками и головой назад; 4 — и. п. Повторить 3—5 раз.

8. **И. п.:** лежа на спине, руки вдоль туловища,

ноги вместе. На счет 1—2 — согнуть ноги в коленях; 3—4 — разогнуть. Повторить 4—7 раз.

9. **И. п.:** лежа на спине, руки согнуть в локтях, ноги вместе. На счет 1—2 — свести лопатки, опираясь на локти — вдох (голову не поднимать); 3 — держать; 4 — и. п. Повторить 4—7 раз.

10. **И. п.:** лежа на животе, руки вперед, ноги вместе. На счет 1—3 — вытянуться; 4 — расслабиться. Повторить 3—5 раз.

11. **И. п.:** лежа на животе, руки вперед, ноги вместе. На счет 1—2 — ноги согнуть в коленях, поднимая голову и плечи; 3—4 — исходное положение. Повторить 4—8 раз.

12. **И. п.:** лежа на животе, руки в стороны, ноги вместе. На счет 1—2 — поднять голову и руки — вдох, при поднимании рук свести лопатки; 3—4 — и. п. — выдох. Повторить 4—7 раз.

13. Ходьба по комнате, махи руками вперед-назад, углубленное дыхание. Ходьба на носках, руки в стороны (1—2 минуты).

14. **И. п.:** ноги на ширине плеч, руки за головой. На счет 1—4 — круговые движения в тазовом поясе вправо; 5—8 — то же влево. Повторить 2—4 раза.

15. **И. п.:** ноги на ширине плеч, руки опущены. 1—2 — руки через стороны вверх — вдох; 3—4 — опустить руки с полунаклоном вперед — выдох. Повторяется 4—5 раз.

М. ГРИНЕНКО,
кандидат педагогических наук

КЛЮЧ

РАССКАЗ

Ключа не было. На всякий случай Андрей вывернул карман. Нашел три шурупа, голубой мел и полфантика «Ну-ка, отними!». С ними и аи он его нечаянно засунул, что ли?

Андрей спустился на площадку второго этажа — тут было светлее, и вытряхнул ранец. Прямо на пол. Убедившись, что ранец пуст, он стал засовывать обратно свое имущество. Пенал, ножницы, арифметика...

Больше искать негде. Вот уже не повезло, так не повезло! Надо было этому проклятому ключу потеряться в тот один-единственный в неделю день, когда первым домой приходит папа.

А все могло быть замечательно. Спокойно отпер бы дверь, зашел, пообедал и сел бы за уроки. Папа придет, спросит: «Ел?» И все! И сиди себе, читай хоть Жюль Верна вместо «Родной речи». Папа и не заглянет. Ему лишь бы тихо было...

Сверху кто-то спускался. Соседка.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, деточка.

«Деточка!» Полгода живут рядом, а она не знает, что он уже во втором и что его зовут Андрей. Хотя и он не знает ее имя-отчество. А ведь их квартиры через стенку. Ее и их отдельная квартира, как любит говорить мама. Ну, а что хорошего в отдельной? Живи они на старом месте, он бы сейчас спокойно пошел к Никсанчу. Или к Сережиной бабушке. Пообедал бы и уроки сделал, еще и телевизор посмотрел, пока мама придет. А здесь — куда пойдешь?

Хлопнула дверь в подъезде. Шаги — сын их сразу узнал. Ближе, ближе... Ну, вот и все.

— Что ты здесь делаешь?

— Папа, я потерял ключ.

Андрей, и правда, выбрал малопоходящий день для потери ключа. У отца было прескверное настроение. С утра все словно сговорились раздражать его. За завтраком сын набил вишнегретом полный рот. Отец сделал замечание:

— Девятый год, а есть не научился по-человечески.

— Вот ты и научи, — отозвалась жена. — Кстати, и сам убери лонти со стола.

Она нарочно так сказала, при мальчишке. С ней бывает — находит на нее, к счастью, ненадолго. Но сегодня ее словно прорвало. Андрей ушел в школу, а она все продолжала поучать.

Оказывается, он уделяет ребенку не более пяти минут в сутки, и неужели ему нечего сказать сыну в эти пять минут? Кроме окриков «не так сидишь», «не так ешь», Андрей от него ничего не слышит.

Потом, как нарочно, в троллейбусе ему повстречалась бывшая Андреева воспитательница Александра Евгеньевна. Он ее и не узнал, она сама к нему кинулась — и пошла!

— Что Андрюша? Не очень устаешь в классе? Справляется с устным счетом? А по чтению успевает?

Он еле успевал обойти один вопрос, как она подкидывала другой. Будто ему больше думать не о чем, как об устном счете и прочих печках-лавочках...

Дома надеялся отдохнуть — и снова сюрприз, все тот же Андрей, который, извольте радоваться, потерял ключ!

Глухое раздражение накопилось с ним и требовало выхода. Что ж! Он покажет, как надо воспитывать.

— Идем, — сказал отец сыну. — По твоим следам. Пока не найдем ключ — домой не вернемся. Понятно?

Он повернулся и стал спускаться по лестнице. Андрей поплелся сзади, на ходу надевая ранец. Так они и шли: впереди большой, за ним — маленький.

Снег слепил глаза, хоть очни надевай, — удивительно чистый, белый до синевы, такого не увидишь в центре города. Впервые он подумал, что жена в чем-то права, когда радуется их переезду. Он-то до сих пор не привык, тоскует по арбатским переулкам и сердится, когда слышит ее ахи и охи: «Лес в двух шагах! Воздух! То, что нужно ребенку». Опять — ребенок, всегда ребенок и только ребенок!

А при чем он вообще? Сама избаловала мальчишку, тот и растет недоушкой. Начи с ним говорить — молчит как истукан.

Вот и школа. Кажется, эта? Они тут на каждом шагу — типовые пятиэтажки с неизменными профилями классиков над парадным входом. Андрей молчит. Значит, наверное, здесь.

Отец с сыном вошли в пустой и тихий коридор. Андрей снял шапку и впервые за всю дорогу поднял голову.

— Вам кого?

Навстречу шла нянечка. В одной руке она несла ведро с горячей водой — из ведра шел пар, в другой — коробку со стиральным порошком да еще под мышкой у нее торчала щетка с намотанной тряпичкой.

— Ключ потерялся, — почти прошептал Андрей, но нянечка услышала.

— Беда! — забеспокоилась она. — Мне никто ничего не передавал. Погодите, я сменщицу спрошу...

Они опять остались вдвоем. От волнения Андрей стал читать надписи на коробке: «...приготовлено на основе высоко... активных моющих веществ — ал-кил-сульфатов...»

— Нету, — раздался голос нянечки. — Да ты не расстраивайся, — утешала она. — Найдется. Часы позолоченные у девятого «а» — и те нашлись.

— Спасибо, тетя Зина. До свидания, — безнадменно сказал Андрей и стал натягивать шапку.

— До свидания, до свидания... Хороший у вас сынок, не баловный, — заметила тетя Зина, чистосердечно желая сделать отцу приятное. Но тот еще больше нахмурился, буркнул что-то и почти выбежал к выходу. Подождет, пока вслед за ним выйдет сын, и, обернувшись, недобро спросил:

— Где теперь прикажете искать?

— Можете, уронился по дороге, — ответил Андрей.

— ??

— Я не той дорогой хожу домой. — Какой еще «не той»? Нет, это черт знает что! Чего ж ты молчал?

Ответа не последовало. Впрочем, его нетрудно было угадать. Сын боялся. «Трус! Мало того что растапа, он еще и трус».

— Веди!

Андрей повиновался.

Теперь маленький шел впереди, зорко глядя в тропинку, а большой безучастно брел сзади. Он больше не замечал удивительной близости здевшего снега. Он злился на Андрея (заставил потерять столько времени!), а еще больше — сам на себя. Глупо, глупо. Бездарная затея. По холоду, без обеда — искать ветра в поле. Куда их занесло? Места совсем незнакомые. Какие-то дома без балконов, их стены уродливо расчерчены черными швами, полусыпанные снегом начелки, скамейки, няньки, похожие на снежных баб, и бабы, монументальные, как няньки...

— Андре-ей!

Оба разом оглянулись. К ним спешил на лыжах румяный черноглазый мальчик. Он махал лыжной палкой, у него была почему-то одна палка.

— Чего тебе? — хмуро осведомился Андрей, когда лыжник подошел ближе.

— Я только хотел спросить: почему ты опять из школы идешь?

— Ключ ищу, — объяснил Андрей, — по своим следам.

— И я! И я с тобой... С вами, — вмиг загорелся черноглазый мальчик. Он махал лыжной палкой, у него была почему-то одна палка, в кармане? Ей, знаешь, только дай понюхать карман — сразу найдет!

— Она разве умеет? Находила? — засомневался Андрей.

— В том-то и дело, что пока не находила. Но я за Дингу ручаюсь, я теперь сам ее тренирую. Мне бы ее только поймать... Стой! Горка! — вдруг завопил дрессировщик и уцепился за Андрея. — Ты с нее ехал, забыл?

Андрей съехал стоя, даже рук не вынув из карманов. Это удивило отца. Он помнил: чтобы так спускаться, требуется известная ловкость и, пожалуй, смелость. Румяный мальчик спустился с горы на коротышках, придерживаясь за деревянные бортики и вертя головой из стороны в сторону, как гусь. Когда перильца кончились, он не удержал равновесия и конец пути проделал на пятой точке. Поднявшись и увидев, что Андрей уходит, черноглазый заволновался:

— Мы с тобой по разу съехали, всего, значит, два, а ты тогда сколько? Три! Я помню! Вдруг ты его в третий раз потерял!

Андрей согласился и съехал еще раз. Но ключ не нашелся. Метров через двести Степан — так назвал черноглазого Андрей — опять остановился:

и новыляющего за ним Степана, старушка еще больше рассиялась:

— Здравствуйте, не знаю, как вас величать. Здравствуй, Степушка. Что же вы не заходите варенье попробовать? Нарочно для вас баночку припасла. Царю бы есть, да далеко несть...

— Ничего себе, поговорочки у бабуся! Старорежимные какие-то, — подивился отец и, когда они немного отошли, спросил:

— Что это за бабуся?

— Она садовод, — ответил Андрей. — У нее под окнами сад.

— Я, я расснажу, — затараторил Степан. — Это бабушка — наша подшефная. Наш первый «б» и их второй «б», и еще первый и второй «а» — мы ей осенью помогли: листья сгребали и вообще... Не все, конечно, кто хотел. — И много вас захотело? — поинтересовался отец.

— Много! — сказал Степан. — Человек сто.

— Двадцать восемь, — уточнил Андрей.

— Пусть двадцать восемь, — согласился Степан. — Зато потом осталось четверо: я, Андрей, Таня и Леша с продлещи.

— Ясно. Хотел бы я также понять, где нахожусь. У меня такое печатление, что я не к дому иду, а от него, — заметил отец, ни к кому не обращаясь.

— Что вы! — возразил Степан. — Мы правильно идем. Сейчас через футбольное поле, мимо «Фрукты-овощи», а там совсем близко, я ходил, у меня в вашем корпусе сосед по парте живет, Колька Сыроватский, наверное, знаете? У него пальто с черным воротником, и уши он завязывает назад...

— Представь себе — не знаю, — рассердился отец. Они вышли на поле. Прямо под ноги им выкатилась шайба, за ней метнулся парнишка лет шести. Его настигли противники. «Сереня, бей!» — отчаянно выдохнул кто-то сзади. Парнишка взмахнул клюшкой — и чуть не угодил Андрею

в нос. Тот вовремя — рукой — задержал удар. Но ему все-таки попало. От неожиданности Сережа остановился. За ними встали, натываясь друг на друга, остальные.

— Чего на людей нидаетесь? Шли бы на площадку, — нахмурился Андрей, потирая ушибленную руку.

— Да-а, там эти, здоровые! — неожиданно плаксиво сообщил «Сереня». — Нам тренироваться надо. На лучшую команду ЖЭКа. А они выгоняют. Большие мальчишки. Наверное, уже в пятом классе. Или в четвертом.

— Чего же стали?

Андрей кивнул в сторону хонкей-ной коробки:

— Пошли!

Мальчишки последовали за ним, сопя и перешептываясь.

На площадке трое подростков терзали футбольный мяч.

— Эй, вы! — крикнул Андрей. — Кончайте! Площадка для хонкея, а не для футбола.

— Сейчас побежим! — начал самый высокий из троих, но, увидев взрослого, замолчал и с силой наподдал ногой по мячу.

— Побежим, как же! — подхватил второй, что стоял к ним спиной, видимо, заводила. Во всяком случае, на нем, единственном из троих, были надеты поверх зеленого лыжного костюма красные футбольные трусы. Когда он обернулся, зрелище стало еще живописнее: шаровары, протертые чуть ли не насивозь, торчали на его коленках белесыми пузырями.

— Как бы тебе самому не понатить-ся отсюда! — с воодушевлением продолжал разноцветный футболист и вдруг остановился. — Андрей, ты что ль? Привет!

— Здорово, Гешна. Чего маленьких выгнали? Они на приз ЖЭКа тренируются.

— Здесь ты Юркину шапку гонял. Сначала ты стоял здесь, он — там, потом ты побегал, а шапку поддал ногой во-он куда...

Степан добросовестно старался воссоздать во всех деталях картину минувших событий.

— Поразительно! — вступил в разговор молчавший до сих пор отец. — О чем ты думал, когда отнимал шапку у этого Юрки?

— Ха! — заорал Степан. — Так у Юрки под ушанкой еще платон был! Как у девчонки! Его мать, знаете, кушает! Его даже в классе дразнят: «Юра-кутенок»...

— А ты чего, собственно, вмести-ваешься? — недовольно заметил отец. — И вообще, не слишком ли много ты гуляешь? Тебе что, делать больше нечего?

— Нечего! — обрадовался Степан. — Именно что нечего! Уроки? Да я их сто лет назад кончил. Все еще из школы не выходили, а я уже сделал уроки и пошел гулять. Как почему? Да потому, что я освобожденный...

Пока они разговаривали, Андрей ушел вперед с наной-то старушкой. Женщина, с которой разговаривал Андрей, была совсем маленькая, чуть повыше своего собеседника. Она опиралась на палочку и все говорила что-то и все улыбалась. Увидев отца

— Эти-то? — презрительно протянул Гешка. — Даром время тратят. Ладно, пошли, ребята. На поле. Там нам еще лучше... Андрей, да стой ты? Узнал?

— Узнал, — отозвался тот, замедляя шаг. Гешка догнал его и пошел рядом.

— Ну, сколько?

— Три.

— Здорово! — вдруг шумно воскликнул Гешка. — Три сердца у кальмара. Вот бы мне.

— Что бы ты с ними делал?

— Спрашиваешь! Жил бы триста лет. По сотняшке на сердце.

— Зачем тебе? — лениво сказал долгожизный. — Скоро все равно вместе сердца будут транзисторы. В аптеке станут продавать, как витаминки. Купил, вставил новый — и живи хоть триста лет, хоть три тыщи. Пока не надоест. Это тебе не кальмар...

Они были уже почти рядом с домом. Неугомонный Степан замолчал, но ненадолго.

— Ой, кто это?

На их пути встал четырехлетний человек в фехтовальной маске. Такие продаются в «Детском мире» вместе со шпагами.

— Здравствуй... — вежливо сказала маска. — Это я, Слава. А у меня маска. Мне папка купил.

— Сами видим, что маска, — отозвался Степан, с завистью глядя на Славины доспехи. — Дай-на сюда.

Он взял из рук малыша лопатку и осторожно постучал по маске.

— Больно?

— Ни капли, — гордо ответил тот. — Она, знаешь, как защищает? Знаешь, какая крепкая? Это мне папка купил!

— Заладил — «папка» да «папка», — засмеялся Степан. — Ну и что? Мне, может, дядя Гриша велосипед обещал за отличника — я и то молчу. А вот его — Андрея — отец водил в планетарий. И Царь-пушку смотреть повезет! Вы когда туда поедете, скоро?

Отец не сразу понял, что вопрос относится к нему. А когда понял, устыдился на Степана:

— Царь-пушку?

— Ну да. И Царь-колокол.

Было ясно: Степан не шутит. Значит, это Андрей ему напел. Что называется, врет и не краснеет. Отец почувствовал, что снова «закипает». Он грозно повернулся к сыну — и обомлел.

Тот был бледен и напряжен, как струна. Даже губы дрожали. А глаза! Черт возьми! Отец испугался. Он понял: тут что-то не так. Не просто ложь. Наверняка, сын не в первый раз «ездит» повсюду с отцом. Не с ним — с другими, придуманными, которых все понимает.

«Врет и не краснеет? Да нет же, олух ты несчастный. Просто твой сын — ну, мечтает вслух, что ли. И еще — не хочет, чтобы друзья узнали, что за бездушная дубина в действительности его отец. Дубина и есть. Общайся с мальчишкой пять минут в сутки, и то... Степану, вон, какой-то дядя Гриша посулил велосипед. Андрейке все подарки ко дню рождения

«от мамы с папой» покупает мать. И опять-таки не в этом дело. Не только в этом. Сын вырос — и ему нужен отец-товарищ, советчик, друг... А он? Хорош «друг»! И теперь несчастный мальчонка молчит и трепещет, и сердце его разрывается, когда он представляет себе, что за сцену устроит ему сейчас при товарище любящий папаша!»

Отец поспешно отвел глаза и переспросил Степана:

— Сегодня у нас вторник? В воскресенье, думаю, поедем.

— И я? — быстро спросил Степан.

— Если тебя пустят.

— С вами-то? Ого!

Только теперь отец решил взглянуть на сына. Выражение лица у того было мучительно недоумевающее... В молчании добрели они до своего дома. Позвонили:

— Андрей!

Мать без сил прислонилась к раскрытой двери.

— Где ты был? Я в милицию звонила.

Рассмотрев в глубине коридора отца, она еще больше переполошилась. Не очень-то она любила оставлять их вдвоем. Слишком хорошо знала обоих. И вот они вместе, и лица какие-то странные, и оба молчат. В чем дело. Откуда они явились?

Мать боялась спросить, поэтому непрерывно говорила сама, топясь и волнуясь:

— Я так беспокоилась! Ведь Андрей забыл сегодня дома ключ...

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАПОРОЖЕЦ,
действительный член Академии педагогических наук
СССР, директор Института дошкольного воспитания

Сама окружающая среда, питающая ум ребенка необходимой информацией, стала богаче и разнообразнее. Однако для того, чтобы ребенок отобрал в этой информации существенное, осмыслил ее и переработал, необходимо систематическое воспитание. Мы можем и должны учитывать громадные познавательные возможности маленьких детей. Значимост первых лет жизни выступает со все большей силой, накапливаются все новые и новые данные, свидетельствующие о том, что первые годы жизни играют решающую роль в развитии способностей, нравственных качеств и черт характера целовеческой личности. Нельзя упускать время!

Это дало основание пересмотреть и усовершенствовать «Программу воспитания в детском саду», повысить требования к умственному развитию детей. Например, если раньше в старшей группе занимались преимущественно счетом в пределах первого десятка (это рассматривалось чуть ли не единственной задачей в математической подготовке дошкольников), то теперь уделяется больше времени и места простейшим операциям с наглядно представленными множествами. Дошкольники проводят простейшие измерения, решают и составляют элементарные задачи и примеры. Это закладывает основы математического мышления.

Большое внимание уделено в новой программе ознакомлению ребенка с доступными его пониманию явлениями природы и общественной жизни. В подготовительной и школе группе вводятся занятия, направленные на развитие умений тонко дифференцировать звуки речи, выделять их в слове, осознавать их смысловую различительную функцию. На этой основе подводят детей к послоговому чтению простого, специально подобранного текста. Большое внимания уделяется нравственному, эстетическому и физическому воспитанию малышей, ибо задача подготовки к школе является комплексной проблемой и предполагает всестороннее развитие детской личности. Итак, мы за использование потенциальных возможностей ребенка!

Но делать все это надо разумно, учитывая границы физической и умственной работоспособности организма. Форсированное развитие чревато серьезными последствиями. Можно на первых порах добиться известного эффекта, а в последующие годы тот же «вундеркинд» начнет срываться, отставать в учении, потому что скапливается перегрузка, которая накапливалась годами.

Надо учитывать также, что на определенной ступени развития создаются наиболее благоприятные условия для выявления тех или иных качеств личности. Так, в дошкольном возрасте имеются оптимальные возможности для развития сложных форм восприятия, наглядного мышления, творческого воображения. Если не обратить внимания на эти ценные способности в данном возрасте, то компенсировать возникший недостаток позже будет очень трудно, что отрицательно скажется и на школьном обучении, и на последующей трудовой деятельности будущего гражданина нашего общества.

Можно разработать прекрасную программу, методику, но, если не будет людей, которые овладеют ею в совершенстве, мы не добьемся желаемых результатов. Одна из важнейших проблем, которая встает сегодня, — это подготовка педагогов, которым принадлежит ведущая роль в сложнейшем процессе обучения и воспитания современных детей.

РУССКОЙ ПЕСНИ МАСТЕР

Идут два человека по проселочной дороге, высушенной солнцем. Идут, разговаривают. Весело им вдвоем и интересно.

Вот они остановились у дерева с необычной кроной. Наклонились, увидев что-то в кустарнике. Извлекли из карманов кусочки хлеба, чтобы подкормить воробьев.

Это два Василия гуляют после работы: Василий-старший, дед — без фуражки, в очках, кожаной куртке, толстых разношенных башмаках, и его внук — голубоглазый Василий-младший.

Старшему — Василию Павловичу Соловьеву-Седому — за шестьдесят, младший — второклассник, но жадность к впечатлениям у них, пожалуй, одинаковая.

Годы не придали Соловьеву-Седому скучной солидности; слава ни в чем не изменила его привычек, увлечений, искренней простоты. Как в каждом большом художнике, в нем сохранилась непосредственность восприятия мира, наивное удивление перед красотой, умение видеть, радоваться, наслаждаться ею. Но он отнюдь не беззаботен: ошибается тот, кто веселость и остроумие, сердечность и особую, одному ему присущую благожелательную приветливость отнесет к приметам легкой, безмятежной жизни.

Над письменным столом приколото кнопкой расписание — «урок» на ближайшие дни: на арию для оперетты отведено два дня, на дуэт или хор — чуть больше, на один

акт — недели полторы. Жесткое самозадание!

Так композитор дисциплинирует вдохновение, если занят крупным произведением, заказанным театром. Он любит напряженную работу, с точными сроками — без перерывов и, вероятно, как многие эмоциональные натуры, жадные до жизни, нуждается в строгости обязательств, вводящих вдохновение в русло интенсивного трудового режима.

В юности Вася Соловьев (прозванный отцом за светлый цвет волос Седым) пробовал разные занятия. Приходилось зарабатывать на хлеб, играя танцы в гимнастическом зале. Несколько лет ежедневно он спозаранку через весь город шагал на радиостудию: ленинградцы, поднимавшиеся в шесть часов для утренней зарядки, и не подозревали, что делали ее под фортепьянное сопровождение тапера Соловьева-Седого. На этой однообразной работе заметил его композитор А. Животов и посоветовал: нужно учиться.

Соловьев пошел учиться. Сперва — в музыкальный техникум, затем — в консерваторию. Но больше всего он учился практически, смело сочиняя музыку, пробуя силы в разных жанрах — опере, инструментальном концерте, фортепьянных миниатюрах. Достижением его консерваторских лет явилось то, что он сделал сочинение музыки привычкой и смог органично объединить любовь к жизни, к ее радостям с фанатизмом добросовестного работника и

непосредственностью художника, умеющего управлять вдохновением.

По крестьянской привычке, подобно отцу, матери, переехавшим из деревни в Питер на заработки, он встает спозаранку, на рассвете, для первой творческой «пахоты». В тишине дома, погруженного в крепкий утренний сон, он усаживается за фортепьяно, чуть слышно перебирает клавиши, нащупывая начало мелодии — первые «борозды», записывает знаки на нотном листе, медленно, раздумывая, что-то зачеркивая, потом все быстрее; без фортепьяно, внутренним слухом ощущая последовательность элементов, переходы гармонии, модуляции.

Текст — эта примечательная особенность его творческой психологии — первоначально не направляет воображение. Не конкретное слово важно, а общее душевное состояние, настроение, ведущая эмоциональная «краска». Слово нередко рождается у Соловьева-Седого вслед за мелодией и диктуется ею.

Композитор и сам изредка не прочь придумать тексты песен. Ему принадлежат слова к песням «Сегодня наш полк на заре выступает», «Доброе утро», «Письмо с целины», а популярные рефрены-темы он зачастую сочиняет сразу, вместе с музыкой: «Прощай любимый город», «Давно мы дома не были».

Чуткость к душевным движениям рождает искусство доверительное, лирическое, мелодии, распахнутые в большой мир, звучащие, по крыла-

О КОМИССАРЕ И. В. ЗУЕВЕ

Музыка

В. П. СОЛОВЬЕВА-СЕДОВА

Слова

НИКИТЫ МАРУНОВА

Под красной звездой
В могиле сырой
Лежит под землей
Комиссар молодой.

Он Родине верил,
Ее он любил,
И голову честно
В бою он сложил.

Больной и усталый,
В неравном бою
Он жизнь не жалел
Молодую свою.

И в схватке врагов
Шестерых уложил,
Последнюю пулей
Себя застрелил.

Но в памяти нашей
Живут имена,
Героев своих
Не забыла страна.

Народ наш их любит,
Им честь отдает
И песни простые
В их память поет.

Просто, не спеша

f. Под

крас-ной звез-до - ю в мо-ги-ле сы-рой ле-жит под зем-лей ко-мис-

-сар мо-ло-дой, он Ро-ди-не ве-рил е-е он лю-бил и

го - ло - ву чест-но в бо-ю он сло-жил. Он Ро-ди-не ве-рил, е-

е он лю-бил, и го - ло - ву чест-но в бо-ю он сло-жил.

Для повторения

Для окончания

2. Боль-// па-мять по-ет

В. П. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ С ВНУКОМ

тому бетховенскому выражению, от сердца к сердцу. И сила его песен в том, что они возвышают сегодняшний день, чувства простого человека.

Я не знаю композитора, который бы ездил по стране столь охотно и много, как Василий Павлович, без творческих командировок, по первому зову, чтобы поиграть, попеть, увидеть новые места. Понаблюдайте, как он разговаривает со слушателями с эстрады: словно сидит рядом с каждым, обращается к каждому. С волнением проверяет он на таких встречах воздействие своих песен, огорчается неудаче, шумно радуется успеху.

Немало песен Соловьева-Седого возникло в путешествиях, в самых необычных условиях, под влиянием мгновенного впечатления, желания доставить радость друзьям. Сам композитор в прошлом году, в День Победы, рассказал историю песни «Давно мы дома не были», симпривизированной в начале мая 1945 года на фронтовой дороге, в трясском автобусе, спешившем вслед за наступающими бойцами. Поэт А. Фатьянов рифмовал стихи, Соловьев-Седой напевал мелодию, подсказывая аккомпанемент аккордеонисту. Песню исполнил тотчас же, солдаты подхватили ее и пошли с нею в последние, завершающие сражения.

В ненастный день на палубе торпедного катера Северного флота на-

бросал он трогательную мелодию «Севастопольского вальса».

Знаменитая песня «Вечер на рейде» тоже возникла не в кабинете, не за фортепьяно, а в Ленинградском порту, где в первые месяцы войны Соловьев-Седой работал на разгрузке барж и услышал как-то грустный перебор баяниста.

Больше 400 песен создано Соловьевым-Седым. Разных по тематике, текстам, музыкальному языку, но связанных едиными источниками: русской песенностью, ее привольем, душевностью. От многих поколений крестьянской семьи пришел к Соловьеву-Седому талант мелодиста, чутье песни, рожденной сельским трудом и природой; в Питере, на Старо-Невском в дворницкой отца, на Выборгской стороне, куда бегал к друзьям-мальчишкам будущий композитор, впитал песни рабочих, городской фольклор — этот сплав, вероятно, объясняет характерное для композитора многообразие приемов, свежесть музыкального языка и широту «адресата». Принято считать, что вершина творчества композитора совпадает с военной порой: тогда были созданы «Вечер на рейде», «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк», «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Давно мы дома не были». Конец 40-х и 50-е годы рождают песни «Подмосковные вечера», «В путь!», «Марш нахимовцев», «Версты», «Если бы парни всей земли»,

за которые автору присуждается Ленинская премия.

Сейчас у него заметно решительное стремление выйти за границы простых песенных форм к более обобщенной лирике. Какой она ныне должна быть? — вот вопрос, волнующий композитора. На его письменном столе — сборники советской поэзии. Молодые поэты приносят рукописи, почтальон каждое утро передает объемистые пакеты — письма, стихи, предложения, пожелания...

Соловьев-Седой охотно пишет и для детей, первому показывая эти сочинения внуку Васе-младшему.

В этом номере печатается не опубликованная песня Соловьева-Седого, которую он написал для следопытов школы № 492 Ленинграда.

СОФЬЯ ХЕНТОВА

ТРЕБУЯ УВАЖЕНИЯ...

Я задумалась над статьей учителя Езерского, которую прочла в № 9 «Семьи и школы» за прошлый год. И в свою очередь хочу поразмышлять.

Почему многие дети так плохо воспитаны? Почему невежливы? Почему у них так мало душевного такта? Не согласитесь ли вы со мной в том, что, требуя вежливости от детей, надо подавать пример вежливости, что, требуя от детей наличия душевного такта, надо проявлять по отношению к ним этот самый душевный такт.

Даже взрослых учеников, 17—18-летних молодых людей и девушек, в школе называют на «ты». Наблюдали ли вы когда-нибудь, как разговаривают с детьми школьные уборщицы, завхоз? Часто ли слышится «спасибо», обращенное к ученику? А слово «пожалуйста»? Если ученику старшего (да и любого) класса кричат: «А ну, пойдی сюда», а потом за ненадобностью отсылают: «А теперь отправляйся», — то почему к такому человеку ученик будет проявлять уважение?

Или такой пример: девочки на уроке труда получили задание связать образчик. Одной из них захотелось удивить и порадовать учительницу, да и вязать она очень любит. Связала целую маленькую шапочку и любовно отдала ее. А на другой день принесла домой двойку и большую обиду. Учительница выговаривала ей: «Тебя кто просил, откуда я знаю, что это ты сама связала».

Часто я видела в магазине мальчика, он приходил посмотреть на книги, которые очень любит. Продащица ни с того, ни с сего закричала на него: «Ты чего здесь шляешься, вот приди еще раз, я тебя вышвырну отсюда!»

Грубость и бестактность рож-

даются не простым подражанием. Постепенно дети прочно привыкают к тому, что они всего лишь дети, и теряют контроль за своим поведением.

Н. ВИНОГРАДОВА

г. Коктла-Ярве

ХОЧУ ДОМОЙ

К нежно-розовому зданию нашего детского сада два раза в неделю спешат родители. Они уводят малышей домой.

— Галина Андреевна, за мной мама пришла! — радостно кричит Андрюша и изо всех сил бежит к симпатичной женщине с модной прической.

— Мама, у тебя сегодня есть время, да? — говорит мальчик, натягивая на ножку чулочек. Дети из круглосуточной группы очень самостоятельны, почти все умеют делать сами.

— Давай скорей, скорей, Андрей, некогда мне, — отвечает мама.

Забирают не всех, добрая половина в ожидании. Два раза за дверь выглядывала Света. Галина Андреевна знает, что ее мама вряд ли придет, хотя работает в первую смену. Галина Андреевна читает сказку про сестренку Аленушку и братца Иванушку, но девочка слушает без внимания, думает о своем и вот-вот заплачет.

Вечером девочка капризничала, не съела ужин и даже во сне продолжала всхлипывать.

Круглосуточные группы в саду — большая помощь семье. Бывает, что мать работает посменно или оба супруга по вечерам учатся. Но случается нередко, что, определив ребенка в садик такого типа, родители вовсе складывают с себя все полномочия. При-

выкнув к свободе, они утешают себя мыслью, что в садике детям неплохо. Да, воспитатели стараются, чтобы детям было хорошо. Но подумайте, почти целую неделю дети находятся в одной группе, на одном участке. Они тоскуют по домашней обстановке, по ласке, отданной именно каждому и именно от матери и отца. Внимание к себе — это законное человеческое требование. В условиях самого образцового детского сада это внимание неизбежно коротко. Воспитатели замечают, что, долго не видя матери, одни дети замыкаются в себе, другие делаются упрямыми, капризными.

Да и сами матери себя как бы обкрадывают, без особой необходимости отрываясь от детей. Сколько счастья они упускают, не видя самого интересного времени роста своего сына или дочери, не участвуя в этом удивительном превращении младенца в человека.

Н. ПЕЧЕРИНА-ЧЕРЕВАНЬ,
медсестра

г. Челябинск

ДАЖЕ ЕСЛИ НОВАЯ СЕМЬЯ

Детство было не очень радостное. Отца я лишилась рано, при матери осталось нас четверо, и росли мы сами по себе. Впервые почувствовала себя счастливой, когда пришла любовь. Мы поженились втайне от родителей мужа. Но, когда Михаила призвали на военную службу, я осталась у них в семье. Хотя его родители были против того, чтобы сын женился до армии, меня ничем не попрекали, наоборот, относились ко мне, как к родной. У меня родилась дочка Аленка, и, пока она была маленькой, я не работала. Больше двух лет жила на полном их изживении,

Девочку бабушка и дедушка очень полюбили. И теперь ее любят по-прежнему.

Но в наших отношениях с мужем все изменилось. Он перестал мне писать, а потом написал, что меня не любит и жить со мной не будет. Не знаю, что писала ему мать, но через некоторое время он ей ответил: «Ладно, мама, я вернусь к Нине. Наверное, я от нее отвик». Мне стало легче. Потом пришло еще одно письмо, в котором он писал, что все обдумал и наша совместная жизнь невозможна. Я хотела уйти, но свекровь сказала: «Живи пока у нас. Миша вернется, и, может быть, все наладится». Но он вернулся — и ничего не наладилось. Я ушла с дочкой. Вначале родители мужа часто брали Аленьку к себе из ясель, и девочка к ним привязана, сама тянется к ним. А вот моя родня говорит, чтобы я этого не допускала: «У тебя будет новая семья, зачем тебе и Аленьке они». И в последнее время я перестала отпускать девочку к родителям бывшего мужа. Но правильно ли я поступаю? Ведь

люди эти ничего мне плохого не сделали.

СИДОРОВА НИНА

г. Иркутск

ОТ РЕДАКЦИИ

Вам, Нина, дают негодный совет. Из вашего письма видно, что вы и сами так думаете. Чувствуется, что вы испытываете уважение к свекрови. Вместе с вами и мы разделяем это чувство.

Дважды эта женщина поступила разумно. Первый раз, когда предостерегала сына от легкомысленного брака. Теперь-то его легкомыслие видно и вам — слишком быстро прошла любовь. Мать лучше вас знала характер своего сына. И второй раз, когда старалась спасти вашу молодую семью. Не злорадствовала: вот, мол, я предвидела, предупреждала, что так будет, а, думая о ребенке, пыталась образумить сына.

Теперь, Нина, как мать вы сумеете лучше оценить мудрую человечность вашей свекрови.

Что же, кроме признательности и уважения, можно испытывать

к таким людям? Тем более что не вы и не они виноваты в том, что жизнь в этом доме у вас не удалась. Вам бы и дорожить высокой порядочностью, душевным благородством, родственной любовью, которые отдавали и отдадут, когда вы ушли из семьи, вам и вашему ребенку бабушка и дедушка. Думается, что, когда вы перестали отпускать девочку к родителям бывшего мужа, вы поддались желанию мелочной мстительности. Кому, за что? Пожилым людям, которые заботились о вас и любят вашу дочь? Да, наверное, им обидно ваше внезапное отчуждение. Плохо им от этого. Но вы, по-видимому, начинаете понимать, что по сути дела и себе вы сделали плохо.

Вы и Аленька можете потерять двух прекрасных людей, а взамен получить обманчивое самодовольствие. Не поддавайтесь этому недостойному настроению. Мужественно переживите женскую обиду. В этом вам должно помочь материнское чувство. Вспомните тот наглядный урок, который дала вам свекровь.

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ КОЛБАНОВСКИЙ,
профессор

Кажется, такое простое явление — вода, а какая в ней колоссальная сила! Она заставляет, жизнь зародилась впервые в воде и невозможна без воды. А как она вращает гигантские турбины, и сила ее падения превращается в миллиарды киловатт-часов электроэнергии! А сама элентроэнергия? Есть ли более мощный источник движения для промышленности или транспорта? Вот разве только атомная или термоядерная энергия. Сколько ее в одном литре той же воды?

На атомной энергии строятся электростанции, но ее закладывают и в снаряды чудовищной взрывчатой силы. Подростки слышали о трагедии Хиросимы и Нагасани. Неужели она повторится? А разве нельзя предупредить?

Такие вопросы и многие другие встают перед подростками, когда они начинают чувствовать себя почти взрослыми и хотят перешагнуть побыстрее это «почти».

Потребность в знании, в открытии тайн и загадок природы, в изобретении такой техники, которая бы увеличила власть человека над природой, — естественная потребность растущего человека.

Я вижу одну из главных задач педагогики в том, чтобы пробуждать у детей творческие способности. Думаю, что воспитание очень осведомленного нашего юного современника вообще должно вестись на более серьезной основе. Мы обязаны побуждать детей искать и находить ответы на волнующие их вопросы о смысле всего существующего, о смысле самой жизни.

Лев Кассиль сказал о мальчишках: «пенюгонный волнорез времени». Я бы отнес это к детству вообще. Дети — самые современные люди. Чувство нового у них развито поразительно. Но новое не обязательно хорошее. Есть новшества весьма спорные. Запретить детям видеть их? Завязать их глаза? Закрыть в комнате? Если бы и хотели — не удалось. Значит, нам, воспитателям, надо отречься от привычных мерок «детского мира» и, охраняя чистоту детства, все-таки серьезнее учитывать их человеческие особенности.

Те воспитатели, которые уделяют внимание естественным потребностям подростков, убеждаются, как много заключено в них способностей. Разбуженная потребность в творчестве позволяет подросткам пройти самый трудный период их развития — период превращения мальчика в юношу, девочки в девушку — без всяких сложностей и отклонений. В непрестанном поиске пытливые мысли, в первых опытах творчества они получают представление о ценности своей личности, о своей возможности стать полезным членом общества.

ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ

Рисунки Е. Соколовой

Юноша пришел в библиотеку.
— Что вас интересует?
— «Жизнь Зинштейна».
— Пожалуйста...
— Тьюринг, «Может ли машина мыслить».
— Выдана.
— Лавров, «Электроника и современность».
— Увы...
— Тогда всё.
— Вы можете взять что-нибудь из художественной литературы.
— Ну, дайте там что-нибудь про шпионов.

Это диалог из пьесы Александра Володина «Идеалистка». Но его можно подслушать в любой библиотеке: он обычен.

Увлечение детективным жанром повально. «Про шпионов» читают и те, кто относится к таким книжкам свысока, берут, как они говорят, для отдыха, и те, кто, кроме них, вообще ничего не читает. Об этом увлечении много говорят и много пишут. Кто ужасается, кто смотритнисходительно, кто видит в подобном чтении тренировку аналитических склонностей ума.

Известный литературовед М. Гершензон сорок-пятьдесят лет назад встревоженно писал о том, как изменился в наш век тип «среднего» читателя:

«...В старину люди читали сравнительно медленно и созерцательно, как пешеход, который на ходу видит все в подробности, и наслаждается видимым, и познает новое, а нынешнее чтение подобно быстрой езде на велосипеде, где придорожные картины мелькают мимо, сливаясь и пропадая пестрой безразличной вереницей. Ища прежде всего быстроты, мы разучимся ходить; теперь только немногие еще умеют ходить пешком — почти все читают велосипедно, по тридцать и сорок верст, т. е. хотел сказать — страничку в час. Спрашивается, что они видели в этих быстро промелькнувших страницах, могли ли что-нибудь заметить и разглядеть?»

Причину перемены Гершензон видел в том, что прежде, «в старину», учили читать по складам, заставляли осмысленно вникать в смысл и состав слова, теперь же, говорил он, малолеток учат сразу беглому, интуитивному чтению...

Но то, что для автора статьи было «теперь», для нас стало отошедшим днем. В современной школе учат читать как раз по складам. А тяга к стремительному, к велосипедному (нынче мы уже скажем: к реактивному) чтению осталась. Даже возросла.

Значит, причина в другом.

Читатель, в самом деле, очень переменялся по сравнению с тем, что было «в старину»; понятно, я говорю «читатель» в собирательном смысле. Посмотрим, что же именно произошло с читателем — ну, скажем, за сто лет.

Судить об этом можно по тем книгам, которыми стремились угораздить тогдашние литературные ремесленники тогдашнему широкому читателю. Ведь не Пушкин же и не Гоголь гнались за успехом во что бы то ни стало, а поставивши чтива, рассчитанного на мгновенный успех, главным образом — финансовый.

В романе Юрия Тынянова «Смерть Вазира-Мухтара» (который, как и вообще тыняновскую прозу, можно в некотором смысле считать справочником по эпохе) Александр Сергеевич Грибоедов слышит, как камердинер его Сашка читает дворне бульварную прозу Булгарина:

«Я был известен под именем сиротки... Никто не приласкал меня из всех живших в доме, кроме старой заслуженной собаки, которая, подобно мне, оставлена была на собственное пропитание».

Грибоедов жадно слушал.

Сашка читал «Сиротку», новое сочинение Фаддея, первую главу из его будущего обширного романа «Выжигин».

«Смотря, как другие дети ласкаются к своим матерям и нянькам, я ласкался к своей кудлашке и называл ее маменькою и нянькою, обнимал ее, целовал, прижимал к груди и валялся с нею на песке».

Брр. Собачьи нежности. Фаддей как на ладони, фламандская, свинская душа. Душа — Фаддей.

Так думает просвещеннейший Грибоедов. Слуга же его от Булгарина в восторге.

В те годы в России появлялся новый читатель — демократический; круг читающей публики раздвинулся за счет мелких чиновников, купцов, мещан — вплоть до таких читателей, каков грибоедовский дворный Сашка Грибов. Литература, даже самая большая, даже великая, не могла не учитывать этого расширения круга читателей: рождался подчеркнутый демократический стиль Гоголя. Но откуда этот новый стиль великой литературы рождался в неизбежных для нее муках, удовлетворял потребности нового читателя спешили поставщики скороспелых поделок.

Так появился в России начала прошлого века плутовский роман с переизбытком сентиментальностей, перегруженный подделками под добрые чувства, — вроде скандального булгаринского «Выжигина». Читатель,

еще совсем неопытный (неопытный не только лично, но и, так сказать, исторически), удовлетворялся этим чтением, рассчитанным на долгие вздохи и обильные слезы.

Получая наконец-то не стихи или трагедию, а пухлые тома, начиненные происшествиями и сентиментами, читатель хотел длить удовольствие, привыкая и чтению — занятию для него пока что довольно новому.

Между прочим, тот самый гоголевский Петрушка, которому было все равно что читать, бунтарь или молитвенник, ибо «ему нравилось не то, о чем он читал, но больше самое чтение», не просто смешон. По сути, он ведь есть наиболее полное, хотя и гротескно заостренное воплощение тогдашнего читателя-неофита, ощутившего «охоту к чтению», но еще не знающего «потребности и литературы» (Белинский).

Так было.

Теперь вернемся в свое столетие, вернемся сразу, не останавливаясь на промежуточных этапах.

Итак, детектив.

То, что так выросло увлечение остросюжетными приключенческими книжками, не углубляющимися ниже жизненной поверхности, — закономерность. Ее можно порицать, но отрицать нельзя.

Наше столетие низвергло на нас водоплавы информации.

Технический прогресс, гордость и надежда двадцатого века, так раздвинувший границы миропознания, в то же время в чем-то и сужает интересы личности, «специализирует» ее, толкает в сторону однобокого развития. Это происходит не только в ученых кругах; в самом быту — из приемника, из телевизора, на каждом шагу — неудержимо поступает к нам новая и новая информация, которую только успевай перерабатывать.

«Где наша мудрость, потерянная ради знаний, где наши знания, потерянные ради информации?» — печально сказано кем-то.

И вот юноша из пьесы Володина, со слов которого и начинается эта статья, юноша, знающий еще не настолько много, чтобы утратить самоуверенность — всезнающий, объясняет свое пристрастие к детективам лаконично и категорически:

— В условиях громадного количества впечатлений, которые обрушивается на нас современная жизнь, интеллект стремится ограничить круг своих интересов.

И не без лукавства спрашивает библиотечкарушу:

— Виноват, вы читали Винара «Кибернетика и общество»?

А услышав «нет», победно заключает:

— Видите — нет. Это пробел. Но я вас не обвиняю.

Кстати, библиотечкаруша действительно зря не читала книгу Винара. Хотя бы потому, что тогда она, может быть, с большей уверенностью могла бы ответить: да, личность в самом деле стремится к ограничению круга интересов; да, в этом есть некая закономерность. Только это не значит, что с ограничением нужно смиряться. Тем более — радоваться ему. Совсем не радовался этому и сам «отец кибернетики» Норберт Винер.

Боюсь, впрочем, что самоуверенный юноша и в том случае, если бы его оппонент прочла «Кибернетику и общество», сумел бы сразить ее друзьями не читанными ею книгами, уже более специальными. Вышло бы эффектно. И как будто убедительно...

А на самом деле — демагогично. Она ведь и не приглашала его специализироваться в литературе. То, что необъятного не обни-

мешь (так же как и то, что специалист своей односторонностью подобен флюсу), понимал еще Козьма Прутков, задолго до кибернетики. Речь шла о другом: библиотекаря звала юношу просто читать истинно художественные книги, звала его общаться с искусством, которое формирует душу. И противиться этому, ссылаясь на закономерность узкой специализации, считая флюс преимуством, а не болезнью, избирая из всей литературы лишь детективы, читаемые забавы ради (или для оправдания — как средство развития аналитических способностей), — это в конце концов то же самое, что прямое признание: я хороший специалист, и поэтому мне незачем становиться еще и хорошим человеком.

Разумеется, я не за то, чтобы «отменить» чтение детективов. Да кроме того, среди них есть такие, что безусловно принадлежат искусству: скажем, рассказы Эдгара По, родоначальника этого жанра, или рассказы Честертона. В них есть не только заманчивый сюжет, но и интерес к глубинам психологии, к миру чувств, к нравственности. И все же сознаемся: не ради глубин читаем мы По или Честертона — даже их! — не познания и не добрые чувства ищем мы прежде всего в превосходных детективах. Что же до глубин, то их мы ждем от других книг, от Толстого и Шекспира, Стендаля и Достоевского.

Честертон и По не могут равняться с гигантами не только по степени таланта. Их задача умен и проще, их книги прежде всего занимательное чтение. И не острый сюжет сам по себе является отличием их от книг великих сердцеведов: ведь в «Гамлете» убийств почти столько же, сколько в «Великолепной семерке», интрига «Живого трупа», «Красного и черного» или тем более «Преступления и наказания» прямо-таки детективна, но мало кому придет в голову читать эти произведения ради забавы. Даже самые талантливые книги детективного жанра отличаются, стало быть, не только авантюристской сюжетом, а и облегченностью. Даже они, лучшие в своем роде, не заменят той литературы, которая взялась понять мир и человека в нем.

Ради сюжета читаем мы По, Честертон или Конан-Дойля, и будь эти книги не столь захватывающими, я

думаю, мы равнодушно оставили бы их ради иных, тех, что поверхностнее и беднее, но «завлекательнее». Книжки этого жанра, хорошие и посредственные, удовлетворяют главным образом не духовную потребность, а другую — в отдыхе, в развлечении. Этим, прежде всего этим, они хороши и полезны.

Конечно, все не так просто. Конечно, нужны оговорки. Есть люди, которые и «Анну Каренину» могут воспринимать как роман про супружескую измену и самоубийство. Особенно если пропускать при этом «психологию» и «философию». Есть и люди, которые потакают такому восприятию, — взяв хотя бы знаменитые зарубежные дайджесты, сюжетные выжимки великих книг, карманный их пересказ.

И, напротив, восприятие может обогащать книгу, наше эмоциональное воображение заставляет видеть глубину там, где ее немного. Маршак говорил, что для ребенка сказка о Красной Шапочке драматична, как «Анна Каренина», — столь бурно сопереживание малыша. А для подростка «Три мушкетера» могут стать ровень с «Дон Кихотом». Но это совсем не та степень душевного обогащения, что даст ему потом сам «Дон Кихот», книга великой мудрости и печали. Это пока что обогащение за счет собственных ресурсов, которых на всю жизнь не хватает.

Увлечение детективами может стать опасным для внутренней жизни лишь в том случае, если оно оттолкнет нас от истинного, высокого, большого искусства. Если начнет застилать свет.

Советский философ В. Ф. Асмус, сравнивая воздействие художественного произведения на читателя с гипнозом, заметил, что гипноз «не подавляет активности гипнотизируемого, человек остается таким же, каков он в нормальном состоянии, — трусом или храбрцом, глупом или правдолюбцем. «Если даже клинический гипноз, — продолжал профессор Асмус, — не подавляет активности гипнотизируемого, то «гипноз» произведения искусства — тем более. Даже повторяя — в какой-то мере — путь воображения, чувства, мысли, пройденный при создании произведения автором и «запечатленный» в его жизни, читатель вновь пройдет этот путь в своем восприятии не в точности по авторскому маршруту, а по своему и — что важнее — с несколько иным результатом».

Я, впрочем, сказал бы резче: гипноз искусства не только не подавляет нашей индивидуальности, но дает ей возможность проявиться яснее и ярче.

Идя путем Раскольникова или Жюльена Сореля, вернее, путем раздумий и переживаний их авторов, мы сочувствуем и негодуем, приемлем и не приемлем; мы, читатели, остаемся самими собой, больше того — в еще высшей степени становимся самими собой. Ибо психологические и нравственные наши индивидуальности, соприкасаясь с богатейшим миром чувств и мыслей, содержащихся в книге, активно проявляясь в сочувствии и ненависти, все полнее осознают себя. Совершенствуются и оттачиваются.

А гипноз книги, в которой сложность жизни, сложность чувств и мыслей обойдены или ослаблены, не пробуждает в нас нашего своеобразия так активно. В реакциях на детективный сюжет, в нехитрых размышлениях: убьет или не убьет? уйдет или не уйдет? — мы гораздо более однообразны. Ведь такие книги не затрагивают всего многообразия нашей духовной жизни.

Читая истинно художественную

книгу, мы все разные. Читая детектив, мы похожи.

То есть увлечение детективами не растит нашей человеческой самобытности — это в лучшем случае, если мы знаем их цену. В худшем случае, если они составляют все наше чтение, они нас стандартизируют. Вот в чем беда.

Потребность читателя, да еще закономерная, не такая вещь, от которой можно отмахнуться. И глупо было бы осуждать развитие детективного жанра в нашем кино или в литературе.

Тем более что правильно понятая потребность публики и, главное, правильно понятые причины потребности могут помочь самому искусству. Мне кажется, и сейчас серьезные писатели учатся извлекать пользу — не для себя, для искусства — из интереса и остротности.

Именно сейчас становится настоящей литературой, литературой мировых вопросов, философских раздумий, конкретнейшей связанной с судьбой человека и человечества, научная фантастика. И лучшим из ее творцов не помогает опыт их предшественников, разрабатывавших жанр дешевого космического детектива, в котором сам космос был всего лишь заманчивым дополнением к сюжету, экзотическим местом действия; напротив, им приходится и на этот раз преодолевать подобные представления о фантастике.

И уже не скажешь, что «Солярис» Лема или «Марсианские хроники» Бредбери читаешь для отдыха. Не отдохнешь в мире мощных фантазий, насаждающих тебя так реально...

Художнику не может быть безразличен читатель, его вкусы, его потребности. Это не значит, что и читателю надо приспосабливаться. Ленин, как известно, сказал, что искусство должно быть «немножко впереди» читателя.

Искусство формирует душу — это элементарная истина. Но формирование идет непросто и нелегко.

У Заболоцкого есть стихи:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

... Коль дать ей вздумашь поблажку,
Освободя от забот,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

ЕСТЬ ЛИ НА СВЕТЕ ПЕДАГОГИКА?

Читать эту книгу для человека, имеющего хоть какое отношение к русскому языку, — будь он учитель, редактор или литератор — труд тяжкий. На каждой странице рука тянется к карандашу — хочется отметить грамматические несообразности, исправить стилистические несуразницы, извлечь смысл фразы из плотной паутины канцеляризов. Судите сами:

«...Разлагающее влияние на детей оказывают пьянство и распушенность родителей, эгоистическая устремленность ряда из них»*.

«Особое место в книге отведено проблеме воспитательного значения дружеского общения...»

«...автор показывает проявление такта к детям различных возрастных ступеней...»

«Приучать детей делиться с друг другом подарками и игрушками... не быть эгоистом — все это закладывается в дошкольном детстве...»

Цитаты — пока что из предисловия, написанного редактором книги кандидатом педагогических наук Н. Щербовым. А вот и примеры из авторского текста: «...высказываются взаимные обвинения о неправильном отношении...»

«...наблюдаются несчастные случаи при выполнении физического труда, драки...» (при выполнении... драки?!)
«...наблюдается интенсивный рост умственного развития...»

«...родители помогут школе, если будут внушать детям прилежно заниматься...»

«В многообразной работе с детьми по привитию им навыков...»

«...перед детьми часто подчеркивается...»

Словно бы нарочно из неисчислимого многообразия словесных средств, которые предоставляет пишущему могучий русский язык, автор безошибочно выбирает самое тусклое, безжизненное, чуждое строю живой речи. Не скажет «бывает» — скажет «наблюдаются примеры»; не «трудятся» или «работают по дому» — «выполняют бытовой труд»; не «сообщали», «объясняли» или «рассказывали» — только «привлекали внимание»; не «стал старательнее» — обязательно «повысил прилежание». Сказать попросту: «если нет согласия между родителями?» — разве можно! Только «факт отсутствия повседневного контакта...»

Часто затрудняешься понять: что же хочет сказать автор? Читаешь, к примеру: «...Любознательные и деятельные, какими являются наши дети, не испытывая на себе педагогического влияния пап, мам... подчас настолько привыкают к неправильному поведению, что... их уже нужно перевоспитывать...» — и становишься в тупик:

с одной стороны, вроде бы дети любознательны и деятельны, пока мы не докучаем им своим влиянием, — так что нужно ли это влияние? А с другой — они, оказывается, привыкают к неправильному поведению, так что влияние нужно. И лишь перевернув раз десять фразу так и эдак, добираться до смысла. А смысл, по-видимому, таков: хотя дети и сами по себе любознательны и деятельны, наше влияние все равно необходимо, потому что у детей могут сложиться и «неправильные формы поведения».

Или вот еще:

«...Нечелесообразно прибегать к приказу как к методу воздействия на детей без необходимости». Несколько оторопев, думаешь: а если необходимости в воздействии нет, наверное, и к другим методам прибегать «нечелесообразно»? Почему же автор упоминает про один лишь приказ? Да нет, он, наверное, имел в виду другое: если есть хоть какие-то иные средства повлиять на ребенка, кроме приказа, их и нужно прежде всего пускать в ход.

Необъяснимо трудным оказалось почему-то для автора согласование видов глагола. Они путаются на протяжении всей книги:

«...дети приучались убирать помещения ...очистить картофель...»

«...эти слова... отзовутся в сердце каждого родителя желанием укрепить семью, находить в ней свое счастье...»

«...родители стараются выявить интерес... приложат усилия развить его...»

«...учащийся... привел в порядок обувь, пальто, костюм, соблюдал правила личной гигиены...»

«...желание сына или дочери посещать лекторий, ... прослушать... передачи по радио и телевидению...»

Но остановимся. Едва начав разговор о книге, мы, видимо, уже утомили читателя бесконечной вереницей цитат. Пусть он поверит: мы не привели и малой части стилистических несообразностей, рассеянных на 243 страницах книги.

Но, может, не стоит придираться к каждой строчке? Положим, автор не обладает даром слова, а издательство оплошало и не поработало над книгой; но ведь она и не относится к беллетристике, которая даже по своему названию должна быть «изящной словесностью»? Это — книга педагогическая. И, может, недостатки в изложении возмещаются сугубой ценностью сведений и суждений? Посмотрим же, что стремился сказать автор, какими мыслями он хотел поделиться с читателем.

Если попытаться выделить понятия, которые чаще всего встречаются на страницах книги и которыми автор, видимо, особенно дорожит, то их окажется три — «правила», «порядок» и «мероприятия». Процесс воспитания при этом выглядит примерно так: родители выработывают правила; для их внедрения в детские го-

А. П. Трофимов. Семья и дети. М., «Просвещение», 1969.
* Курсив и примечания в скобках принадлежат автору рецензии.

ловы проводятся мероприятия; в результате образуется порядок. Или, с вариантами: проводите мероприятия в определенном порядке, и дети наверняка усвоят необходимые правила.

Чтобы у читателя не возникло впечатления, что мы окарнажируем мысли автора, давайте вновь обратимся к тексту:

«Родители... учат, а затем обязывают каждого ребенка соблюдать целесообразные правила поведения с раннего дошкольного возраста...»

«Выработать педагогически целесообразные правила поведения, контролировать их выполнение могут все родители».

«Дети... знают, что не только школа, но и родители требуют от них быть правдивыми, прилежно учиться... соблюдать правила культурного поведения...»

Хорошо, эти, пользуясь терминологией А. Трофимова, «примерные дети» знают. А неужто двоечники и прогульщики не знают, что надо хорошо учиться, а не лоботрясничать? Все дело в том, что, кроме требований и правил, существуют, видимо, и внутренние побуждения ребенка. В каком отношении находятся они к нашим «правилам»? Противостоят ли им, принимает ли их ребенок сам, по доброй воле, потому, что это и *его правила*, или же просто подчиняется им — из страха, по вялости характера? Для любого настоящего воспитателя это важнейший вопрос. Между тем в книге, где нашлось место для множества правил — и полезных, и произвольных, и случайных, — нет в сущности внятного ответа на вопрос: как сделать, чтобы собственные побуждения ребенка, его саморазвитие и наши педагогические влияния образовывали единство, а не противостояли друг другу?

Не помогают понять это и примеры. Вот страницей позже автор рассказывает о матери, которая одна воспитывала четырех детей. Как же проходило воспитание?

«Нелегким было начало воспитания. Уходила мать на работу в 6.30. самого маленького отводила в ясли... двое старших учились в школе, третий оставался дома. Детям внушались определенные правила поведения... Дети знали строгость матери, и это в значительной мере определяло их поступки... младшие братишки послушно следовали указаниям старшей сестры. Они знали, что мама по возвращении обо всем узнает и не похвалит за неподчинение».

Ни минуты не сомневаясь, что речь идет о дружной, прекрасной семье, все-таки остаешься в решительном недоумении: так что же определяло поведение детей? Взаимная привязанность? Понимание, и малышам доступное, что семье трудно и все должны друг другу помогать? Или просто боязнь материнских упреков и наказаний? Не помогает и разъяснение автора: «Дети знали, что фамилия их мамы неоднократно заносилась на Доску почета завода, поэтому ее слова имели большое воспитательное значение». Невольно подумаешь: а каково тем, чьи фамилии «не заносились»? Им-то на что полагаться?

Многие правила, формулируемые А. Трофимовым, скажем мягко, несколько произвольны, а иллюстрации к ним — двусмысленны.

Вот, допустим, такой совет:

«У первоклассников могут встретиться затруднения в письме, счете, чтении. Эти трудности им нужно преодолевать самим». Находим и близкий этому совету пример: «Дети знали, что по возвращении из школы их встретят вопросом: «Ну как, сынок?» или «Ну как, внучек?» Оценка «3» огорчала всех. В семье к этой оценке создано было нетерпимое отношение. С тройкой в дневнике дети приходили домой с унылым настроением. В таких случаях мать или отец проводили с ними обстоятельную беседу, вскрывали причину и убеждали их, в чем они были неправы».

И опять неясно, что хочет сказать автор. Что родители не должны выполнять за детей их уроки? Это истина бесспорная, хотя и не новая. Или что малыши сами должны выкарабкиваться из трудностей? Это уже далеко не бесспорно. И какие это были беседы: выяснялись ли в них реальные трудности или все сводилось к нотациям? И в чем можно убеждать ребенка, если он, скажем, просто не понял новый материал?

А между тем за ясным ответом не надо далеко ходить. Вот что пишет известный психолог, автор ряда работ об учебном труде младшего школьника, Л. Славина:

«Ваш сын получил тройку... И вы привычно начинаете свою воспитательную деятельность: «Опять тройка! Опять не стараешься! Ну что нам с тобой делать!»

Подождите сердиться... Не просто отметка важна, важно, что она означает: старание, которое пока не увенчалось успехом, небрежность, неаккуратность, торпливость или незнание какой-то части пройденного материала. В каждом случае и первая ваша реакция и дальнейшие педагогические выводы должны быть различными».

Или читаешь, к примеру:

«В наказание за непослушание ребенка дошкольного или младшего школьного возраста полезно бывает поставить у стены, в угол, посадить на стул в то время, когда он мог бы побегать, порезвиться, заняться какой-нибудь игрой».

Наказание, действительно, распространенное. Но всегда ли допустимое? Вот мнение врача-психоневролога, кандидата медицинских наук С. Файнберга: «По отношению к таким (неуравновешенным) детям недопустимы наказания, ограничивающие активность и свободу (поставить в угол, лишить прогулки и т. п.). Подобные наказания, перегружая и без того слабый у этих ребят тормозной процесс, лишь повышают их неуравновешенность и возбудимость».

Оказывается — есть разные дети! Оказывается — что полезно в одном случае, в другом — только вредит! Вот об этом-то и вести бы разговор с родителями — ведь каждый из них имеет дело не с ребенком «вообще», а с отдельным, особенным, своим.

Но автору больше по душе рекомендации категорического свдства:

«Мы рекомендуем воспитательную беседу с детьми всегда начинать в деловом спокойном тоне...»

«Ирония и насмешка как методы воздействия на детей никогда не приносят пользы...»

Конечно же, крик — не способ воспитания; конечно же, ирония — оружие обоюдоострое и опасное... Но «всегда» в спокойном тоне, «никогда не приносят пользы...»? Право же, неловко с этим спорить — казалось ведь, что не только педагогам — любому читающему человеку давно известны глубокие, прекрасные мысли Макаренко о «педагогическом риске», о необходимости владеть не одной-двумя, а двадцатью интонациями разговора.

«Правила» А. Трофимова не только чересчур категоричны. Беда их и в том, что это в большей части правила *словесного воспитания*:

«По окончании срока наказания (!) от ребенка нужно добиться обещания вести себя хорошо и не повторять проступка».

...Конечно, дети менее последовательны, чем взрослые, проступок может повториться через некоторое время после данного ими обещания. Нужно набраться терпения родителям и еще раз провести вдумчивую беседу и принять от ребенка новое обещание вести себя как следует.

Постепенно у детей при таком воспитании формируется воля, твердость характера...»

Наверное, откликом именно на такие рассуждения и были злые слова Макаренко:

«Воспитательную работу... рисуют себе так: воспитатель помещается в некоторой субъективной точке. На расстоянии трех метров находится точка объективная, в которой находится ребенок. Воспитатель действует голосовыми связками, ребенок воспринимает слуховым аппаратом соответствующие волны. Волны через барабанную перепонку проникают в душу ребенка и в ней укладываются в виде особой педагогической соли».

И уж решительно непонятно, как при таком воспитании может сформироваться воля — качество, всегда основанное на личных стремлениях, на *собственных* убеждениях.

Так что же, спросит нас читатель, — вы против всяких правил поведения, правил воспитания? Ни в коем случае! Спор ведь не о том, нужны ли правила, спор о том, они ли основа и первоначало. В согласии с суждениями А. Трофимова автор предисловия Н. Щербов пишет:

«Первое условие правильного воспитания детей в семье — единые педагогические требования к ним».

Не первое все-таки. Наверное, все-таки первое — любовь к детям. Неуютно, безрадостно в семье, где все связано лишь обязанностями и правилами; есть в этом что-то механическое, неживое. А между тем семья — это живой организм, основанный на внутренних связях, на деятельной, разумной любви. Но что делает родительскую любовь разумной? Первое — понимание, чего же общество ждет от нас как воспитателей; второе — знание ребенка: и общих законов его развития, и особенностей, особенностей, личного своеобразия. Бывает ли такое понимание «от природы»? Да. Но чаще всего оно рождается в соединении реальных знаний о ребенке (педагогических, медицинских, психологических) и умения осмыслить любой поступок дитяти — умения педагогически мыслить. Не в «правилах» испытывают недостаток молодой отец или мать; они есть у каждого — частью вынесенные из собственного детства, частью добытые жизненным опытом, частью позаимствованные у других. Начинаящий воспитатель нуждается прежде всего в *знаниях*, которые одни помогут ему разобраться, какие из «правил» годятся, какие — лишь отчасти, а какие и вовсе надо выбросить на свалку. И еще — в навыках педагогического размышления, педагогической диалектики, позволяющей быть вровень с реальной сложностью и противоречивостью жизни ребенка.

Так может быть, мы это найдем в книге А. Трофимова?

«...Дети 4—6 месяцев объединяются в подгруппы для слушания музыки (песни), которая сопровождается показом игрушки (яркий флажок или бубен, украшенный лентами)»;

«...рекомендуется внушать воспитанникам, чтобы они ходили и бегали со свободными, естественными движениями рук, поднимая ноги и прямо держа голову...»

Не будем интриговать читателя дальнейшими цитатами, не будем заставлять его ломать голову: в какую подгруппу и с кем объединить своего младенца. Все объясняется достаточно просто: в стремлении сообщить родителям, чем и как заниматься с малышами, А. Трофимов нашел несложный выход — переложил своими словами, а кое-где и просто процитировал Программу воспитания в детском саду (заметим, для сведения автора и издательства, что цитаты приняты сопровождать кавычками и указанием на источник). Само по себе желание рассказать родителям, что и каким образом стремился воспитывать и развивать у малышей детский сад, можно лишь одобрить. Бесспорно и то, что *общие* задачи детского сада (как и школы) и семьи едины. Но вот формы, способы действия едины ли? Далеко не всегда. Взять хоть то, что семья имеет дело с одним,

ну, с двумя детьми. С одной стороны, это хорошо — все силы на одного, а с другой... Да что говорить: не ясно ли, что простое перечисление детсадовских рекомендаций с прибавлением «то же может делать и семья» — лишь видимость ответа. Да и перечислены они с досадными неточностями; вот хотя бы в той же цитате: не «поднимаю ноги» (найдется ли умелец, способный бежать, не поднимая ног?!), а «не шаркая ногами»; не «внушать» (автор и тут верен своей любви к словесному воспитанию), а «приучать» — в игре, в деятельности.

В книге не так уж много цифр и реалий, но и тут досадные ошибки. А. Трофимов утверждает: «У мальчиков с 13—14 лет, у девочек с 12—13 лет начинается подростковый период». Открываем Педагогическую энциклопедию: доктор педагогических наук В. Крутецкий определяет начало подросткового возраста в 11—12 лет. В книге упоминается учительница, которая «при прохождении... основ дарвинизма дает учащимся индивидуальные задания по выращиванию растений, животных», а между тем предмета с таким названием уже несколько лет нет в нашей школе. Пытаешься отыскать в каталоге Ленинской библиотеки книгу Грибачева «Павлик Морозов», не находишь и думаешь: а может, речь идет о книге В. Губарева? Или о поэме С. Щипачева?

Но, пожалуй, пора объяснить, почему статья названа «Есть ли на свете педагогика?». Ведь беда книги А. Трофимова не только в том, что она на редкость плохо написана, уныло дидактична, непродуманна, *несовременна*, что ей отчетливо недостает душевного тепла и любви к детям (а как без этого писать о воспитании?). Беда еще и в другом. Представим себе, что эта книга попадает в руки человеку, который впервые потянулся к педагогическому чтению. Какую же предстанет перед ним педагогика? Он увидит, что состоит она из «правил» — частью полезных (но, право же, непригодных к слепому применению), частью же произвольных и надуманных: из банальностей, вроде: «Красивое исполнение танцев доставляет большое удовольствие молодежи. Неумелое исполнение танцев такого удовольствия не доставляет»; из набора достаточно случайных сведений других наук; из постыжных примеров. И скажет: да полно, нужно ли мне все это? Что верно, то я и сам мог сообразить, а остальное... Да и есть ли она вообще — педагогика?

Нет, дорогой читатель, педагогика на свете есть. Возьми с библиотечной полки хотя бы «Письма о воспитании» Шелгунова; возьми Ушинского; «Семейное воспитание ребенка и его значение» Лесгафта; возьми Макаренко... Да и в том, что издается сегодня, найдется немало книг, в которых есть и точные знания о ребенке, и живая мысль, и доступность изложения. Но даже если б на одних только здравых житейских соображениях основывалась книга А. Трофимова, мы и то бы не решились говорить о ней осудительно. В конце концов, и обычные наблюдения за жизнью семьи, если только глаз наблюдателя внимателен и зорок, могут дать совсем немало. Но в том-то беда, что и подлинный жизненный материал в пересказе автора блекнет и мертвеет до неузнаваемости... Книга, в сущности, так же далека от реальной жизни семьи, как и от подлинной науки воспитания. И мысли, которые возникают при ее чтении, — это, увы, мысли лишь печальные...

В. РЫБАКОВ

И. Губерман. Чудеса и трагедии черного ящика. Рисунки Б. Кыштымова. М., «Детская литература», 1969.

Таинство человеческой психики, механизм работы мозга всегда волновали врачей, ученых. Но в наши дни наука о мозге переживает свое второе рождение. Потому что только сейчас экспериментаторы, вооружившись радиотехникой, электроникой, смогли проникнуть в таинственный «черный ящик». Все, что было достигнуто в этой области раньше, легло в фундамент современной науки о мозге.

Но пока ящик остается все-таки черным, потому что объяснить и понять телепатию, «чудеса» йогов, рождение гениев, случаи ясновидения и, наконец, состояние мозга психически больного человека ни врачи, ни ученые пока не могут.

Обо всем этом интересно рассказано в книге И. Губермана «Чудеса и трагедии черного ящика».

Оказывается, чем совершеннее живое существо, «тем меньшее количество наследственных программ оно получает при рождении». Только что появившийся на свет птенец больше приспособлен к жизни, чем человеческий младенец. Память новорожденного ребенка — «почти чистый лист», но зато именно человек наделен огром-

ными потенциальными возможностями: любознательностью, умением учиться, узнавать, накапливать чрезвычайно обширную и разнообразную информацию.

А проблема воспитания способностей... Каким образом появляются на свет одаренные люди? Почему время от времени рождаются гении? А нельзя ли воспитать одаренного человека? И как рассмотреть, не пропустить одаренного ребенка? Все перечисленные вопросы имеют прямое отношение и к семейному и к школьному воспитанию. К сожалению, до сих пор многие педагоги и родители самым главным в своих питомцах считают умение хорошо усваивать и запоминать учебный материал. Как часто в суматохе повседневности забываем мы об индивидуальности своих питомцев, о том, что некоторые «отклонения от нормы» могут быть проявлением еще не выявленной одаренности. И от ума, такта, умения воспитателей может зависеть судьба человека.

В короткой рецензии невозможно даже бегло представить огромный запас информации, содержащейся на страницах книги.

Прочитать яркие, познавательные публицистические очерки о человеческом мозге полезно всем. Они подталкивают неожиданные решения, заставляют пересмотреть устоявшиеся представления. А без всего этого немислим настоящий педагог, воспитатель...

Г. Патынская

Недавно выпущено...

Бианки В. Лесные были и небылицы. Рис. В. Курдова, И. Ризнича и Е. Чарушина. Л., Лениздат, 1969. 461 с. с илл. 100 000 экз. 95 к.

Гельфан Е. М. и Рябинин Б. С. Игры и упражнения для маленьких и больших. Воспитание детей в игре. М., «Просвещение», 1969. 104 с. с илл. 100 000 экз. 14 к.

Гуров Е. и Черепанов Ю. Сто веселых картинок из истории Москвы. М., «Моск. рабочий», 1969. 118 с. с илл. 50 000 экз. 67 к.

Монтегю А. Мир фильма. Путеводитель по кино. Пер. с англ. Под ред. Я. Блюмберга. Вступит.

статья Г. Козинцева. Л., «Искусство», 1969. 279 с. с илл. 22 000 экз. 1 р. 37 к.

Надеждина Н. Каждой былинке брат. Рис. Г. Никольского и Ю. Молоканова. М., «Дет. лит.», 1969. 176 с. с илл. 100 000 экз. 38 к. (Для начальной школы).

Португалов К. П. Музыка и дети. М., «Знание», 1969. 80 с. 80 000 экз. 15 к.

Приходько П. Г. Тропой науки. Советы молодому исследователю. Изд. 3-е, перераб. М., «Знание», 1969. 118 с. 34 000 экз. 21 к.

Старостин Н. П. Звезды большого футбола. Изд. 3-е, испр. и

доп. М., «Физкультура и спорт», 1969. 334 с. 50 000 экз. 66 к.

Успенский Л. Загадки топонимики. М., «Мол. гвардия», 1969. 269 с. с илл. 1 л. илл. 65 000 экз. 61 к. (Топонимика — наука, изучающая происхождение географических названий).

Шаров А. Мальчик Одуванчик и три ключика. Сказки. Рис. Н. Гольц. М., «Дет. лит.», 1969. 128 с. с илл. 100 000 экз. 40 к. (Для детей младшего школьного возраста).

Шим Э. Вая песенки поет. Рассказы и повесть. М., «Сов. Россия», 1969. 272 с. с илл. 50 000 экз. 62 к.

«НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» № 1, 1970

Растущая интенсивность общения людей между собой предполагает когда-нибудь появление специальной науки о человеческом общении. Польский ученый З. Мысляковский считает, что науке этой предстоит исследовать «законы управления личными контактами людей, их взаимным влиянием друг на друга». Ученые подчитали, что в настоящее время в течение года человек вступает в 10 млн. контактов с людьми и вещами. От того, на каком уровне воспитанности происходит общение с людьми, зависит многое, и прежде всего настроение.

Б. Бушелева, автор статьи «О воспитании культуры поведения школьников», определяет воспитанность как «способность и привычку человека оформлять все свои действия в соответствии с требованиями разумности, нравственности, эстетики, с учетом общепринятых традиций». Автор считает, что у детей необходимо выработать представление о красоте человеческой личности; культуру поведения и общения с людьми на основе развития необходимых для этого моральных качеств; представление об эстетике быта; умение разумно организовывать досуг. О том, как и какие беседы с детьми проводить в связи с этим, и рассказывает статья.

«ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ» № 6 (НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ), 1969

Следует ли планировать каникулы и придумывать занятия для ребят? Непременен! Слишком мало порой знают ребята, слишком несамостоятельны они или просто недостаточно взрослые, чтобы суметь интересно и разумно организовать свой отдых. А придумать можно много.

С. Шмаков, автор статьи «Кани-

кулы!», вспоминает, как проходили каникулы в школе, где он работал, какие придумывали учителя и сами ребята состязания, турниры, маскарадные вечера, олимпиады, походы, экскурсии...

«НАУКА И РЕЛИГИЯ» № 1, 1970

«Ночь засветила яркие звезды над древней Александрией. Город утих. И лишь у мраморных колонн храма толпились люди. Вот двери медленно отворились. Жрец, опустившись на колени, зажег священный огонь на алтаре. Пламя, разгораясь, освещало мрачные лица богов, их простертые над огнем руки, сжимающие чаши. Где-то чуть слышен был хор жрецов. Постепенно голоса усиливались, наполняя храм. И в эту минуту произошло чудо: из чаши, которую статуи богов держали над священным огнем, стали медленно капать капли масла. Попадая в пламя, они еще сильнее заставляли плясать языки огня, казалось, сами всемогущие боги раздувают святое пламя. Пораженные люди пали ниц».

Через тысячелетия донеслись до нас слухи о происходивших в Александрийском храме чудесах. Объяснение им было обнаружено в книге Герона Александрийского, знаменитого ученого древности. Объяснение ученого — самое что ни на есть современное: автоматика. О первых автоматических системах древности и их использовании рассказывает статья Л. Лифшица и Б. Стрельцова «Чудо в храме».

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» № 1, 1970

«Поколения разные — один мир народной жизни» — под таким заголовком публикуется обширный обзор художественной прозы для детей среднего и старшего школьного возраста за 1969 год.

«У каждого поколения детей есть свое лицо, — пишет автор обзора В. Акимов. — Сегодня и писатели, и педагоги, и социологи внимательно изучают облик своих юных современников. Нынешний подросток значительно отличается от своего сверстника даже сравнительно недавнего послевоенного времени. Связи его сознания, внутреннего мира с процессами, происходящими в жизни всего общества, становятся более тонкими и сложными, в них меньше той непосредственности, какой отличалось детство их отцов».

Но растущая личность не может не испытывать потребности в осознании своего единства со всем миром народной жизни, к какому бы поколению оно ни принадлежало. Понять новое поколение и помочь ему установить такие надежные и действенные связи с нашим сегодняшним сложным миром — это и есть главная задача той части детской литературы, которая обращена к уму, чувству и жизненному опыту подростка».

С этих-то позиций и оглядывает обозреватель то, что «случилось» в детской литературе за минувший год. Подробно рассматривает книги, посвященные неиссякаемой военной теме, произведения исторического склада, рассказывающие о жизни нашего народа в 20—30-е годы, новые книги о советской школе и некоторые отдельные замечательные вещи, которые трудно расставить по рубрикам, — например, вышедшую в Перми автобиографическую повесть о детстве «Последний поклон» Виктора Астафьева — «превосходное и насыщающее душу чтение для детей и для взрослых».

Естественно, что в преддверии Ленинского юбилея В. Акимов специально останавливается на новых книгах об Ильиче. Он отмечает работу М. Прилежаевой над первым в детской литературе опытом биографии Ленина для младшего и среднего возраста, сборник, подготовленный ленинградскими писателями, — 20 новелл о Ленине, где все произведения увидят свет впервые, и другие книги.

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЙ „ЧАС ПИК“

(«Кобета и жице», Польша)

По данным польских социологов, примерно половина учащейся молодежи бывает в кино раз в неделю, 13 процентов — чаще. Сами по себе эти цифры еще не причина для волнений. Достаточно сравнить их с результатами обследования, проведенного, например, в Вене, которым было охвачено 25 тысяч учащихся. Обследование показало, что там гораздо отчетливее проявляется «киномания»: 15—20 посещений кино в месяц — совсем не редкость, особенно среди юношей.

Настораживает другое. Примерно 70 процентов из тех, кому был задан вопрос: «Хотел бы ты чаще посещать кино?» — ответили утвердительно. Причем — и это самое печальное — в большинстве случаев речь шла именно о количестве посещений, а ни о чем другом. Одни, бывающие в кино раз в месяц, мечтают о том, чтобы увеличить число посещений до «хотя бы раз в неделю». Те, кому это удается, стремятся попасть в кино дважды в неделю, а то и три-четыре раза. И совсем уж «ненасытны» юноши и девушки, которые смотрят по нескольку фильмов в неделю. У этих свои взгляды: «ежедневно», «хочу видеть все фильмы».

На вопрос о том, что препятствует осуществлению желаний, в основном приводятся две причины: нехватка времени и денег («Учите-

ля замучили уроками», «Некогда», «Билеты слишком дороги», «Родители не дают денег»). Школьники, живущие в интернатах, ссылаются также на строгий распорядок. У остальных почти не встречается и намек на какой-либо запрет. Было бы время да деньги! И... И статистика посещений кинотеатров выглядела бы, пожалуй, совершенно иначе.

Однако среди польской учащейся молодежи есть, конечно, и такие (к сожалению, лишь около 25 процентов), для кого посещение кино носит иной характер. Такие высказывания, как: «Люблю смотреть настоящему хорошие фильмы», «Увиденное на экране хочется обдумать» и т. д., — обычно сочетаются с утверждением, что бывать в кино раз в неделю вполне достаточно, так как иначе «все перепуталось бы», «не осталось бы времени на учебу». Так отвечают юноши и девушки, сумевшие выработать свое собственное мнение, которые не просто ходят в кино, а видят в этом что-то важное и полезное для себя. Как правило, такое отношение складывается под влиянием семьи, где удалось привить подростку глубокие и разнообразные интересы, пробудить в нем серьезные духовные запросы.

Для остальных мир кино, о котором они тоскуют как о награде, куда бегут от будничной повседневности, оборачивается своей не самой

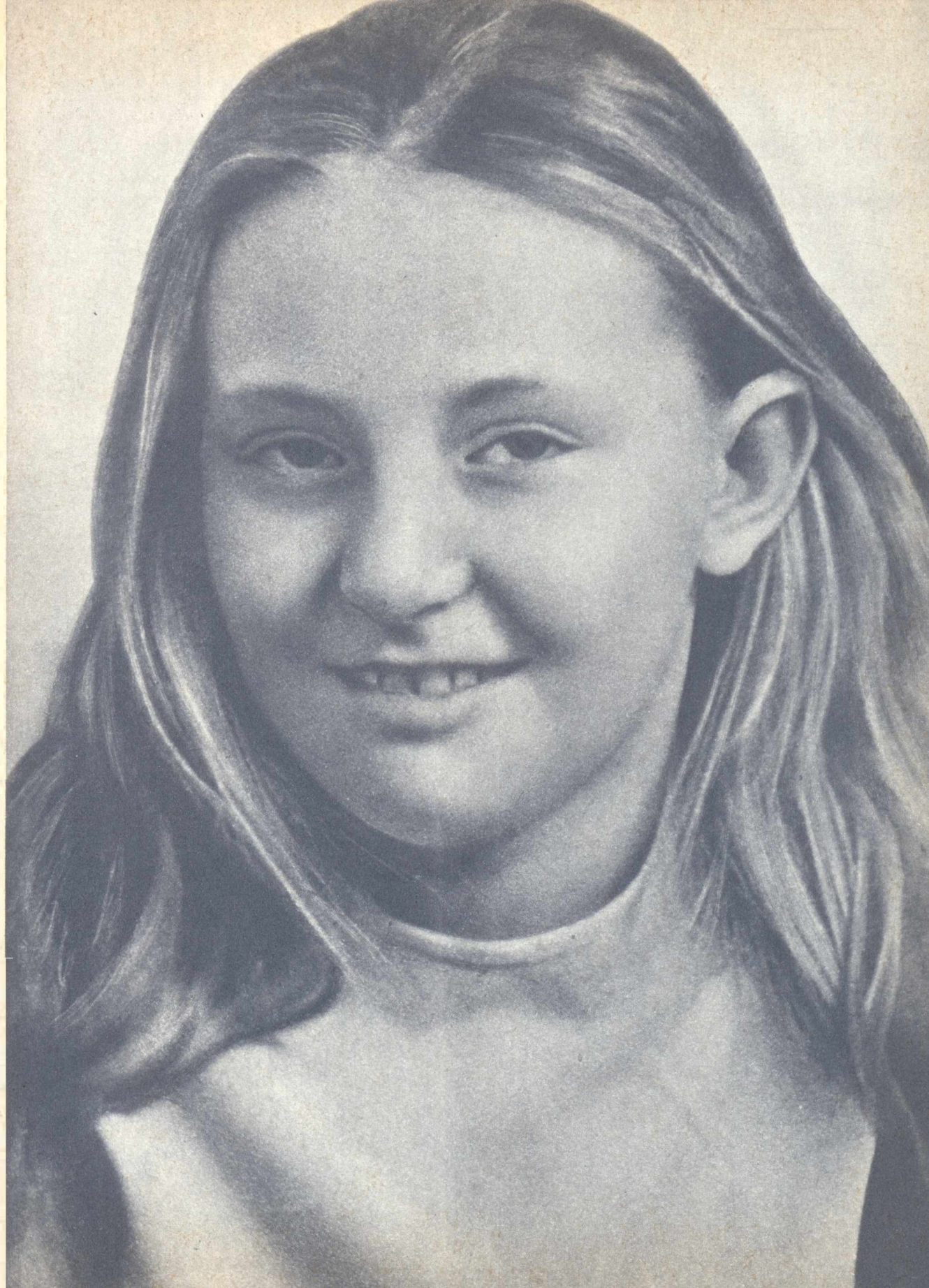
лучшей стороной. Лишь привычка бездумно провести полтора-два часа лишь развлечение...

А могло быть иначе. Анализ статистических данных показывает, что наиболее частые посетители кинотеатров — это юноши и девушки 15—18 лет. Именно на этот возраст падает наиболее сильное увлечение кинофильмами, своеобразный кинематографический «час пик» в жизни человека. Потом, к двадцати годам, этот интерес обычно падает, сменяясь появлением иных интересов, иных стремлений. Какого характера? Пожалуй, не будет слишком большим преувеличением сказать, что это зависит в какой-то степени и от самого кино.

Что видит молодежь, когда в кинозале гаснет свет, а главное, как она видит происходящее на экране, не остается без последствий для развития и формирования личности молодого человека, он учится здесь чему-то, пусть несознательно, не отдавая себе отчета в этом, — как в детстве учился ходить и говорить.

«Так неужели мы, воспитатели, предоставим молодого человека в этот момент самому себе? — задает вопрос автор статьи. — Неужели ограничимся тем, что просто примем к сведению сообщение статистиков, открывших этот кинематографический «час пик», а мер не примем? Неужели не разгадаем еще одну загадку воспитания молодого поколения?»

П. Комаров (г. Пермь). ДЖОКОНДА?

Э. КАЛНЫНЬ. КРУТО К ВЕТРУ. 1962 г.

Э. ИЛТНЕР. ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ. 1960 г.

ЭДУАРД КАЛНЫНЬ И ЭДГАР ИЛТНЕР

Народный художник Латвийской ССР член-корреспондент Академии художеств СССР Эдуард Фридрихович Калнынь родился в 1904 году, в 30-е годы закончил Латвийскую академию художеств.

В 1945 году Э. Калнынь пишет картину «Новые паруса», ставшую этапной в развитии искусства Латвии. Образы рыбаков, изображенных в ней, монументальны и значительны. Белый парус в их грубых, темных руках выглядит как символ новой жизни. Облик рыбаков правдив, не приукрашен. Позы спокойны, движения неторопливы и размеренны. Люди целеустремленно заняты большим и важным делом. В них чувствуется могучая сила. Четкие и глубоко психологические характеристики тружеников моря, сочны и звучны краски этого полотна.

Э. Калнынь и великолепный пейзажист. Море — главная тема его пейзажей. Он прекрасно чувствует ритм волн, умеет передать влажный воздух и далекий горизонт, где вода сливается с небом.

Одни работы Э. Калныня лиричны, проникнуты тонким пониманием красоты морского пейзажа, в других — суровая романтика, мужественная борьба человека со стихией. Нередко Э. Калнынь соединяет пейзаж с

жанровым сюжетом, тем самым как бы подчеркивая связь человека и природы. Таковы его картины «Маневры Балтийского флота» (1948), «Седьмая Балтийская регата» (1952), «Бурное утро» (1955), «Круто к ветру» (1962).

В картине «Латышские рыбаки в Атлантике» — накренившееся судно среди разбушевавшейся морской стихии и люди, вступающие с ней в единоборство. Художник в романтических тонах изображает труд рыбаков, показывает его как ежедневный подвиг.

Заслуженный деятель искусств Латвийской ССР художник Эдгар Карлович Илтнер родился в 1925 году. Его картина «Мужья возвращаются» (1957), представленная на выставке, посвященной 40-летию Великой Октябрьской революции, сразу же обратила на себя внимание. Объясняется это тем, что работа Илтнера знаменовала собой новый подход к решению современной темы. В картине нет развернутого повествования. Нет ни моря, ни рыбацких лодок. Она построена так, что все внимание зрителя привлечено к словно оцепеневшим фигурам женщин на пустынном берегу. Они стоят, напряженно всматриваясь в даль. Сюжет картины прост, будничен. Но худож-

ник заставил нас увидеть в нем духовную тревогу. Свинцово-серый колорит еще больше усиливает настроение тревожного ожидания. Это рассказ о людях, об их суровой, порой полной настоящего драматизма жизни.

Картины Илтнера всегда глубоки, интересны по мысли. В его работе «Парни одной лодки» раскрывается сложность человеческих взаимоотношений, в которых чувствуется общность и отчужденность одновременно.

В 1960 году за полотна «Твердые руки» и «Хозяева земли» Э. Илтнеру была присуждена Государственная премия Латвийской ССР.

Хозяева земли — трудовые люди Латвии, рыбаки, рабочие. Различные по возрасту, характеру, они воплощают тип латышского труженика, их объединяет движение к единой цели, уверенное, спокойное. Мы как будто слышим мерный ритм шагов. Они проходят на фоне пейзажа с холмами, озерами, городами, символизирующего образ Латвии. Люди на первом плане занимают всю высоту холста. Это делает их особенно величественными, и все изображение приобретает монументально-эпический характер.

И. РОЛЬНИК

ТИГР-ДУРАК

РАССКАЗ

Целый день пятый «А» заносился перед пятым «Б»: «А к нам поэт придет!..»

И вот поэт пришел.

Не приглашенный на встречу пятый «Б» пустил слух, что поэт пришел по блату. В пятом «А» учится Кирилл Стручков, внук председателя родительского комитета Тимофея Ильича Стручкова. Родная сестра Тимофея Ильича замужем за одним главным инженером, племянница которого работает в Союзе писателей бухгалтером. Пригласить любого известного поэта ей ничего не стоит. Тем более — неизвестного.

Наш поэт был высокий, черный и малоизвестный. Читая стихи, он раскачивался с носков на пятки — школьная привычка — и порой грустно улыбался, что означало: дальше будет смешней. Вообще поэт был довольно веселый. Один раз пятый «А» даже расхохотался.

Вел встречу сам Тимофей Ильич

Стручков, на лице которого морщины образовали две большие круглые скобки. В скобки был заключен остренький и сухонький нос Тимофея Ильича, короткие стриженные усики и энергичный прямой рот, похожий на знак минус.

Тимофей Ильич в коверкотовом костюме торжественно сидел в центре учительского стола, отеснив на угол классную — Зою Львовну. Поэта Тимофей Ильич называл не иначе, как «наш замечательный поэт».

Поэт читал стихи, отвечал на вопросы, снова читал. Вопросы были, например, такие: «У вас все короткие стихи, а длинные вы сочиняете?», «В каком возрасте лучше начинать писать стихи?», «А родители вам не мешали заниматься поэзией?» И наконец: «А вы что, сначала рифмы сочиняете или идею?»

Последний вопрос почему-то вызвал веселое оживление, но относилось оно, как понял поэт, не столько к самому

вопросу, сколько к тому, кто задал его. Это был худощавый лохматый мальчик с очень серьезными серыми глазами, которые, не мигая, смотрели на поэта. Со всех концов понеслось: «Тигр-дурак! Тигр-дурак!..» Мальчик терпеливо ждал ответа.

— Видишь ли, — промямлил поэт, чувствуя неловкость оттого, что мальчик стоит под градом насмешек, — видишь ли... Как когда... Когда так, когда этак... — и окончательно поняв, что не сможет сейчас объяснить доходчиво эту поэтическую тонкость, поэт сказал: — Но главное — образ. Понимаешь, образ!.. — и он сделал над головой этакое круговое движение.

Мальчик смотрел все так же серьезно, сдвинув брови, и, как видно, честно пытался понять. Потом сел, вежливо кивнув.

Поэт чувствовал: все устали, а сам он вроде бы охрип.

— Сейчас я прочту вам еще один, последний стих, — сказал он. — Я посвятил его пионерам Башкирии. Они собрали столько лома, что из него построили целый тепловоз и вагоны. Я сам видел этот поезд и ехал на нем из Уфы в Москву...

Читая, поэт увлекся ритмом и стал отстукивать его легонько ногой. Это действовало на слушателей гипнотически. Они тоже отбивали ритм — кто карандашом, кто линейкой, а кто и рукой по спине соседа...

Поэт кончил. Хлопали ему громко. А когда устали, над столом навис Тимофей Ильич и с необычной для своего возраста живостью сказал такую речь:

— Наш!.. замечательный!.. поэт!.. прочел!.. замечательное!.. стихотворение!.. Призываю!.. откликнуться!.. собрать!.. на трактор!..

После каждого слова Тимофей Ильич ставил восклицательный знак и забивал его сухим своим кулачком, точно колышек. Выставив вперед острый подбородок, вытянув ладонь лодочкой, он закончил:

— Ну? Соберем?..

Сначала чей-то робкий голос чуть слышно произнес: «Соберем...» Потом другой, озорной: «Собер-рем!» А после уж, вскакивая с мест, стараясь перекрыть друг друга и нажимая на букву «р», вразброд: «Собер-р-ем... собер-р-ем... собер-р-рем!»

Тимофей Ильич порозовел, знак минус на его лице потерял классические очертания и стал похож на знак бесконечности.

— Ответим на замечательное стихотворение! Соберем на два трактора! Кто за?..

Все тянули руки, многие даже две. — Ну что? — задорно крикнул Тимофей Ильич. — Видал наших?!

Поэт готов был сквозь землю провалиться. Он чувствовал себя соучаст-

ником, нет — первопричиной этой дурной концовки встречи. Ему было стыдно за себя, за Тимофея Ильича, за стихи... Вспоминая, как по-мальчишески он скандировал их, поэт медленно краснел. «Надо бы прекратить все это, — с раздражением думал он, — да еще обидишь этого старика при детях, он с обидой домой уйдет, а там заболит...»

Итак, проголосовали. И тут же об этом забыли. Пятый «А» забыл, Тимофей Ильич забыл, и классная Зоя Львовна, которая на первый раз терпит исцеление и бесплодные порывы Тимофея Ильича, тоже забыла.

Все забыли, кроме двух человек. Не забыл Толя Суриков по прозвищу Тигр-дурани. И наш поэт, который покинул школу в дурном настроении.

Через день волею случая поэт снова оказался на той же самой улице.

Поэт шел, рассеянно глядя по сторонам и толкая прохожих, которые не обижались на него, видя, что человек погружен в свои мысли и не имеет дурных намерений.

В поле его зрения попал мальчик. Мальчик вез посреди тротуара детскую коляску, полную железного лома. Коляска под тяжестью лома прогибалась, скрипела, колеса ее продавливали пугающие восьмерки. Коляска испытывала перегрузки. Мальчик тоже. Он часто останавливался, отирал пот со лба и снова толкал коляску. «Помочь бы», — подумал наш поэт, но как раз в эту минуту подбирал рифму к слову «провод» и о том, чтобы помочь мальчику, подумал вскользь, между прочим. В следующую минуту мальчик был уже не один — рядом с ним за ручку коляски ухватилась старушонка в пестром плаще, и коляска повлеклась дальше с еще большим скрипом и скрежетом. «Как-то неудобно, — думал наш поэт, — старушка...» Поэт ускорил шаги.

— Давайте, мамаша...

Он мягко и вместе с тем решительно отстранил старушку и тогда только встретился глазами с мальчиком. У нашего поэта была хорошая зрительная память. Он узнал мальчика. Мальчик тоже узнал поэта, сказал «здрассе», покраснел. Поэт ободряюще кивнул:

— Ну, показывай, куда...

Коляска тронулась с места.

— Чего ж ты один-то? — спросил поэт неестественно бодрым и противным самому себе голосом.

— А никто не захотел, вот я и один.

Поэт сносил глаза. Лицо у мальчика было спокойное, без тени обиды. Смотрел он серьезно и прямо. Поэт вдруг испугался мальчика, рядом с которым казался себе непростительно легкомысленным.

Люди расступались перед ними, провожали их взглядами, одна де-

вушка иронически улыбнулась. «Тыфу, черт, — ругал себя поэт, — глупость какая-то, филантроп несчастный...»

— И много ты уже...?

— Две коляски. Это третья. Еще одну прикачу, если колеса выдержат.

— Так один и будешь возить? — поэт поймал себя на том, что задал вопрос с подковыркой, что придирается к мальчику, ищет в нем слабую струну. И тон вызывающий и намеренный: чтобы этот Тигр-дурани никаких иллюзий не питал — поэт сейчас же уходит, у него дела...

Мальчик не удостоил его ответа. Вместо этого он кивнул на ближайшую подворотню.

В школьном дворе ребята играли в футбол. Услышав скрежет коляски, они на мгновение оторвались от игры и закричали:

— Тигр-дурани приехал! Тигр-дурани!..

Поэта, слава богу, не узнали. А он даже вспотел от волнения.

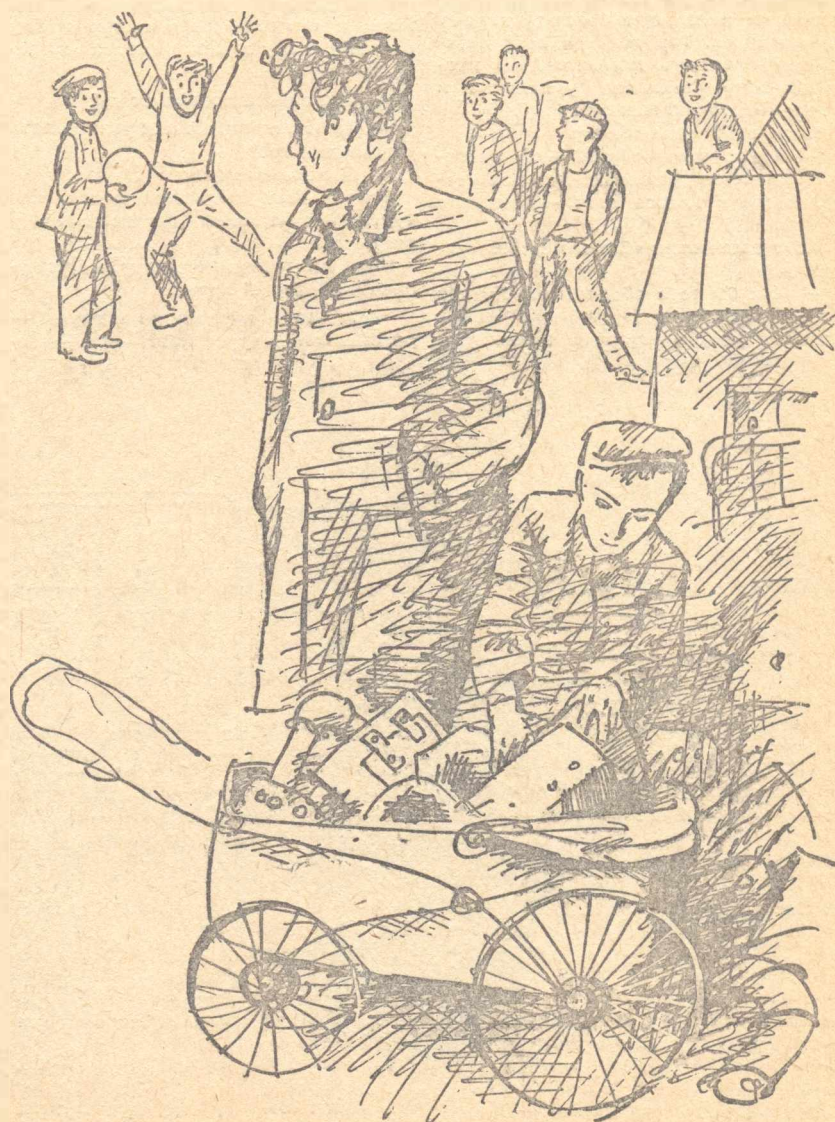
Мальчик, не обращая внимания на крики, выгрузил лом около ночегаки, сказал «спасибо» и снова взялся за ручку.

— Не стоит, не за что... — пробормотал поэт и в тревожном смятении чувств поплелся вслед за мальчиком.

Они вышли на улицу.

— Послушай, — сказал поэт и попытался придать своему голосу оттенок добродушного юмора, — чего это они тебя так величают?

— А-а... Ерунда. Я один раз отвечал по географии, меня Нинушка спрашивает: «Какие звери водятся в тундре?» — а Кирька Стручков подсказывает: «Тигр!» Я на него: «Ду-

рак!» Вот и получился тигр-дурак. Да они не со зла, просто так...

Наш поэт попробовал представить себя на месте мальчика и покачал головой.

— А ты бы по уху.

Мальчик поглядел на поэта с сожалением, как смотрят на людей, чего-то упорно не понимающих.

— Они не со зла, — повторил мальчик.

Свернули в переулочек, еще в один. Открылись развалины дома.

— Гостиницу будут строить, «Космос»... Здесь полно железа, на пять тракторов хватит...

— Давай отдохнем, — сказал поэт.

Поэт курил и смотрел на мальчика. Мальчик молчал, сидя на ржавой батарее парового отопления, свесив меж колен грязные руки. Поэт поежился. Его отношение к мальчику было противоречивым. До той границы, до которой он понимал мальчика, тот ему не нравился. Там же, где поэт переставал понимать мальчика, он нравился ему, вызывая удивление и даже — смутную зависть.

Мальчик поднял голову.

— А что это — образ? — он повторил то самое движение, которое сделал тогда в классе поэт, — покрутил рукой.

Поэт засмеялся: «Символ моего бессилия...»

— Как бы тебе объяснить... Ну вот Лермонтов. Белеет парус одинокий... Человек увидел парус, и нахлынули

разные чувства. Один... Одиночество... Что ищет он? Тщетность поисков... Удивление, преклонение перед подвигом одиночки... Обреченность его. Увы, он счастья не ищет... Грозное предчувствие борьбы и гибели. А он, мятельный, ищет бури... Да много еще всего. Образ — это больше, шире слов. То, что стоит за словами...

Помолчали.

— Непонятно, да?

— Нет, теперь понятно, — сказал мальчик, — а вы во сне стихи сочиняете?

— Бывает. Что толку! Проснешься — все забыл. Недавно приснилось: иду по стене, как муха; держусь за гвоздики, за изоляторы, антенну... И декламирую! Длинное что-то... Проснулся — две строчки в голове: иду, касаясь носом плоскости стены...

— Плоскости стены... — в той же интонации повторил мальчик. — Я вот тоже, в прошлом году целую поэму сочинил, такую складную, а оналась — во сне...

— Пишешь? Стихи пишешь?

— Да нет, я так... А как узнать, есть талант или нет?

— О! Ишь чего захотел...

Вопрос был неприятен поэту, как будто несказанным осталось: «А у вас?»

Они нагрузили коляску и двинулись в обратный путь.

— Это ведь неправильно, глупо! — распалился вдруг поэт. — Ты рабо-

таешь — они в футбол. А другие дома сидят, книжки читают...

— Я тоже скоро пойду в футбол, — спокойно ответил мальчик, — я в защите...

«Нет, он просто чокнутый, у него чего-то не хзает, самых элементарных чувств — обиды, злости, самолюбия... Ну, сейчас я этому устрою! — поэт подумал худо про Тимофея Ильича. — Сейчас я ему покажу!..»

Около школы мальчик сказал:

— Спасибо, теперь я сам. Приходите еще. До свидания.

Поэт узнал в школе адрес Тимофея Ильича и минут через десять звонил у двери. Открыл ему сам Тимофей Ильич в пижаме и очках, которых тогда, в школе, поэт у него не приметил.

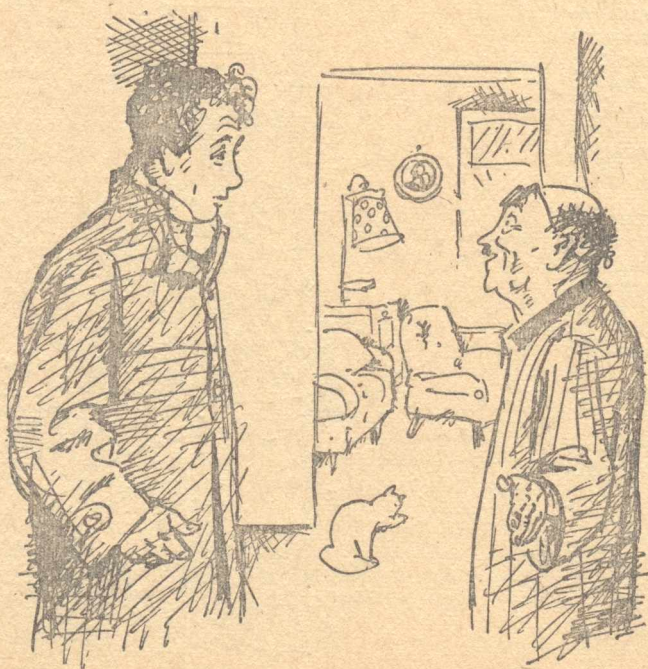
Разговор между поэтом и Тимофеем Ильичем был кратким, нервным и сбивчивым. Поэт разом потерял все логические доводы и ясные умные слова, которые приготовил по дороге, и только резко выкрикивал:

— Несерьезно! Кание тракторы? Один за всех... Тигр-дурак... Демагогия...

Тимофеем Ильичем сначала строго молчал. Повернувшись к поэту правым ухом, прислушивался. Вспомнив наконец некоторые факты двухдневной давности, расплылся в благодушной улыбке:

— Переизбрали меня, голубчик. Вчера. Я уже не председатель. Так что прошу... Милости прошу...

Рисунки Г. Калиновского

Занятие 6

ДВОЙНОЙ УДАР

Двойным ударом называется одновременное нападение на две фигуры противника.

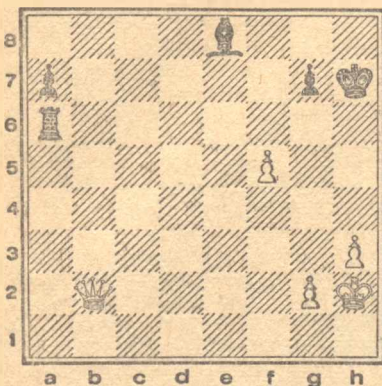

Диаграмма 1

В положении диаграммы 1 белые играют 1. Фb2—e2. Двойной удар! Ферзь напал сразу на ладью и на слона, и гибель одной из этих фигур неизбежна.

Посмотрим, как осуществляют двойной удар другие фигуры. (Условно ставим на доску лишь фигуры, участвующие в ударе).

Двойной удар ладьи — белые: Лb6; черные: Сe8, Кe3; ход — 1. Ле6; белые: Ле2; черные: пп. b7, f7; ход — 1. Ле7.

Двойной удар слона — белые: Сb5; черные: Ла8, Ке4; ход — 1. Сс6.

Двойной удар коня — белые: Ке5; черные: Фd8, Лh8; ход — 1. Кf7. Двойной удар коня, как и двойной удар пешки, называется вилкой.

Двойной удар пешки — белые: п. f2; черные: Ле5, Кq5; ход — 1. f4.

Двойной удар короля — белые: Кrh3; черные: Сq1, Кf3; ход — 1. Кrq2.

Бывает ли возможно отразить двойной удар? Да. Вот несколько способов:

а) Уйти одной из подвергшихся нападению фигур так, чтобы она защитила вторую. Белые: Лf1; черные: Сq4, Кс4. Белые осуществляют двойной удар — 1. Лf4. Как черным спасти свои фигуры? Кажутся пригодными четыре хода —

1...Кe3, 1...Кe5, 1...Сe2, 1...Сe6. Однако правильны лишь ходы слона, а, скажем, на ход 1...Кe3 последует 2. Ле4 — снова двойной удар, но уже неотразимый.

б) Уйти одной из подвергшихся нападению фигур так, чтобы, в свою очередь, напасть на вражескую фигуру. Белые: Сf4, Кb4; черные: Лd4, Ка3. Двойной удар ладьи обезвреживается ходом 1. Сс1.

в) Уйти одной из подвергшихся нападению фигур так, чтобы объявить шах неприятельскому королю. Белые: Са7, Ка3; черные: Кrh6, Ла5. Белые играют 1. Се3+, а потом вводят коня.

Встречаются и другие способы спасти оказавшиеся под двойным ударом фигуры.

Особенно важен случай, когда одной из подвергшихся двойному удару фигур является король. Такой удар отразить очень трудно: связывает обязанность избавиться от шаха. Белые: Крс3, Фа3; черные: Кrf7, Лq1. Следует двойной удар — 1. Фа7+, и черные должны уйти от шаха, а белые бьют ладью.

Тренировка. Покажите решающий двойной удар в позиции:

А) белые: Кrh4, Сh6, п. q4; черные: Кrq1, Лb6;

Б) белые: Крс2, Ла3, п. с4; черные: Крe6, Се1, q4;

В) белые: Кrb4, Ке2, п. с4; черные: Крe6, Фh5;

Г) белые: Кrq3, Кс2, п. с3, f3; черные: Крд5, Фb5;

Д) белые: Кrb4, Фа7, п. с3; черные: Кrf7, Ле7, Сq2, п. с6. Какой из двойных ударов (Фа2+ или Фf2+) надо предпочесть?

К двойному удару относятся и такие, где атакованные фигуры стоят на линии одна за другой — белые: Сd2; черные: Крд6, Фb8; ход — 1. Сf4+; белые: Ла2; черные: Крe5, Фh5; ход — 1. Ла5+.

Вот важные для игры примеры подобного двойного удара.

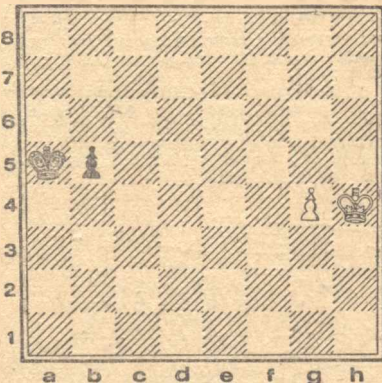

Диаграмма 2

Фигуры обеих сторон расположены симметрично, обе пешки одновременно проходят в ферзи. Ничья? Нет! Тот, чья очередь хода, успевает первым нанести двойной удар.

1. q5 b4 2. q6 b3 3. q7 b2 4. q8Ф b1Ф

5. Фа8+Кrb4 6. Фb8+, и черные теряют ферзя.

Белые: Кrq2, Ла8, п. а7; черные: Кrf6, Ла1.

Тут ход черных. Чтобы отразить угрозу — Лf8+ с последующим а8Ф, им надо королем встать на 7-ю линию. Но на какое поле? Кажется, что лучше всего на e7, приближаясь к пешке. Но ход Крe7 (как и Кrf7) был бы ошибкой: 1...Крe7? 2. Лh8! и черным нельзя играть 2...Л:а7 из-за двойного удара 3. Лh7+. Правильный ход черных — 1...Кrq7!, не допуская двойного удара белой ладьи.

Тренировка.

Е) Белые: Крс6, Сd8, Кс5, e3; черные: Крe5, Фb4, Сb2.

У черных материальное превосходство. Но им грозит двойной удар, выигрывающий ферзя (1. Кd3+). И несмотря на то что сейчас их ход, спасти ферзя не удастся. Проверьте это. Особо обратите внимание на ход 1...Фс3. Как тогда поймать ферзя?

Ж) Белые: Крд8, Ла7, с5; черные: Крд6, Лh1.

Эта старинная позиция известна более пяти столетий! У белых лишняя ладья. Но могут ли они выиграть? Ведь черные грозят не только Кр:с5, но и Лh8X. И все же выигрывает у белых есть, он основан на двойном ударе. Покажите его.

З) Белые: Кrh1, Фq2, Сh2, Кq5, пп. а4, с4; черные: Кrf8, Фd6, Лf7, пп. а7, с5, e5, h7.

Положение из партии Т. Петросян — В. Симагин. Так как ход 1. К:f7 позволил бы черным объявить вечный шах (Фd1+ и т. д.), то белые пошли 1. Фа8+ и после ответа Кrq7 выиграли серией красивых двойных ударов. Попробуйте найти их.

Разновидностью двойного удара является открытый шах.

Белые: Крe4, Лс1, Сс3; черные: Крс7, Фq5.

Могут ли белые нанести тут двойной удар? Да — 1. Сd2+! Слон открыл ладье линию для шаха (открытый шах), а сам напал на ферзя. Ферзь гибнет. (Но плохо было бы 1. Сf6+? из-за Ф:с1).

Тренировка.

Объявите выгодный открытый шах в позициях:

И) Белые: Крe4, Сf4, Ке5; черные: Крс7, Фq1;

К) Белые: Кrf6, Лb2, п. d2; черные: Крс5, Лq2.

СНЕЖИНКА

СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

ИГРЫ ХОККЕИСТОВ

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта СССР

ИГРА В ХОККЕЙ — ОДНА ИЗ САМЫХ МАССОВЫХ. СОВЕТСКИЕ ХОККЕИСТЫ, ЗАВОЕВАВШИЕ «ВСЕ ЗОЛОТО МИРА», ПРИВЛЕКЛИ СЕРДЦА МИЛЛИОНОВ МАЛЬЧИШЕК. НА ПРИЗ КЛУБА «ЗОЛОТАЯ ШАЙБА» СОРЕВНУЮТСЯ БОЛЕЕ ТРЕХ МИЛЛИОНОВ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ. ВЕЗДЕ МОЖНО УВИДЕТЬ РЕБЯТ, ГОНЯЮЩИХ КЛЮШКОЙ ШАЙБУ, МЯЧ, А ТО И ПРОСТО КОНСЕРВНУЮ БАНКУ. ОДНАКО МОЖНО ВЕСЬ ДЕНЬ ГОНЯТЬ ШАЙБУ И НЕ НАУЧИТЬСЯ ИГРАТЬ В ХОККЕЙ. ВОТ ПОЧЕМУ ТРЕНЕРЫ РЕКОМЕНДУЮТ ОТДЕЛЬНЫЕ ИГРЫ-СОСТЯЗАНИЯ, КОТОРЫЕ ПОМОГАЮТ ОВЛАДЕВАТЬ ИСКУССТВОМ БРОСКА И ВЕДЕНИЯ ШАЙБЫ.

СЕГОДНЯ МЫ ПОЗНАКОМИМ ЧЛЕНОВ НАШЕГО СПОРТИВНОГО КЛУБА С НЕКОТОРЫМИ ИГРАМИ.

Рисунки А. Орлова

ГОНКА ОМАРОВ

Омар, как и рак, пятится назад. Для хоккеистов умение скользить назад не менее важно, чем навык скользить вперед. Вся трудность заключается в том, что, катаясь назад, тяжело увлечь за собой шайбу. И вот

на тренировках хоккеистов заставляют вести клюшку за собой (рисунок 1).

Дистанция 30—50 метров. Дойдя до финишного флага, играющие его оглашают и продолжают гонку к линии старта, чтобы передать клюшку товарищу по команде. Гонка без шайбы не разрешается.

Рисунок 1

См. № 9—12 «Семьи и школы» за 1969 год.

ПРЕСС-ЭСТАФЕТА

При игре в хоккей побеждает та команда, где игроки умеют быстро, точно дать пас товарищу. Для тренировок рекомендуем провести эстафетное состязание, где в каждой команде четное число игроков. Одновременно начинается бег пара от каждой команды. У них клюшки. На ледяной площадке на дистанции 30—40 метров через каждые три-четыре метра поставлены столбики-чурки или булавки. Ширина каждой полосы не более пяти метров. Одновременно могут участвовать 2—3 и более команд.

По сигналу судьи от каждой команды начинают бег два спортсмена. Первый номер дает пас второму, причем шайба должна пройти мимо первого столбика. Второй — приняв пас, посылает шайбу начавшему игру, но уже минуя второй столбик, и т. д. (рисунок 2).

Если шайба пролетит мимо очередного столбика, ее посылают обратно, а затем продолжают бег в соответствии с правилами. Дойдя до конечного столбика, игроки возвращаются и передают клюшки следующей паре.

САЛКИ

Водящий должен осалить любого из убегающих с помощью шайбы, которую он гонит впереди себя. Гонять шайбу можно клюшкой или коньком. Убегая от преследования, игроки имеют право останавливаться, делать крутые повороты, подпрыгивать (рисунки 4).

БУЛЛИТЫ

Во время розыгрыша приза газеты «Пионерская правда» было оговорено, что если идет борьба равных по силе команд и в результате соревнований

Рисунок 3

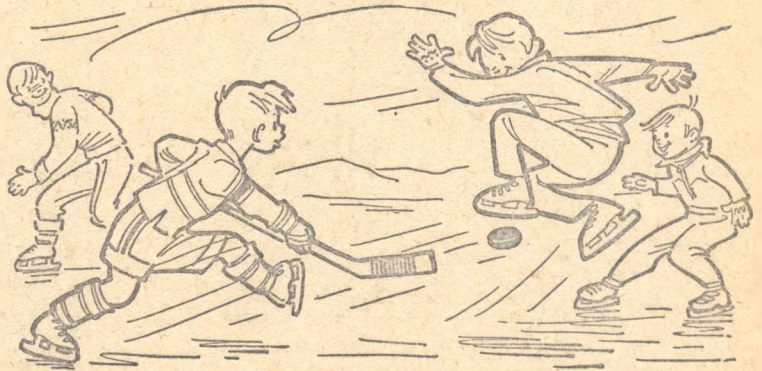

Рисунок 4

КРУГОВОЙ ХОККЕЙ

Участники игры становятся в круг примерно на расстоянии 1,5–2 метров друг от друга. В центре круга — водящий, у него шайба. Маневрируя ею, он бьет так, чтобы она проскочила мимо любого из игроков. Кто пропустит шайбу справа от себя, тот водит (рисунок 3).

Круг флажками можно разделить на десять-шестнадцать секторов. Тогда каждый из играющих будет выполнять обязанности вратаря. В большие сектора ставят по два вратаря.

вышедшие в финал команды добились ничейного счета, победителя решит не жребий, а число буллитов, в результате которых удастся забить голы.

«Буллит» — своеобразный поединок между игроком команды нападения и вратарем противника.

Шайбу ставят на расстоянии 10–12 метров от ворот, и нападающий получает право пробить пять буллитов. Бьющий имеет право пробить сразу или вести шайбу, чтобы сделать удар с более короткой дистанции или обвести вратаря. Этот прединнок продолжается до тех пор, пока вратарь не коснулся своей клюшкой шайбы (рисунок 5).

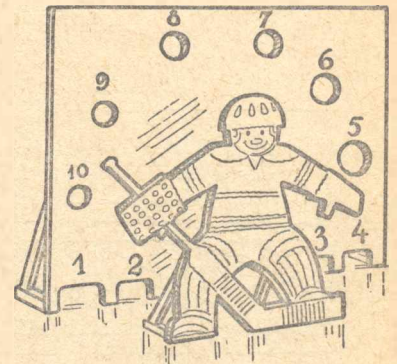

Рисунок 6

ТИР

Сзади вратаря устанавливается щит (рисунок 6). Вратарь тоже сделан из дерева. В одном случае достаточно пустить шайбу по льду, чтобы она проскочила через щели, в другом — бросить ее так, чтобы она прошла между вратарем и верхней штангой ворот.

Вначале играющие бьют с расстояния пяти метров, затем расстояние увеличивают до 7, 10 и даже 15 метров. Один из играющих выполняет обязанности защитника и не дает произвести меткий бросок. Над прорезями стоят цифры. Это количество очков, начисляемых за меткий удар.

Рисунок 5

КАЛЕЙДОСКОП

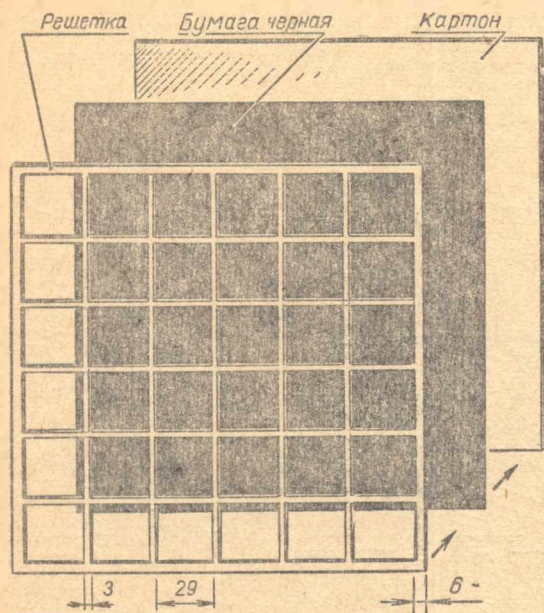

Рисунок 1

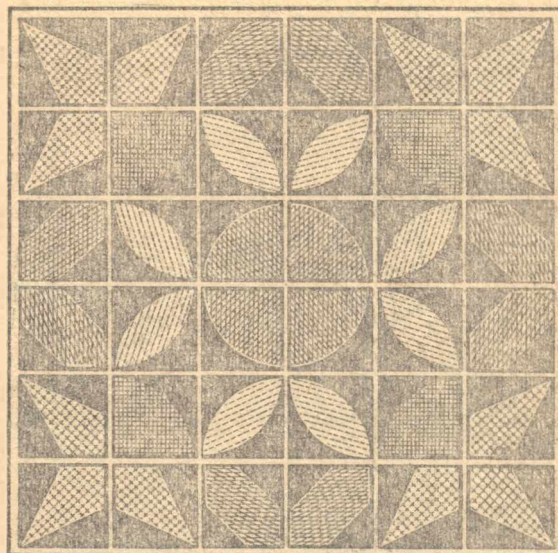
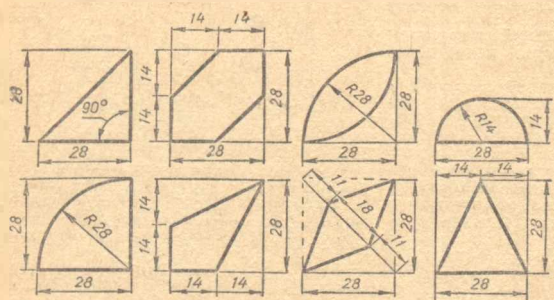

Рисунок 3

Количество	Цвет	Дополн. комбин. цветов
N 1 - 28	Синий - желтый	Белый - черный
N 2 - 20	Зеленый - красный	Коричневый - черный
N 3 - 20		
N 4 - 16		
N 5 - 16		
N 6 - 16		
N 7 - 16		
N 8 - 16		

Рисунок 2

Обзаведись стамеской, ножницами, кисточками, линейкой, треугольником, циркулем, карандашом, резиной, двухмиллиметровым картоном, цветной глянцевой бумагой, канцелярским клеем, чертежной бумагой.

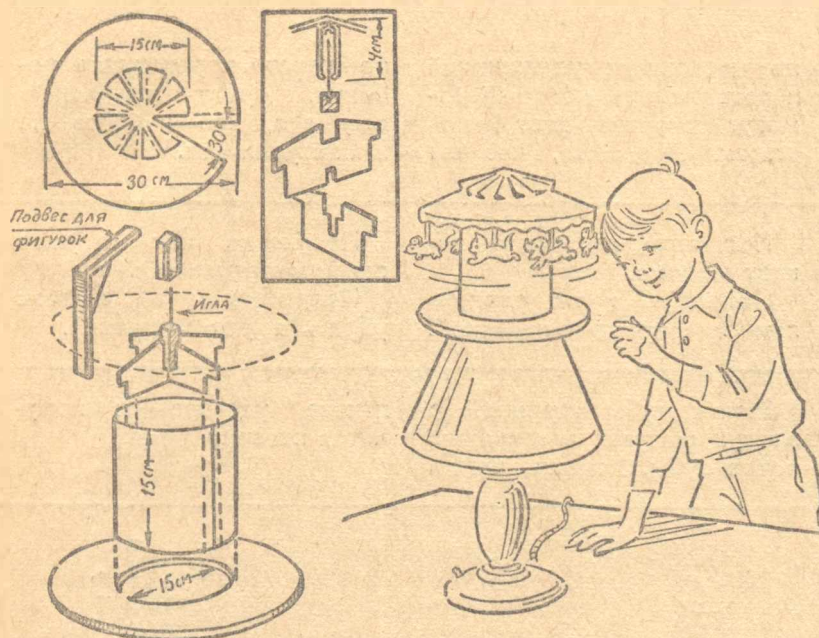
Возьмите из картона и вырежьте два квадрата размером 201×201 миллиметр. Один из них будет служить основанием игры, другой разделится на квадраты размером 29×29 миллиметров. Маленькие квадратики аккуратно вырежьте. Получится решетка (рисунок 1). Между основанием (первый большой квадрат) и решеткой положите лист черной бумаги и все склейте. Сушить игровое поле лучше под прессом.

Теперь можно изготовить геометрические фигурки (рисунок 2). Вырезают их из картона, а затем обклеивают цветной бумагой.

Раскладывая полученные фигурки на игровом поле, вы можете создать сотни вариантов различных орнаментов (рисунок 3). Наиболее удачные мы советуем зарисовывать в тетрадь.

И. МОРОЗОВ

КАРУСЕЛЬ

Из плотной бумаги (ватмана) склейте цилиндр 15×15 см. Затем закрепите его внутри фанерного или картонного круга (диаметр примерно 20 сантиметров). Наверх цилиндра надевается несложный механизм, вырезанный из плотной бумаги или миллиметровой фанеры. Механизм состоит из двух накрест соединяющихся крыльев, в центре вставлена пробка с иглой. На иглу надевается втулка.

Основа игрушки готова. Теперь из ватманской бумаги изготовьте тепловую турбину. Возьмите круг диаметром 30 сантиметров, в центре которого сделайте надрезы треугольной формы (две стороны прорежьте, третью отогните). К верхнему диску с помощью полос бумаги приклейте фигурки различных животных. Поставьте игрушку на настольную лампу, и карусель начнет вращаться.

Т. БСЫКИНА

Природа у нас дома

ЕЛОЧКИ

Уголок хвойного леса, его красоту и свежесть нетрудно создать и в комнате. Для выращивания хвойных растений подходят даже северные оины.

Очень красив кипарис. Выращивают его обычно из семян в январе-феврале. Семена высевают в промытый песок, насыпанный в ящик, или в смесь из листовой, хвойной земли и песка. Ящик полезно продезинфицировать раствором марганцовки. В песке проводят неглубокие бороздки на расстоянии одного сантиметра друг от

друга, в них кладут семена и засыпают неглубоким слоем песка. Посев закрывают стеклом, которое регулярно поднимают для проветривания и увлажнения песка.

Через месяц-полтора появятся всходы. Ящик выставляют на свет. Затем саженцы осторожно, не повреждая корешков, рассаживают в маленькие горшочки (диаметром 7 сантиметров), предварительно прокипяченные. Оберегайте саженцы от солнечного припека.

Кипарисы и другие комнатные хвойные растения полезно обильно опрыскивать теплой водой, иначе хвоя будет желтеть и подсыхать. Почва должна быть слегка влажной. Ее вредно как пересушивать, так и переувлажнять.

Земляную смесь для молодых растений составляют из листовой, хвойной земли и крупного речного песка (4:2:1), для взрослых — смесь дерновой, листовой земли и песка (4:2:1). На дне горшка устраивают хороший дренаж из речного песка, битых черепков и кусочков древесного угля.

Красиво выглядит в комнате кипарисовик. У него густая нежно-голубоватая хвоя. Крону легко можно формировать по собственному вкусу, прищипывая молодые веточки.

Комнатные хвойные растения зимой надо держать в прохладе, лучше всего при температуре 6—12 градусов тепла. Летом растения полезно выставлять на балкон или в сад, в полутень.

В обильных удобрительных подкормках хвойные растения не нуждаются. За лето проводят не более двух подкормок слабым раствором минеральных удобрений или навозной жижей. Пересаживают взрослые растения один раз в два года.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

ЕСЛИ Ш и Ж ПРОПАЛИ

Ваш ребенок не выговаривает звуки **Ш** и **Ж**? Посоветовавшись с методистами, предлагаем несколь-

ко несложных упражнений и веселых игр, которые помогут исправить этот недостаток. Надеемся, что вы

не станете перегружать ребенка, сразу предложив ему все, что найдете на этих страничках.

ПОМОЖЕТ ЯЗЫЧОК

Посмотри, как кошка лает молоко.

Попробуй и ты сделать язычок широко — лопаткой.

Посмотри, как лягушка заглатывает мошек.

Попробуй и ты язычок убрать в рот чашечкой.

**ГУБЫ И ЗУБЫ
ТОЖЕ ПОМОГУТ**

Вытяни губы воронкой, а воздух выпусти в щелочку, через зубы. Хочешь, чтобы

птичка улетела — и получится кш-ш-ш.

Ш и **Ж** — буквы-сестры, только характер у них разный: **Ш** — тихая (ее произ-

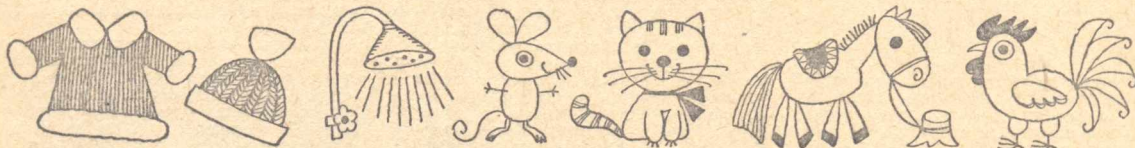
носят шепотом), а **Ж** — бойкая (ее произносят громко, звонко).

Как сердится молоко?

Как поет жук?

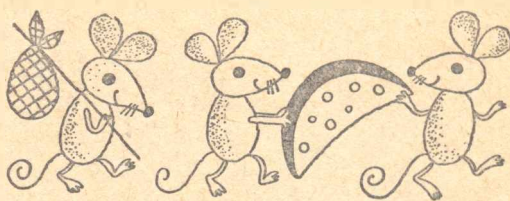
Чтобы не потерять букву **Ш**, назовем, что здесь нарисовано.

Шуба, шапка, душ, мышка, кошка, лошадь, петушок.

А теперь вспомним животных, птиц, насекомых, в названии которых встречается буква **Ж**.

ЗАГАДКА

Хвост длинен,
Сами крошки,
Боимся очень кошки.
Все под полом живем
И все туда несем:
Хлеб, сало, даже ватку,
Детишкам на кроватку,

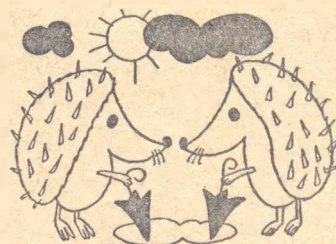

СТИХИ-СМЕШИНКИ

Кукушка
Кукушонку
Купила
Капюшон.
Надел
Кукушонок
Капюшон,
Как в капюшоне он смешон!

Встретил в чаще еж ежа:
— Как погода, еж?
— Свежа.
И пошли домой, дрожа,
Сгорбясь, съежась два ежа.

Нюша-копуша
Час жевала грушу,

Два умывалась,
Три вытиралась.

Нюша завтракать пошла,
Только к ужину пришла.

Петушки распетушились,
Но подраться не решились.
Если очень петушиться,
Можно перышек лишиться.
Если перышек лишиться,
Нечем будет петушиться.

Жарко пожарным,
Живо, воды!
Эй, ты, машина,
Веселей жужжи.
Живо, живо, не лениво,
Всяк свою работу знай,
Ни минуты не теряй.
Поворачивай, спеши,
Знай — туши, туши, туши!

Заболела кукла Маша.
Приходит доктор Айболит
(мама). Доктор спрашивает:
«Что болит у Маши?» На-
таша отвечает за куклу: «У
Маши кашель. Болят уши».
Доктор осматривает куклу,
выписывает лекарство, На-
таша ставит кукле градус-
ник — палочку или каран-
даш, завязывает уши шар-
фом. Кукла поправляется.

В разговоре врача и
больного часто повторяют-
ся слова с буквами **Ш** и **Ж**.

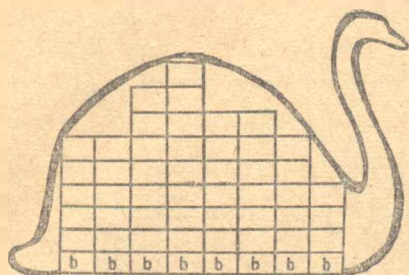
Баклажан и помидор си-
дели на грядке и часто спо-
рили о том, кто из них
вкуснее. Когда они поспе-
ли, хозяин повез их на ба-
зар. На возу они лежали
рядом и опять спорили, ко-
го из них раньше купят.
Баклажан и помидор купил
один покупатель. У него в
сумке они опять спорили —
кого из них скорее съедят.

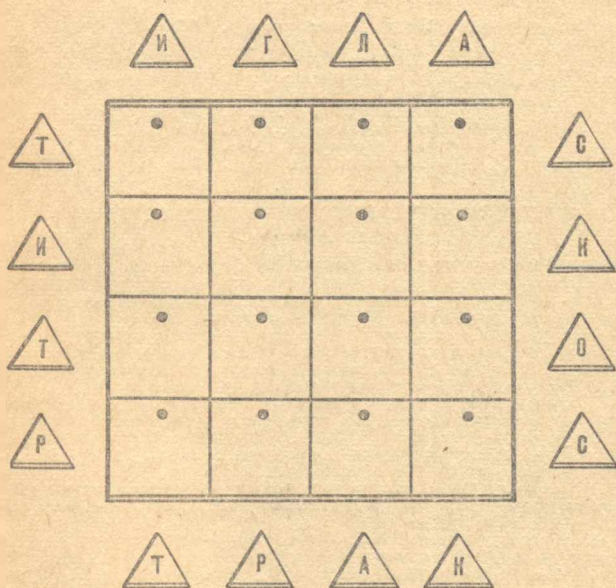
А на кухне их помыли, по-
чистили и положили в ка-
стрюлю тушить. И так они
не узнали, кто из них кра-
сивее и вкуснее.

Мама спрашивает:
— О чем спорили бакла-
жан и помидор?
— Что с ними случилось?
Наташа отвечает.

Подумай!

Впишите восемь названий птиц, оканчивающихся на мягкий знак.

Расставьте треугольники в клетки так, чтобы по горизонтали и вертикали получились слова: орган воздушного питания и газообмена растений; вид развлечения; определенный промежуток времени; чувство меры.

Место склейки

Пересылка по почте оплачена

Адрес:

Москва, Г-117,
Погодинская ул., 8
Издательство „ПЕДАГОГИКА“

Линия отреза

Линия сгиба

Адрес отправителя:

Линия отреза

Место склейки

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

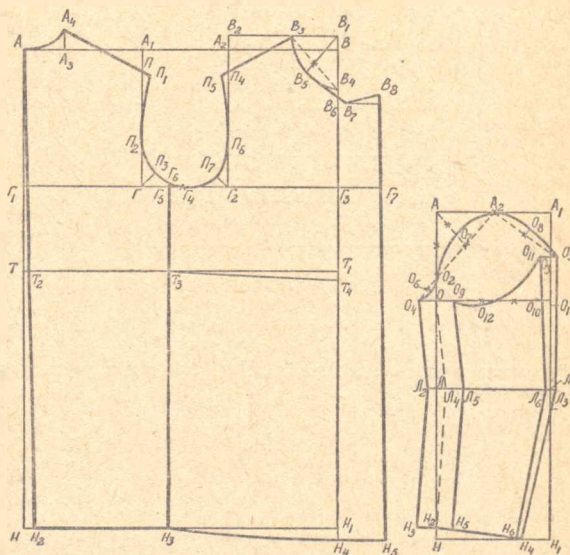
О чем бы вы хотели прочесть в них? Какие хотите предложить темы, названия, каких советуete привлечь авторов?

This image shows a single sheet of cream-colored paper with horizontal blue or grey ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There is no handwriting or other markings on the paper.

Заполните, пожалуйста, этот отрывной листок, склейте его, как указано, и опустите в почтовый ящик.

По просьбе читателей

ПАЛЬТО ДЛЯ МАЛЬЧИКА

Для построения чертежа выкройки пальто необходимо снять следующие мерки (к примеру):

Полуобхват шеи . . .	16
» груди . . .	40
Ширина спины . . .	16,3
» плеча . . .	12,6
Длина спины до линии талии . . .	34,8
Длина пальто . . .	80
Длина рукава . . .	54
Обхват запястья . . .	15

ПОСТРОЕНИЕ ЧЕРТЕЖА ВЫКРОЙКИ СПИНКИ И ПОЛОЧКИ

Длина пальто. С левой стороны проводят вертикальную линию, на которой откладывают мерку длины пальто 80 см и ставят точки А и Н. Через точки А и Н вправо проводят горизонтальные линии.

Ширина пальто. От точки А вправо откладывают мерку полубюхвата груди плюс 12 см и ставят точку В ($AB=40+12=52$ см). Из точки В опускают перпендикуляр до линии низа. Точку пересечения обозначают H_1 .

Длина д. линии талии. От точки А вниз откладывают мерку длины спины до линии талии плюс 2 см и ставят точку Т ($AT=34,8+2=36,8$ см). Через точку Т вправо проводят горизонтальную линию. Точку пересечения с линией ВН, обозначают Т₁.

Ширина спинки. От точки А вправо откладывают мерку ширины спины плюс 3 см и ставят точку А₁ (АА₁=16,3+3=19,3 см).

Ширина проймы. От точки A_1 вправо откладывают $\frac{1}{4}$ мерки полуобхвата груди плюс 4 см и ставят точку A_2 ($A_1A_2=40:4+4=14$ см). Через точки A_1 и A_2 проводят вертикальные линии.

Срез горловины спинки. От точки А вправо откладывают $\frac{1}{3}$ мерки полуобхвата шеи плюс 1,5 см и ставят точку A_3 ($AA_3=16:3+1,5=6,8$ см). Через точку A_3 проводят вверх вертикальную линию, на которой откладывают $\frac{1}{10}$ мерки полуобхвата шеи плюс 1,2 см и ставят точку A_4 ($AA_4=16:10+1,2=2,8$ см). Точки A_1 и А соединяют плавной линией.

Плечевой срез. Из точки A_1 вниз откладывают

3,5 см (для нормальных плеч), 2,5 см (для высоких плеч), 4,5 см (для покатых плеч) и ставят точку П. Через точки А, и П проводят прямую линию на которой откладывают мерку длины плеча плюс 2—2,5 см для вытачки и ставят точку П₁.

Глубина проймы. От точки П вниз откладывают $\frac{1}{4}$ мерки полуобхвата груди плюс 9 см и ставят точку Г (ПГ=40:4+9=19 см). Через точку Г влево и вправо проводят горизонтальную линию. Точку пересечения этой линии с линией АН обозначают Г₁, с линией ширины проймы — Г₂ и с линией ВН₁ — Г₃.

Срез проймы спинки. От точки Г вверх откладывают $\frac{1}{10}$ мерки полуобхвата груди плюс 3,3 см и ставят точку П₂ (ГП₂=40:10+3,3=7,3 см). Угол в точке Г делят пополам, от точки Г по линии деления угла откладывают $\frac{1}{10}$ ширины проймы плюс 1,4 см и ставят точку П₃ (ГП₃=14:10+1,4=2,8 см). Ширину проймы между точками Г₂ делят пополам и ставят точку Г₄. Точки П₁, П₂, П₃ и Г₄ соединяют плавной линией.

Средняя линия спинки. От точки Т вправо откладывают 1 см и ставят точку Т₂. Точки А и Т₂ соединяют прямой линией и продолжают ее до линии низа. Точку пересечения с линией низа обозначают Н₂.

Боковой срез спинки. От точки Г вправо откладывают $\frac{1}{3}$ ширины проймы и ставят точку Г₅ (14:3=4,7 см). Из точки Г₅ опускают перпендикуляр к линии низа, точки пересечения с линией талии и низа обозначают Т₃ и Н₃. Из точки Г₅ восстанавливают перпендикуляр до линии проймы, точку пересечения обозначают Г₆.

Срез горловины полочки. От точки Г₃ вверх по линии откладывают $\frac{1}{2}$ мерки полуобхвата груди плюс 5 см и ставят точку В₁ (Г₃В₁=40:2+5=25 см). От точки Г₃ вверх откладывают отрезок, равный отрезку Г₃В₁ (25 см), и ставят точку В₂. Точки В₁ и В₂ соединяют прямой линией. От точки В₂ влево откладывают $\frac{1}{3}$ мерки полуобхвата шеи плюс 2,5 см и ставят точку В₃ (В₂В₃=16:3+2,5=7,8 см). От точки В₃ вниз откладывают $\frac{1}{3}$ мерки полуобхвата шеи плюс 3,5 см и ставят точку В₄ (В₃В₄=16:3+3,5=8,8 см). Точки В₃ и В₄ соединяют пунктирной линией, делят эту линию пополам, точку В₅ соединяют с точкой деления. От точки В₅ по этой линии откладывают $\frac{1}{3}$ мерки полуобхвата шеи плюс 2,2 см и ставят точку В₆ (В₅В₆=16:3+2,2=7,5 см). Точки В₃, В₅ и В₆ соединяют плавной вогнутой линией.

Примечание. Горловину полочки собирают на ниточку частыми стежками и сутюживают, к горловине

приметывают кромочку. Если ткань не поддается сутюживанию, то по горловине можно сделать вытачку.

Плечевой срез полочки. От точки Г₂ вверх откладывают $\frac{1}{4}$ мерки полуобхвата груди плюс 9,5 см и ставят точку П₄ (Г₂П₄=40:4+9,5=19,5 см). Точки В₂ и П₄ соединяют прямой линией. От точки В₂ влево по этой линии откладывают мерку длины плеча и ставят точку П₅.

Линия проймы полочки. От точки Г₂ вверх по линии откладывают $\frac{1}{10}$ мерки полуобхвата груди плюс 2 см и ставят точку П₆ (Г₂П₆=40:10+2=6 см). Угол в точке Г₂ делят пополам. От точки Г₂ по линии деления угла откладывают $\frac{1}{10}$ ширины проймы плюс 1,3 см и ставят точку П₇ (Г₂П₇=14:10+1,3=2,7 см). Точки П₅, П₆, П₇ и Г₄ соединяют плавной вогнутой линией.

Линия талии полочки. От точки Т₁ вниз откладывают 1,5 см и ставят точку Т₄. Точки Т₄ и Т₃ соединяют плавной линией.

Линия низа полочки. Линию В₆Н₃ продолжают вниз на 2—3 см и ставят точку Н₄. Точки Н₄ и Н₃ соединяют плавной линией.

Линия борта. От точки В₁ вниз откладывают 1—1,5 см и ставят точку В₈. Из точки В₈ касательно к дуге В₃В₆ проводят прямую линию, продолжают ее вправо на 0,5—1 см и ставят точку В₉. Через точку В₉ вправо проводят горизонтальную линию. Линию Г₃ продолжают вправо (для однобортного пальто на 3 см, для двубортного пальто 7—8 см) и ставят точку Г₇. От точки Н₄ вправо откладывают: для однобортного пальто 4 см, для двубортного пальто 8—9 см — и ставят точку Н₅. Точки Н₅ и Г₇ соединяют прямой линией и продолжают линию вверх за горизонтальную линию на 1—1,5 см и ставят точку В₈. Точки В₃ и В₉ соединяют прямой линией.

Построение чертежа выкройки рукава. Прежде чем приступить к построению чертежа выкройки рукава, необходимо сделать предварительный расчет. Ширина рукава в развернутом виде равна ширине проймы с чертежа пальто, умноженной на 3 и минус 2 см (14×3—2=40 см). Ширина рукава по линии низа равна мерке обхвата запястья плюс 10—11 см (15+10=25 см).

Длина рукава. С левой стороны проводят вертикальную линию, на которой откладывают мерку длины рукава (54 см) и ставят точки А и Н. Через точки А и Н вправо проводят горизонтальные линии.

Ширина рукава. От точки А вправо откладывают $\frac{1}{2}$ ширины рукава (по предварительному расчету) и ставят точку А₁ (АА₁=40:2=20 см). Из точки А₁ опускают

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

А. КОЛЕСНИКОВ (Москва). ШТУРМ СНЕЖНОЙ КРЕПОСТИ.

перпендикуляр к линии низа. Точку пересечения обозначают H_1 .

Линия локтя. От точки А вниз откладывают мерку длины рукава до локтя плюс 1 см и ставят точку Л ($АЛ=28+1=29$ см). Через точку Л вправо проводят горизонтальную линию. Точку пересечения с линией АН₁ обозначают Л₁.

Срез оката. От точки А вниз откладывают $\frac{3}{4}$ глубины проймы (с чертежа полочки и спинки плюс 1 см) и ставят точку О ($АО=19:4 \times 3 + 1=15,4$ см). Через точку О вправо проводят горизонтальную линию. Точку пересечения с линией АН₁ обозначают О₁. Линию АО делят на три равные части. Нижнюю точку деления обозначают О₂. Линию А₁О₁ делят на две равные части и ставят точку О₃. Через точку О₃ влево и вправо проводят горизонтальную линию. Через точку О влево проводят горизонтальную линию, на которой откладывают 3 см и ставят точку О₄. От точки О₄ вправо откладывают 1—1,5 см и ставят точку О₅. Линию АА₁ делят пополам, точку деления обозначают А₂. Точки А₂, О₂, О₄ соединяют пунктирными линиями. Отрезок О₄О₅ делят пополам, из точки деления опускают перпендикуляр на 0,4 см и ставят точку О₆. Точку О₆ соединяют плавной линией с точками О₂ и О₄. Отрезок О₄А₂ делят пополам. Точку деления соединяют пунктирной линией с точкой А. Полученную пунктирную линию делят на три равные части, нижнюю точку деления обозначают С₁. Точку А₂ соединяют пунктирной линией с точкой О₆. Отрезок А₂О₆ делят пополам и от точки деления восстанавливают перпендикуляр на 1,5—2 см и ставят точку О₇. Точки О₂, О₄, А₂, О₆, О₇ соединяют плавной линией.

Передний срез верхней половинки. От точки Н₁ вверх откладывают 2 см и ставят точку Н₂. От точки Н₂ влево по горизонтали откладывают 3 см и ставят точку Н₃. От точки Л влево откладывают 1,5 см и ставят точку Л₂. Точки О₁, Л₂, Н₂ соединяют прямыми линиями.

Локтевой срез верхней половинки. Линию ЛЛ₁ продолжают вправо на 0,5 см и ставят точку Л₃. Точки Л₃ и О₁ соединяют прямой линией. От точки Н₂ вправо откладывают $\frac{1}{2}$ ширины рукава внизу (по предварительному расчету) плюс 1 см и ставят точку Н₄ ($НН_4=25:2+1=13,5$ см). Точки Н₄ и Л₃ соединяют прямой линией.

Линия переднего переката. От точки Л вправо откладывают 1,5 см и ставят точку Л₄. Полученную точку соединяют пунктирными линиями с точками О и Н₂.

Передний срез нижней половинки. От точек О, Л₁ и Н₂ вправо откладывают по 3 см и ставят точки О₈, Л₅ и Н₅. Полученные точки соединяют прямыми линиями.

Локтевой срез нижней половинки. От точки О₈ вправо откладывают ширину рукава (по предварительному расчету) минус ширина верхней половинки рукава и ставят точку О₁₀. От точки Л₅ вправо откладывают отрезок, равный отрезку О₈О₁₀ минус 1 см, и ставят точку Л₆. От точки Н₅ вправо по линии низа рукава откладывают ширину рукава внизу (по предварительному расчету) минус ширина верхней половинки рукава по линии низа и ставят точку Н₆. Точки Н₆, Л₆ и О₁₀ соединяют прямыми линиями и продолжают эту линию вверх до горизонтальной линии. Точку пересечения обозначают О₁₁. Отрезок О₈О₁₀ делят на три равные части. Из левой точки деления опускают перпендикуляр на 0,5 см и ставят точку О₁₂. Точки О₁₁, О₁₂, О₈ соединяют плавной линией.

ГАЛИНА ВОЛЕВИЧ,
художник-модельер

СОДЕРЖАНИЕ

В. Д. Бонч-Бруевич. Владимир Ильич в семье	2
Режим дня и новые программы	4
Э. Цюрупа. Две половины одного урока	6
Л. Кабо. Сладчайшее бремя наше	9
К. Гуревич. Воля	12
По ленинским местам	17
Оглянись во гневе...	18
Т. Черных. Любуйтесь цветами	22
Из педагогического наследия	24
Л. Очаковская. Стыдно или трудно?	27
Консультационный пункт «Семьи и школы»	30
Т. Смирнова. Ключ	32
С. Хентова. Русской песни мастер	35
Письма, ответы, комментарии	38
Ст. Рассадин. Душа обязана трудиться	40
В. Рыбанов. Есть ли на свете педагогика?	43
Недавно выпущено...	46
А что в других журналах?	47
Из зарубежных изданий	48
Картинная галерея	49
А. Крестинский. Тигр-дурак	50
На 64 клетках	53
Снежинка. Спортивный клуб читателей	54
Сделай сам	56
Природа у нас дома	57
Понгайте с малышами	58
Г. Волевич. Пальто для мальчика	62

На первой странице обложки: Фото В. Павлова.
На четвертой странице обложки: Фото И. Константинова

Главный редактор Л. М. ИВАНОВА. Редакционная коллегия: Е. И. ВОЛКОВА, С. А. ГУРЕВИЧ, Б. В. ИГРИЦКИЙ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, Р. М. РОГОВА, П. К. ХОЛМОГОРЦЕВ, О. Э. ЧКАЛОВА, М. Ф. ШАБАЕВА, Л. А. ШНАЙДЕР.

Художественно-технический редактор А. К. Ершов

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. Литературных консультаций редакция не дает.

Адрес редакции: Москва, Г 117, Погодинская ул., 8
Телефоны редакции: 245-03-73, 245-12-14, 245-23-69
Издательство «Педагогика»

Подписано к печати 4/ХІ 1969 г. А-11829. Тираж 1631569 (1—731569) экз. Зак. № 836. Бумага 84×108¹/₁₆. Печ. л. 4+вкл. 0,25(6,72+вкл. 0,42). Бум. л. 2,13. Уч.-изд. л. 11,23.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская ул., 11.

ТАБЕЛЬ - КАЛЕНДАРЬ

ЯНВАРЬ

Пн. 6 12 19 26
Вт. 8 13 20 27
Ср. 7 14 21 28
Чт. 1 8 15 22 29
Пт. 2 9 16 23 30
Сб. 3 10 17 24 31
Вс. 4 11 18 25

ФЕВРАЛЬ

2 9 16 23
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28
1 8 15 22

МАРТ

2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28
1 8 15 22 29

АПРЕЛЬ

Пн. 6 13 20 27
Вт. 7 14 21 28
Ср. 1 8 15 22 29
Чт. 2 9 16 23 30
Пт. 3 10 17 24
Сб. 4 11 18 25
Вс. 5 12 19 26

МАЙ

4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31

ИЮНЬ

1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28

1970

ИЮЛЬ

Пн. 6 13 20 27
Вт. 7 14 21 28
Ср. 1 8 15 22 29
Чт. 2 9 16 23 30
Пт. 3 10 17 24 31
Сб. 4 11 18 25
Вс. 5 12 19 26

АВГУСТ

3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30

СЕНТЯБРЬ

7 14 21 28
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27

ОКТАБРЬ

Пн. 5 12 19 26
Вт. 6 13 20 27
Ср. 7 14 21 28
Чт. 1 8 15 22 29
Пт. 2 9 16 23 30
Сб. 3 10 17 24 31
Вс. 4 11 18 25

НОЯБРЬ

2 9 16 23 30
3 10 17 24
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27
7 14 21 28
1 8 15 22 29

ДЕКАБРЬ

7 14 21 28
1 8 15 22 29
2 9 16 23 30
3 10 17 24 31
4 11 18 25
5 12 19 26
6 13 20 27